

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61024 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р филос. наук, проф. Б.Л. Губман (*глав. редактор*);
чл.-кор. РАН, д-р филос. наук, проф. И.Т. Касавин;
Ph.D., Prof., University of Marburg М.Е. Соболева (ФРГ);
Ph.D., Prof. of Eastern Washington University,
Spokane И.Э. Клюканов (США);
д-р филос. наук, вед. науч. сотр. И.И. Блауберг;
д-р филос. наук, проф. В.А. Михайлов;
д-р филос. наук, проф. В.Э. Войцехович;
д-р филос. наук, глав. науч. сотр. Э.М. Спинова;
чл.-кор. РАО, д-р пед. наук,
канд. филос. наук, проф. М.А. Лукацкий;
канд. филос. наук, доц. С.В. Рассадин (*отв. секретарь*);
канд. филос. наук, доц. С.П. Бельчевичен

Адрес редакции:

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 204
Тел.: +7 (4822) 63-01-51, +7 (4822) 34-78-89

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть воспроизведена без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2024

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФC77-61024 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Philosophy

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

D.Sc. in Philosophy, prof. B.L. Gubman (*editor-in-chief*);
Corresponding Member of RAS, D.Sc. in Philosophy, prof. I.T. Kasavin;
Ph.D., prof., University of Marburg, Maya E. Soboleva (Germany);
Ph.D., prof. of Eastern Washington University, Spokane Igor E. Klyukanov (USA);
D.Sc. in Philosophy I.I. Blauberg, D.Sc. in Philosophy, prof. V.A. Michailov;
D.Sc. in Philosophy, prof. V.E. Voicechovich; D.Sc. in Philosophy E.M. Spirova;
Corresponding Member of RAE; Dr. of Pedagogical Sciences,
Cand.Sc. in Philosophy, prof. M.A. Lukatsky;
Cand.Sc. in Philosophy, assoc. prof. S.V. Rassadin (*executive secretary*);
Cand.Sc. in Philosophy, assoc. prof. S.P. Belchevichen

Editorial Office:

Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31, office 204
Phone: (4822) 63-01-51, (4822) 34-78-89 (*editor-in-chief*)

*All rights reserved. No part of this publication may be
reproduced without the written permission of the publisher.*

Содержание

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА -----	5
Лебедев С.А., Бурханова В.М. Истинность научных теорий-----	5
Коськов С.Н. Эйнштейновская специальная теория относительности и ее конвенциональное построение. Проблемы структуры и основные положения----	14
Кожевников Н.Н. Исследование системы координат мира как совокупности предельных динамических равновесий его вещей -----	23
Ксенофонов В.А. Приоритет развития государства: военная сфера национальной безопасности-----	33
Ковалев А.А. Международное гуманитарное право в эпоху нетрадиционных войн: вызовы и перспективы-----	49
Ильин В.В., Кокоева И.А. Национальное образование в глобальном мире-----	62
Мукин В.А., Плясунова Е.С. Философия в условиях цифровизации общества ---	76
Пономарёв В.А. «Сетевые эффекты» глобализации: их влияние на генезис и динамику «сетевого» терроризма -----	85
Лебедев В.Ю. Historia morbi и культурная антропология детства и юности-----	97
Синицына-Солодкая Е.В. Женская идентичность в советском социуме: генезис и проблемы становления-----	107
Буланов В.В., Токарчук Е.Г. Множественная идентичность и примирение ---	115
Равочкин Н.Н. Личные истории и нарративы как социальные феномены современности: философский анализ -----	120
Ищенко Н.С. Инициация и христианская антропология в повести Елены Хаецкой «Летающая Тэкла» -----	131
ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ -----	141
Михайлова Е.Е. Т.Н. Грановский: факты и мифы средневековой культуры (статья первая) -----	141
Гурьянова А.В., Тимофеев А.В. Проблема «европейничания»: прогностический потенциал цивилизационной историософии Н.Я. Данилевского -----	148
Домнинский П.А. Культура как социальное производство: к спору Н.А. Бердяева и Г.П. Федотова-----	158
ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ --	166
Ануфриева К.В. Антропологическое измерение меланхолии в психоаналитическом дискурсе З. Фрейда и Ж. Лакана -----	166
Потамская В.П. Интеллектуальная история К. Скиннера: проблема понимания исторических текстов -----	173
Шаповалов И.С. Постигание смерти в культурной антропологии Эрнеста Беккера -----	184
Правила представления рукописей авторами в журнал «Вестник ТвГУ. Серия: Философия» -----	195

Contents

MAN, SCIENCE, CULTURE	5
Lebedev S.A., Burkhanova V.M. The Truth of scientific theories	5
Koskov S.N. Einstein's special theory of relativity and its conventional construction. Problems, structure and main provisions	14
Kozhevnikov N.N. Study of the coordinate system of the world as a set of limiting dynamic equilibria of its things	23
Ksenofontov V.A. The priority of state development: military sphere of national security	33
Kovalev A.A. International humanitarian law in the Era of unconventional wars: challenges and prospects	49
Ilyin V.V. , Kokoeva I.A. National education in the global world	62
Mukin V.A., Plyasunova E.S. Philosophy in the conditions of the digitalization of society	76
Ponomarev V.A. «Network effects» of globalization: their influence on the genesis and dynamics «Network» terrorism	85
Lebedev V.Y. Historia morbi and the cultural anthropology of childhood and youth	97
Sinitsyna-Solodkaya E.V. Women's identity in soviet society: genesis and problems of formation	107
Bulanov V.V., Tocarchuk E.G. Multiple identity and reconciliation	115
Ravochkin N.N. Personal stories and narratives as social phenomena of modern time: philosophical analysis	120
Ishchenko N.S. Initiation and christian antropology in Elena Khayetskaya's novel «The Flying Tekla»	131
 PROBLEMS OF RUSSIAN PHILOSOPHY -	141
Mikhailova E.E. T.N.Granovsky: facts and myths of medieval culture	141
Guryanova A.V., Timofeev A.V. The problem of «Europeanization»: the prognostic potential of N.Y. Danilevsky's civilizational historiosophy	148
Domninskii P.A. Culture as a social production: the dispute between N.A. Berdyaev and G.P. Fedotov	158
 PHILOSOPHY ABROAD: PAST AND PRESENT	166
Anufrieva K.V. Anthropological dimension of melancholia in the psychoanalytic discourse of S. Freud And J. Lacan	166
Potamskaya V.P. Q.Skinner's intellectual history: problems of understanding of historical texts	173
Shapovalov I.S. Comprehension of death in Ernest Becker's cultural anthropology	184

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 168:514.1

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.005

ИСТИННОСТЬ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ

С.А. Лебедев, В.М. Бурханова

ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана» (национальный исследовательский университет)
(МГТУ им. Н.Э. Баумана) г. Москва

В современной философии науки не существует ни единого определения научной истины, ни универсального критерия истинности научных теорий. И это отнюдь не случайно. Дело в том, что в науке имеются качественно различные по своему содержанию области научного знания, качественно различные по своим предметам отдельные науки внутри одной и той же области науки, различные по своему содержанию и методам уровни научного знания в любой конкретной науке. Поэтому вполне естественно, что разные уровни научного знания представлены разными (по содержанию и методам своего обоснования) типами научных теорий. Для эмпирического уровня научного знания это феноменологические теории (эмпирические по своему содержанию). Для идеальных объектов теоретического уровня это логически доказательные, аксиоматические теории. Для метатеоретического уровня это теории парадигмального или общенаучного статуса. Очевидно, что для столь разных по содержанию и методам построения теорий не может существовать единых критериев их истинности. Поэтому для современной методологии науки одной из актуальных проблем является разработка соответствующих критериев истинности для разных типов теорий. Только такой подход может наилучшим образом соответствовать структурному и методологическому плюрализму современной науки.

Ключевые слова: научная теория, феноменологическая теория, идеально-конструктивная теория, парадигмальная теория, метатеория, критерии истинности научных теорий.

1. Концепции истины

В философии и методологии науки описано множество концепций истины и ее критериев. Согласно наиболее распространенной, так называемой «корреспондентской концепции» под «истиной» понимается рациональное знание, полностью тождественное своему предмету. Эта концепция восходит к пониманию истины древнегреческим философом Парменидом: «говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, — значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, — значит говорить истинное». Такое определение истинности основывается

© Лебедев С.А., Бурханова В.М., 2024

на возможности сопоставления знания с действительностью. Однако оно вызывает явные трудности с точки зрения его применимости к объективной реальности, ибо знание непосредственно можно сравнить, во-первых, только с другим знанием, а не с объективной реальностью, поскольку последняя по определению находится вне сознания людей, а во-вторых, непосредственно не со всяким знанием, а только с однотипным по содержанию: например, один чувственный образ с другим чувственным образом или одно геометрическое высказывание с другими геометрическими высказываниями. Конечно, можно сравнивать одно знание с другим опосредованно, через частичное сходство каждого из них с некоторым третьим знанием. Но тождество по аналогии всегда является неполным и только вероятностным. Отождествление теоретического знания с объективной реальностью возможно только через эмпирическое знание, затем через отождествление эмпирического знания с чувственным, а только после этого усилием когнитивной воли субъекта познания его отождествление с объективной реальностью. Эта «многоходовка» делает установление тождества содержания теории с объективной реальностью абсолютно ненадежной процедурой, а констатацию тождества теории с объективной материальной реальностью не более чем метафорой.

Согласно другой распространенной концепции истины – прагматической – истинное знание это просто полезное знание, в отличие от бесполезного (Пирс). Первой проблемой такого определения является многозначность и операционная неопределенность самого понятия «полезность». Второй проблемой – невозможность с его помощью охватить все типы знаний. В-третьих, при прагматическом понимании истина должна соответствовать интересам и целям субъекта, а отнюдь не объективной реальности. В таком случае говорить об объективности прагматического понимания истины просто бессмысленно.

Еще одной известной концепцией истины является когерентная теория, согласно которой истиной является суждение, находящееся в согласии с другими суждениями, полагаемыми истинными. Тогда «каждое отдельное истинное суждение будет утверждать только часть истины, а всю истину высказывает лишь вся система в целом, элементом которой является данное суждение» [2]. Проблемой в данном случае является невозможность формулировки полной системы истинных утверждений и установление необходимого числа когерентных высказываний для ее создания.

2. Типы научных теорий и их истинность

В современной методологии науки различают шесть типов научных теорий: феноменологические, идеально-конструктивные, аналитические, синтетические: частные и общие [6]. Различие между ними приводит к различным критериям их истинности. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

2.1. Истинность феноменологических теорий

Феноменологическая теория — это множество эмпирических законов, относящихся к определенной области явлений и объектов. Основная трудность установления истинности эмпирических законов заключается в том, что в структуре высказываний о законах имеются такие характеристики, как всеобщность и необходимость, и соответствующие им логические кванторы и модальности: «все», «всегда», «необходимо», которых не было ни в протокольных высказываниях о данных наблюдения, ни в научных фактах как индуктивных обобщениях протоколов. Эмпирические законы не могут быть и не являются логическими обобщениями ни протоколов, ни фактов, они конструируются мышлением в виде гипотез, хотя и на основе фактов. Соответствие же эмпирических законов фактам с логической точки зрения нельзя рассматривать не только как доказательство истинности законов, но даже как подтверждение их истинности. Дело в том, что с точки зрения законов формальной логики истинные высказывания могут быть выведены как из истинных посылок, так и из ложных. Опираясь на это обстоятельство, К. Поппер и построил свою антииндуктивистскую модель научного познания, в которой фактам и опыту отведена роль не подтверждения истинности эмпирических законов и теорий, как это было у всех позитивистов, а гораздо более скромная, хотя и, безусловно, важная функция: опровержение и отбраковка ложных гипотез законов фактами [7]. Эмпирический закон является ложным, если хотя бы одно из его следствий противоречит истинным фактам. Похожая гносеологическая ситуация имеет место с обоснованием истинности эмпирических или феноменологических теорий, представляющих собой свободную от логических противоречий систему множества эмпирических законов, относящихся к определенной предметной области (физика Аристотеля, небесная механика Кеплера, электродинамика Фарадея, классическая термодинамика, эмпирическая социология, физиология, медицина и др.). Для доказательства истинности любого эмпирического закона существует только один путь — выведение его в качестве логического следствия из более общего эмпирического закона. Но тогда возникает проблема обоснования истинности более общего закона. А здесь имеются только два выхода: 1) дальнейший регресс в бесконечность, заканчивающийся принятием некоторой натурфилософии; 2) конвенциональная трактовка истинности эмпирических законов и теорий.

Конечно, можно в качестве выхода предложить как критерий истинности эмпирического закона достигаемый на основе его применения успех в планировании и осуществлении определенной практической деятельности. Однако апелляция к практике как критерию истинности научного знания с логической точки зрения есть не что иное, как один из вариантов индуктивистской методологии, ограниченные возможности которой в решении проблемы истинности научного знания доказаны в современной философии науки достаточно убедительно. Критерий практики как крите-

рий истинности знания применим в лучшем случае только к оценке прикладного технического и технологического знания, но он не применим к оценке истинности фундаментальных естественнонаучных, социальных, а тем более математических теорий.

В структуре эмпирического знания лишь два его элемента – протокольные предложения и эмпирические факты – могут быть доказаны как истинные. Критерием истинности протоколов является их полное соответствие содержанию описываемых с их помощью данных наблюдения и эксперимента. Правда, признание такого тождества носит конвенциональный характер, что признавал и Поппер [4]. Истинность же эмпирических фактов является логически доказательным выводом из истинности конечного числа протоколов в соответствии с правилом полной перечислительной индукции. Два других элемента эмпирического знания – эмпирические законы и феноменологические теории – могут претендовать только на возможную истинность при условии, что их следствия не опровергнуты опытом. Но и в этом случае суждения об их истинности будут иметь всегда только характер гипотез. Конечно, в реальном процессе научного познания ученые постоянно осуществляют выбор наилучшей среди возможно истинных гипотез. Но это происходит не по оценке степени истинности (само понятие степени истинности является логически противоречивым), а по оценке других свойств гипотез, например, таким как их объяснительная, но особенно предсказательная сила, их относительная простота, эффективность в применении, удобство, соответствие массиву общепринятого в науке знания, мировоззренческая значимость. Однако очевидно, что все эти критерии являются не только относительными, но и имеют у разных гипотез разный вес, поэтому оценка значимости каждого из этих параметров гипотезы и их веса обладает сугубо конкретным и конвенциональным характером.

2.2. Истинность идеально-конструктивных теорий

Идеально-конструктивные теории имеют в качестве своих предметов идеальные объекты, их свойства, отношения и закономерности [1]. Очевидно, что истинность их содержания не может быть установлена путем его сравнения с экспериментом, поскольку они описывают свойства только идеальных объектов. Однако для многих идеальных объектов, описываемых этим типом теорий, существуют эмпирические аналоги как в опыте, так и в объективной реальности. В качестве примера можно привести общую теорию относительности (далее – ОТО), создававшуюся А. Эйнштейном в течение примерно десяти лет, с 1907 по 1916 г. Изначально она была описана как достаточно формальная математическая конструкция, однако впоследствии подтверждена экспериментами и астрономическими наблюдениями. Первой такой проверкой было измерение отклонения лучей света в поле тяготения Солнца во время солнечного затмения 1919 г., выполненное английской астрономической экспедицией под

руководством А. Эддингтона. Отметим, что точность этих измерений была не слишком велика. Систематическая проверка предсказаний общей теории относительности (включая существование гравитационных волн) с относительно высокой точностью стала возможна лишь после открытия американскими астрономами Тейлором и Халсом редчайшего объекта – двойного пульсара – уже через 60 лет после создания ОТО. Интересно отметить, что, как показали исследования американского историка науки Д. Холтона, и в создании специальной теории относительности основную роль также играли не экспериментальные данные (знаменитый опыт Майкельсона – Морли), а анализ трудностей и внутренних проблем теории электромагнитного поля, созданной Максвеллом. Впоследствии неоднократно сообщалось об «опровержениях» специальной и общей теории относительности, однако в конечном счете проверка выявляла несостоятельность этих опровержений. Таким образом, вполне допустимо трактовать любую теоретическую истину как потенциально эмпирическую. Это осуществляется с помощью эмпирической интерпретации теории путем отождествления ее идеальных объектов с эмпирическими или реальными объектами. Конечно, никакой абсолютной гарантии успеха такого отождествления не существует, но это единственный способ нахождения области применения трансцендентальной теории к объективной реальности. Но одной из вероятных гарантий успешной эмпирической интерпретации таких теорий является только само создание идеальных объектов на основе мыслительной обработки содержания существующих эмпирических объектов. С другой стороны, именно идеальный характер объектов трансцендентальной теории позволяет получить потенциально бесконечное множество ее эмпирических интерпретаций и возможных областей применения. Самым ярким примером по количеству успешных эмпирических интерпретаций ее идеальных объектов является классическая механика. В то же время реальная история науки убедительно свидетельствует о том, что ни одна из идеально-конструктивных теорий в принципе не может претендовать на универсальное применение к действительности [5]. И это банально обусловлено тем, что любая теория имеет в своем распоряжении вполне определенный, но при этом конечный информационный ресурс своего содержания, определяемый свойствами и отношениями ее идеальных объектов.

Собственным же критерием истинности идеально конструктивной теории является соответствие ее утверждений содержанию собственных идеальных объектов [3]. При этом стоит различать критерии истинности ее исходных утверждений и производных. Критерием истинности аксиом идеально конструктивной теории считается либо интуитивная очевидность их содержания, либо постулирование их истинности на основе конвенции [8]. Истинность производных утверждений такой теории определяется либо их логическим выводением из исходных (дедуктивный метод), либо конструктивным построением на их основе (генетически-конструктивный

метод). Сравнение содержания научных теорий с эмпирической или объективной реальностью всегда будет говорить только о частичном или приблизительном их тождестве, а потому не может быть критерием оценки их истинности. Такое сравнение может быть оценкой только степени их применимости к описанию эмпирической реальности и выполнению ими функции эталонной реальности по отношению к объективной реальности. Идеально-конструктивные теории являются истинными по построению, а поэтому не нуждаются в обращении к опыту за подтверждением своей истинности.

2.3. Истинность аналитических теорий

Поскольку аналитические научные теории имеют онтологические основания не в опыте, а в мышлении, они являются самодостаточными и относительно независимыми по отношению к опыту. Аналитическим знанием являются два вида высказываний. Первые имеют форму либо «А есть А» (скрытые тавтологии), либо «А есть В», в котором содержание понятия В является правильной частью понятия А. Пример такого аналитического высказывания, приводимого Декартом и Кантом: «все материальные тела протяженны». Аналитическими теориями являются все теории логики и математики. Две теории современной формальной (математической) логики являются полностью аналитическими: это исчисление высказываний и исчисление одноместных предикатов. Аксиомы всех логических теорий являются высказываниями, истинность которых определяется только их логической формой, независимо от их содержания. Она легко проверяется табличным способом. Все остальные утверждения логических теорий являются дедуктивными следствиями их аксиом, а потому их истинность также является аналитической и не зависящей от их содержания. Выдающимися логиками XX в. А. Тарским и А. Черчем была доказана абсолютная полнота и абсолютная непротиворечивость исчисления высказываний и исчисления одноместных предикатов. Для всех других логических теорий доказать это оказалось невозможно, как и для двух базовых теорий математики: арифметики и евклидовой геометрии (результаты Д. Гильберта и его ученика К. Геделя). С философской точки зрения это означало, что все теории классической математики являются аналитическими не полностью, а только частично, и притом в разной мере. Причем это относится даже к максимально формализованным математическим теориям. Но отсюда отнюдь не следует ни то, что истинность математических и логических теорий должна проверяться опытом, ни то, что не существует аналитических теорий. Твердо можно сказать только то, что содержание большинства логических и всех математических теорий нельзя полностью формализовать, свести его к его чисто синтаксическому представлению. И второе, что в математических науках интуиция как средство познания имеет существенное значение. Необходимыми условиями истинности аналитических теорий являются следующие:

1. Интуитивно понятное содержание исходных идеальных объектов теории.
2. Конструирование производных объектов теории только на основе ее исходных объектов.
3. Интуитивная очевидность аксиом или принятие их истинности на основе конвенции.
4. Доказательство всех ее утверждений исключительно на основании аксиом.
5. Интуитивный контроль правильности логических выводов.
6. Отсутствие логических противоречий в построенной теории.

2.4. Истинность синтетических теорий: частных и общих

Характеристика любой синтетической теории как частной или общей является сугубо относительной (частной или общей любая теория является только по отношению к какой-то другой теории). Такой же относительной и исторически изменчивой является квалификация той или иной теории как фундаментальной или общей. В гносеологическом отношении различие между общими и частными теориями имеет принципиальное значение в силу того, что к каждому из этих типов теорий применяются разные критерии истинности. Например, критерием истинности частных научных теорий считается выведение или конструирование законов частных теорий как предельных случаев законов фундаментальных теорий (принцип соответствия Н. Бора). В данном случае истинность частной теории обосновывается дедуктивно, путем выведения аксиом частной теории как теорем фундаментальной теории. Очевидно, что при таком подходе к обоснованию истинности частной теории она будет существенно зависеть от признания истинности общей теории. Однако в этом случае решение проблемы истинности частной теории существенно зависит от возможности доказательства истинности фундаментальных теорий. Последние в силу их наибольшей общности в структуре существующего научного знания уже не могут быть обоснованы путем подведения их под еще более общие теории. Поэтому наиболее оправданным критерием истинности фундаментальных научных теорий является только научный консенсус дисциплинарного научного сообщества [3].

Заключение

Научная теория отличается от эмпирического знания не только онтологией, но и способами ее конструирования и обоснования, а также функциями, выполняемыми в процессе научного познания. В результате при оценке истинности эмпирического и теоретического знания должны применяться разные по своей сущности критерии. Помимо этого, критерии истинности также различны для каждого из типов научной теории: феноменологической, идеально-конструктивной, аналитической, синтетической: частной и общей. Любая истина в науке всегда предпосылочна и от-

носительна, поскольку опирается на ранее накопленное знание, а также на конкретные условия познания, образующие ту когнитивную систему отсчета, которая и определяет в каждом конкретном случае перспективу видения объекта научного познания и пространство его возможных решений. В силу существования этих необходимых и неустранимых условий научного познания в науке постоянного возникает плюрализм научных концепций и как следствие необходимость выбора субъектами научного познания наиболее предпочтительных из них в качестве истинных.

Список литературы

1. Бурбаки Н. Теория множеств. М.: Мир, 1965. 465 с.
2. Лебедев М.В., Черняк А.З. Онтологические проблемы референции. М.: Праксис, 2001. 342 с.
3. Лебедев С.А. Проблема истинности научной теории // Гуманитарный вестник. 2018. № 4 (66). DOI: 10.18698/2306-8477-2018-4.
4. Лебедев С.А. Уровневая методология науки. М.: Прогресс. 2020. 208 с.
5. Лебедев С.А., Рубочкин В.А. История и философия науки. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2010. 196 с.
6. Лебедев С.А. Современная философия науки. М.: Проспект. 2023. 312 с.
7. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс. 1983. 605 с.
8. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983. 560 с.

THE TRUTH OF SCIENTIFIC THEORIES

S.A. Lebedev, V.M. Burkhanova

Bauman Moscow State Technical University (National Research University),
Moscow

In the contemporary philosophy of science, there is no single definition of scientific truth, nor a universal criterion for the truth of scientific theories. And this is by no means accidental. The fact is that in science there are qualitatively different fields of scientific knowledge in their content, qualitatively different individual sciences within the same field of science, levels of scientific knowledge in any particular science that differ in their content and methods. Therefore, it is quite natural that different levels of scientific knowledge are represented by different types of scientific theories (in terms of content and methods of their justification). For the empirical level of scientific knowledge, these are phenomenological theories (empirical in their content). For ideal objects of the theoretical level, these are logically evidence-based, axiomatic theories. For the meta-theoretical level, these are theories of paradigmatic or general scientific status. It is obvious that for theories so different in content and methods of construction, there cannot be uniform criteria for their truth. Therefore, for the contemporary methodology of science, one of the urgent problems is the development of appropriate truth criteria for different types of

theories. Only such an approach can best correspond to the structural and methodological pluralism of contemporary science.

Keywords: *scientific theory, phenomenological theory, ideal constructive theory, paradigm theory, metatheory, criteria for the truth of scientific theories.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия» ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана» (национальный исследовательский университет (МГТУ им. Н.Э. Баумана)). E-mail: saleb@rambler.ru

БУРХАНОВА Виктория Максимовна – аспирантка ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана» (национальный исследовательский университет (МГТУ им. Н.Э. Баумана)). E-mail: nilyvi@yandex.ru

Authors information:

LEBEDEV Sergey Aleksandrovich – PhD (Philosophy), Senior Researcher of Philosophical Department, Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow. E-mail: saleb@rambler.ru

BURKHANOVA Victoria Maksimovna – PhD student at the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow. -mail: nilyvi@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 01.02.2024.

УДК 168:514.1

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.014

ЭЙНШТЕЙНОВСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ. ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРЫ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

С.Н. Коськов

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева»,
г. Орел

Рассматривается создание специальной теории относительности, как решение проблем классической физики. Основные положения эйнштейновской теории относительности представлены как логически взаимосвязанные постулаты. Показана их конвенциональная природа и конвенциональный характер специальной теории относительности, как любой трансцендентальной теории.

Ключевые слова: *идея теории относительности, идея Эйнштейновской специальной теории относительности, методологический анализ, мировоззренческий анализ, конвенция, конвенциональность теории.*

«Сплотив воедино понятия пространства и времени, массы и энергии, тяготения и инерции, это теория наравне с другими теориями классической физики подчинилась той унифицирующей тенденции, которая, как мы отмечали ранее, воодушевляла физику XIX века»
Марио Льюцци

В 1905 г. Эйнштейн, создавая специальную теорию относительности, исповедовал пропозитивистский принцип наблюдаемости. В соответствии с ним физическое понятие, не имеющее своего физического референта, не обладает правами на существование. В отношении к понятию «эфир» — это означает: раз его нельзя обнаружить никакими физическими методами и экспериментами, то его попросту не существует. Следовательно, нужно отказаться от эфемерного понятия «эфир». Приговор жесткий и однозначный, обжалованию не подлежит. На тот момент это спасительное решение для нового становления неклассической физики, как и отказ от абсолютных понятий классической физики, так и отказ от всего абсолютного в области познания.

Методологическая проблематика связана с выбором теории и, в целом, с проблемой выбора в научном познании, с проблемой плюрализма в понимании научной истины. Осознание этих проблем, как нормативных, методологических проблем, началось в 1960–70-е гг. Как связан уровень

© Коськов С.Н., 2024

наблюдения и теоретический уровень познания – остается по сути дела открытым. Нет прямых линий, взаимосвязей, эксперимента и т. д.

В 1935 г. Эйнштейн пишет в письме К. Попперу «В целом мне действительно не нравится модная в настоящее время “позитивистская” тенденция цепляться за то, что является наблюдаемым» и далее «... я думаю (подобно Вам, между прочим), что теория не может быть получена из результатов наблюдений, но может быть только изобретена» [5, с. 283–284,]. Другими словами, Эйнштейн хотел сказать, – «я конструирую теорию». Именно, осознание научной деятельности, как процесса конструирования научного знания открывает неограниченные возможности научного творчества. Ограничения должны быть только нравственного характера.

Эйнштейн утверждает: «Понятие “истины” к такому образованию ещё совсем неприменимо; это понятие может, по моему мнению, быть введено только тогда, когда имеется налицо условное соглашение относительно элементов и правил игры» [4, с. 241]. Такая постановка вопроса очень близка к конвенционалистскому пониманию научной истины Карнапом и Айдукевичем. Путём определений основных понятий и аксиом выстраивается теория, а в качестве правил предлагается правило логического синтаксиса. Главное условие такого построения – не допустить противоречий внутри системы – когерентная концепция научной истины.

Почему становится закономерным такое понимание научной теории и истины? Ответ на этот вопрос заключается в понимании сложности многоуровневости научного знания: чувственный уровень, эмпирический уровень, теоретический уровень, метатеоретический уровень. Все эти уровни не только взаимосвязаны, но и относительно автономны [3].

Именно автономность теоретического уровня научного знания, делает возможным появления новых теорий. В частности, она обеспечила появление специальной теории относительности, утвердила права гражданства мысленного эксперимента в науке.

К началу XX в. в ньютоновской физике накопился ряд проблем философского, логического, эмпирического и теоретического характера, которые могли иметь целый спектр различных решений, в том числе локального характера. Но требовалась целостная теория, и такой теорией стала эйнштейновская теория относительности 1905 г., которую называют специальной теорией относительности (далее – СТО) или частной теорией относительности. Данная теория носит коллективный характер, создавалась целой группой ученых. Среди них – А. Пуанкаре, Г.А. Лоренц, М. Планк, Дж. Лармор, Ф.С. Фицджеральд, Г. Минковский, но авторство принадлежит Альберту Эйнштейну.

I. Специальная теория относительности — это естественнонаучная теория, а не художественное произведение или натурфилософские рассуждения. Она имеет дело исключительно с числом и измерением. Всё, что выходит за число и измерение, может относиться к метафизическим, фи-

лософским рассуждениям и т. д., но не является естественнонаучным знанием.

Чтобы она действительно стала новой теорией, необходимо было отказаться от старых понятий, но не от пространства и времени, движения и т. д., а от абсолютного характера физических понятий.

II. Специальная теория относительности — это кинематическая теория, то есть она описывает лишь количественный характер движения без указания на его причины.

III. Первым шагом было объявление скорости света постоянной и независимой от характера движения источника света. Т. е. скорость света постоянна, приблизительно 300 000 км/сек., но само по себе такое заявление носило постулативный характер, который в свою очередь потребовал ряд других постулатов.

IV. Специальная теория относительности — это мир инерциальных систем, т. е. систем отсчёта, которые движутся прямолинейно и равномерно относительно друг друга, либо покоятся. СТО описывает лишь количественное движение инерциальных систем.

V. Принцип относительности Эйнштейна. Если у Галилея принцип относительности касался лишь механического движения, то принцип относительности Эйнштейна объединяет механику и электродинамику:

A) все механические и электродинамические процессы протекают одинаковым образом;

B) все механические и электродинамические процессы описываются одними и тем же уравнениями;

C) уравнения, описывающие все механические и электродинамические процессы, имеют (ковариантный) инвариантный характер;

D) все механические и электродинамические процессы имеют одинаковую форму;

E) наблюдатель, находящийся внутри инерциальной системы, её собственными средствами не может определить находится ли она в движении, или же она покоится.

VI. Радикальным решением стало новое понятие одновременности, которое тоже потеряло свой абсолютный характер и получило свой относительный статус.

До эпохи Эйнштейна всем априорно казалось на уровне теории и научной практики, что понятие одновременности событий носит абсолютный характер, и если мы синхронизируем тысячи пар наилучших часов и разместим их в различных городах, механизмах, ракетах, самолетах, звездах и т. д., то все они будут показывать одно и то же время. К примеру, в 15:00 одновременно все эти часы прозвонят в одно и то же мгновение по всей Вселенной. Как синхронизировать часы на Земле и Луне? Если стрелять из каких-нибудь пушек или ракет, то это будет очень неудобно, неточно. С помощью посылки сигнала это, конечно, проще и точнее. Из пункта А (часы на Земле) посылается сигнал в точку В (часы на Луне) и

затем посылается обратно, и если в точке А и В будет показано одно и то же время, то эта пара событий окажется одновременной. Но если это даже практически возможно, то что нам это даёт теоретически, как и другой возможный единичный, практический пример?

Возьмем другой пример, на гигантской платформе стоит гигантский вагон. Посредине вагона стоит стульчик, на котором сидит наблюдатель. Над его головой висит обыкновенная лампочка, а по внутренним стенкам вагона расположены фотоэлементы и звонки. И когда наблюдатель включает лампочку, то боковые элементы вспыхивают одновременно и одновременно начинают звучать звонки. Это ни у кого не вызывает сомнений, т. к. это и должно быть. Но есть другой наблюдатель, который стоит на противоположной космической гигантской платформе и у него будут такие же лампочки, стульчик и фотоэлементы на столбах платформы. И если второй наблюдатель не движется по отношению к первому, то для него, как для первого наблюдателя, звонки и фотоэлементы также сработают одновременно.

Теперь предположим другую ситуацию. Первый наблюдатель движется с достаточно большой скоростью (размеры платформ космически-гигантские), тогда для первого наблюдателя картина не изменится, включается лампочка, и вспышка света достигает одновременно боковых фотоэлементов и звонков, и если эта идеально ровная платформа, то он даже не заметит движение своего вагона [1]. А как эту ситуацию воспримет другой наблюдатель, стоящий на противоположной стороне платформы? Предположим, что по отношению к нему вагон движется справа налево. Тогда для него быстрее загорится и зазвенит правая сторона вагона. А на левой стороне, которая удаляется от источника света, вспышка фотоэлемента и звонок произойдут позже. Какой же радикальный вывод напрашивается дальше? Та пара событий, которая была одновременной для первого наблюдателя, окажется неодновременной для наблюдателя, стоявшего на платформе. Можно продолжить этот пример. Теперь за вторым наблюдателем наблюдает первый наблюдатель, находящийся в вагоне. Вагон первого наблюдателя не движется, поэтому, когда вспыхивает лампочка на платформе, где стоит второй наблюдатель, на боковых столбах сигнальные элементы сработают одновременно, но когда первый наблюдатель уже из движущегося вагона будет следить за вторым наблюдателем, то сигнальные элементы на столбах платформы сработают не одновременно. Левая сигнальная система сработает раньше, чем правая, и в этом случае световые сигналы будут распространяться с различной скоростью, хотя скорость света постоянна.

События одновременные в одной инерциальной системе могут быть неодновременными в другой инерциальной системе [2]. Понятие одновременности тоже оказывается относительным понятием. Более того, все примеры, связанные с определением одновременности событий, носят конвенционный характер.

VII. Глубокий анализ оснований физических критериев показывает, что действительно, раз такое фундаментальное понятие одновременности уже не срабатывает в новой физике, то и это означает, что все преобразования Галилея не годятся для теории относительности. Анализ понятий и принципов новой физики требует таких преобразований, при которых законы оставались бы инвариантами, независимо от их количественных изменений. Такие преобразования были созданы Х.А. Лоренцем и Фицджеральдом, для всех инерциальных систем, а для групп преобразования были разработаны Анри Пуанкаре.

А) Преобразование времени

Если в классической механике и электродинамике время (t) во всех инерциальных системах одно и то же, поэтому все события происходят одновременно. Понятие одновременности носит абсолютный характер, как и все понятия в классической физике. В СТО при переходе одной системы к другой время исчисляется по формуле $t' = \frac{t_0 - \frac{vx}{c^2}}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}}$

Временные параметры

Длительность, как временная характеристика изменятся при переходе от одной инерциальной системы к другой. В соответствии с формулой временные промежутки как бы растягиваются, время замедляется.

$$\Delta t' = \Delta t_0 / \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$$

Мы именуем временем измерение движущейся системы отсчета по отношению к покоящейся системе. Скажем, время в движущемся корабле по отношению ко времени, измеряющемуся часами, покоящимися на Земле, то формула будет $\theta' = \theta_0 * \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$

Ко отношению всем этим преобразованиям законы электродинамики являются инвариантными, поэтому изменения темпа протекания времени и самого времени будут симметричны, так же как изменения длин по отношению к выделенной инерциальной системе отчета. Преобразования Галилея механики Ньютона носят строго ограниченный характер, т. е. выполняется в строгой механике Ньютона, в электродинамике они уже не работают, не выполняются. Поэтому Эйнштейн был вынужден ввести преобразования Лоренца, чтобы привести их в соответствие с требованиями инвариантности всех законов физики во всех инерциальных системах.

В) Преобразование координат

$$x' = \frac{x_0 - vt}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}}$$

Так как мы имеем дело с инерциальными системами, то $y' = y_0$, $z' = z_0$, ...

С) Преобразование длин в движущихся системах

Система k' движется со скоростью v по отношению к k . Если мы имеем конкретный пример, скажем, стол и измеряем его длину в направлении движения скорости системы отчета, то в покоящийся системе отчета эта длина l_0 , а в движущейся по отношению к этой системе отчета k' по отношению к столу $l' = l_0 \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$. Давайте проверим, длина — это разность координат $x_2 - x_1$, что дает l . Пускай нам известно x_1 и x_2 , тогда $l_0 = x_2 - x_1$.

Но это данные мы измерили линейкой, которая покоится в системе k' . Поскольку пространственные и временные координаты изменяются при переходе от одной системы отчета к другой, далее инерциальная система должна иметь свои масштабы пространства и времени, условно говоря, свои линейки и свои часы. Мы должны иметь в виду, что можем измерить длину линейкой, которая покоится в системе отчета, и в которой покоится и предмет, которой мы измеряем, так и линейкой, которая движется с определенной скоростью по отношению к предмету, которая измеряется этой же линейкой. Это значение нужно для стола, измеренного линейкой, которая покоится в системе k' . Соответственно система k , движущаяся по отношению к системе k' , со скоростью v в обратном направлении, дает другое значение. $x_2 - x_1 = (x_2' - x_1') : \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$

Все предметы, рассматриваемые в теории относительности, которые движутся по отношению к неподвижному наблюдателю, будут сокращаться по направлению своего движения. Это соотношение было выведено Лоренцем, но в отличие от Лоренца эта ситуация будет полностью симметрична.

Если, к примеру, взять два космических корабля, которые движутся относительно друг друга инерциально, то первый пилот будет видеть второй корабль как сократившийся, и, соответственно, второй пилот будет видеть первый корабль сократившимся. Следовательно, при переходе от одной инерциальной системы к другой значение пространственных параметров изменяется. Если в покоящейся системе величина l_0 , то в движущейся мы получим $l' = l_0 \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$.

Если в классической физике действовало простое сложение скоростей, то сейчас $w = u + v$.

Напомним простой пример: человек движется по палубе парохода, и если направления скоростей человека и парохода совпадают, то они складываются. Если нет, то происходит вычитание скоростей. В СТО принцип постоянства скорости света не позволяет делать такие вычисления, т. к. скорость света является предельной скоростью — $w = \frac{u + v}{1 + \frac{uv}{c^2}}$.

VIII. Изменение законов Ньютона достаточно проиллюстрировать на втором законе механики. Чтобы привести их в соответствие с основами, постулатами специальной теорией относительности, второй закон должен

выглядеть следующим образом $F = \frac{m_0 a}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}}$. Так же и другие законы механики Ньютона должны быть переписаны. На практике разница между старой и новой трактовкой законов внешне не принципиальна, это за счет того, что на уровне практики механики Ньютона мы имеем дело с малыми скоростями, поэтому подкоренное выражение близко к единице. Несмотря на эту внешнюю простоту ситуации, данное положение вызвало целую бурю методологических дискуссий.

IX. На основе этих новых соотношений Эйнштейн вывел новую, гениальную формулу $E = mc^2$, которое не могло быть получено в классической физике, где $m = \frac{m_0(\text{покоя})}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}}$.

X. Принцип близкодействия. Взаимодействие между физическими телами происходит с бесконечной скоростью в классической физике Ньютона. В неклассической физике Эйнштейна эта скорость не должна превышать скорость света. В случае электродинамики Фарадея, Максвелла взаимодействие передается от одной точки электромагнитного поля к другой. Скорость этого электромагнитного взаимодействия равна скорости света, к этому принципу Максвелл пришел самостоятельно. Эти идеи оставил Фарадей в своём завещании. Максвелл не знал об этом завещании, но «логика научного исследования» и мифологичная «логика научного открытия» привели его к открытию этой гениальной идеи.

XI. Евклидовость реального пространства. Специальная теория относительности в той мере, в которой она обращается к геометрии, к законам пространственных соотношений, исчисляет длины, диаметры по длине окружности, соотношение между углами и треугольниками и т. д. Во всех этих вычислениях пользуются геометрией Евклида.

XII. Важнейшим шагом на пути к развитию к СТО было осознание псевдо Евклидовости реального пространства. Это соотношение было дано Генрихом Минковским, который предложил новую трактовку пространства и времени. Без этого пространственно-временного интервала Минковского (1907–1908) не был бы возможен переход к общей теории относительности.

В классической физике различные инерциальные системы k и k' имеют ряд инвариантных величин, инвариантных соотношений при переходе из одной системы отсчета к другой. В частности, такой инвариантной величиной является длина, как характеристика физического тела. Как мы уже отметили, классической физике внутренне присуща Евклидова геометрия. Конкретность вычислений того или иного объекта, его движения по законам Евклидовой геометрии производится в любой системе координат. Длина АВ будет всегда постоянной величиной.

Но в специальной теории относительности положение дел другое, длины меняются в зависимости от скоростей также, как и временные параметры при переходе от одной инерциальной системы отсчета к другой.

Поэтому принципиально важно указать характеристики тела – длину и время. Поэтому система координат преобразуется, по оси y в системе откладывается время, а по горизонтальной оси пространственные характеристики x , y , z . Поскольку в классической физике время было абсолютно, временные координаты не менялись, а менялись лишь пространственные координаты, поэтому время не входило в исчисление изменений характеристик тела. В СТО характеризуются все события в инерциальных системах целостным способом и с пространственной и временной точек зрения. Поэтому возникает ситуация: «остается ли что-то инвариантным при таком случае при переходе от одной инерциальной системы к другой» [3]. Оказалось, что в рамках специальной теории относительности при переходе от одной инерциальной системы к другой изменяется как пространственные, так и временные характеристики, а определенное соотношение между ними оказывается величиной инвариантной. Это – некоторый интервал в четырехмерном многообразии пространства и времени ($x\mu zt$), состоящий из трех пространственных характеристик и одной временной. Этот интервал является величиной постоянной, независимо от перехода и выбора инерциальных систем. А вычисляется он по формуле, аналогичной той, по которой в Евклидовой геометрии вычисляется пространственный интервал – $\Delta f^2 = \Delta x^2 + \Delta y^2 + \Delta z^2 + \Delta \theta^2$, где $\theta = ct$. Таким образом, объединенное пространство и время сохраняют инвариантность соотношений при переходе от одной инерциальной системы к другой. Сам Минковский в связи с этим замечал, что в этих исследованиях мы подходим к такому пункту понимания отношений пространства и времени, когда горы похожи на определенные тени, и только их соотношения между собой приобретают длительный истинный онтологический смысл. Это более глубокая реальность, чем та, с которой мы имеем дело в повседневной практике. На примере практики мы имеем трехмерное пространство, одномерное время и в СТО это соотношение является абсолютной величиной во всех инерциальных системах отчета. В шутку некоторые физики стали называть теорию относительности «теорией абсолютности». На место прежних абсолютов: пространства, времени, абсолютной системы отсчета и т. д. пришли новые абсолюты: скорость света, пространственно-временной интервал и т. д. Дальнейшее развитие теории относительности Эйнштейна крайне затруднено или совсем невысказуемо без этих обобщений Минковского. Можно сказать, что пространственно-временные интервалы Минковского – это другая запись фактически тех же результатов, полученных Эйнштейном, исходя из необходимости создания уравнения, которые были бы инвариантными по отношению к преобразованию Лоренца, в которых скорость света должна была сохранять своё постоянное значение.

Список литературы

1. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенциональность и консенсуальность научного знания как эпистемологическая норма // Журнал философских исследований. 2020. Т. 6. № 3. С. 12–21.
2. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Логико-исторический анализ конвенционализма // Журнал философских исследований. 2020. Т. 6. № 3. С. 22–27.
3. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Плюрализм уровней научного знания // Гуманитарный вестник. 2021. № 3 (89). С. 1–13.
4. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М.: Нмука, 1965. 327 с.
5. Эйнштейновский сборник 1975–1976. М.: Наука, 1978. 352 с.

EINSTEIN'S SPECIAL THEORY OF RELATIVITY AND ITS CONVENTIONAL CONSTRUCTION. PROBLEMS, STRUCTURE AND MAIN PROVISIONS

S.N. Koskov

Turgenev Orel State University, Orel

This article discusses the creation of a special theory of relativity as a solution to the problems of classical physics. The main provisions of Einstein's theory of relativity are presented as logically interrelated postulates. Their conventional nature and the conventional character of the special theory of relativity, like any transcendental theory, are shown.

Keywords: *the idea of the theory of relativity, the idea of Einstein's special theory of relativity, methodological analysis, worldview analysis, convention, conventionality of the theory.*

Об авторе:

КОСЬКОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», г. Орел. E-mail: koskov6819@gmail.com

Author information:

KOSKOV Sergey Nikolaevich – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Turgenev Orel State University, Orel. E-mail: koskov6819@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 10.02.2024.

УДК 1/14

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.023

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ КООРДИНАТ МИРА КАК СОВОКУПНОСТИ ПРЕДЕЛЬНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ РАВНОВЕСИЙ ЕГО ВЕЩЕЙ

Н.Н. Кожевников

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова», г. Якутск

Система координат мира объединяет предельные динамические равновесия его вещей. Она определяется через равновесные взаимодействия конкретной вещи с окружающей средой, уровнем ее структурного равновесия и областью соответствующих ритмов. Естественное состояние вещи является неравновесным, и связаться со своими предельными равновесиями она может только через границы равновесной части вещи и ее взаимодействий с тремя вышеупомянутыми областями: «границу-среды», «границу-уровня», «границу-ритма». Все эти границы являются внешними характеристиками равновесной части вещи в поле ее взаимодействий и обретают устойчивость только при достижении своего предельного состояния – системы координат мира на основе предельных динамических равновесий, где порядок и хаос оказываются разделенными. «Взгляд на мир» с точки зрения этой системы координат представляет собой фиксацию присутствия конкретной вещи. Носитель этого «взгляда» не человек с его сознанием, не наблюдатель, а «присутствователь», фиксирующий присутствие вещи в мире. Фиксацию такого присутствия может осуществить любая другая вещь с точки зрения взаимодействий, связанных с ее предельными равновесиями.

Ключевые слова: предельное динамическое равновесие, вещь, сущность, сущее, бытие, феномен, горизонт, опорный ритм.

Актуальность рассматриваемой проблемы и основные понятия

Предельные состояния динамических равновесий присутствуют на всех уровнях организации мира и при всех типах его взаимодействий. Вследствие этого они наиболее подходят в качестве основания универсального подхода к исследованию самоорганизации мира. Следует рассмотреть равновесные взаимодействия конкретной вещи с предельными динамическими равновесиями трех областей. 1. В пределах структурного уровня мира, т. е. взаимодействия исследуемой вещи с окружающей ее средой. 2. Непосредственно взаимодействие вещи с самим уровнем структурного равновесия мира. 3. С областью ритмов (знаков), которые порождают эти взаимодействия и сопутствуют им.

Совокупность *предельных* динамических равновесий, возникающих в процессах самоорганизации вещей, создает *систему координат мира*. Система координат доступна для исследования через взаимодействия ве-

щей с их предельными граничными равновесиями, создаваемыми самими этими вещами. С другой стороны, система координат мира позволяет рассмотреть процессы самоорганизации вещи с точки зрения этих пределов.

Целесообразность рассмотрения самоорганизации вещи в трех вышеупомянутых областях обусловлена существованием различных типов порядка-хаоса присущих различным субстанциям вещей и их взаимодействий в этих областях. Развиваемый нами подход не связан со стремлением выявить универсальную философскую категорию или сформировать всеобъемлющую концепцию. Речь идет о исследовании единства аналогий процессов и явлений на различных уровнях организованности мира через границы их динамических равновесий [2, с. 157].

Основными понятиями, на которые опирается развиваемый подход, являются «мир», «вещь», «взаимодействие», «субстанция», «предельные динамические равновесия». *Вещь* – любое нечто, самостоятельно существующее в мире, хорошо соответствующее развиваемому подходу исследования системы координат мира. *Вещь* – традиционно используемое, начиная с античности, онтологическое понятие. *Мир* состоит из уровней вещей и их взаимодействий, каждый из которых опирается на свое сущее. Включает в себя Вселенную, живую природу, сферу человеческих отношений, продукты человеческого духа. *Взаимодействие* характеризует активность вещей, их изменение относительно устойчивых состояний, направленность действия каждой отдельной вещи на другие. *Субстанция* – то, что существует самостоятельно, само по себе, в отличие от свойств, существующих в другом и через другое. Рассматривается в контексте плюралистической ориентации, позволяя отличать вещи из различных уровней структурной организации мира.

Динамические равновесия образуются в вещах, способных к открытым взаимодействиям, они вездесущны, опираются на взаимодействия хаоса и порядка, присутствующие на всех уровнях организации мира. *Предельные динамические равновесия* вещи устойчивы, оптимальны и характеризуются следующим. 1. Параметры границ равновесной части вещи и ее квазиравновесных взаимодействий идентифицированы с максимально возможной полнотой и простотой. 2. Коммуникационные ресурсы, которыми обеспечивается процесс самоорганизации, оказываются исчерпанными. 3. Идентификацию и коммуникацию вещи связывают наиболее устойчивые ритмы. 4. Взаимодействия порядка и хаоса, на которые опираются предельные динамические равновесия, имеют наиболее оптимальную и устойчивую структуру. Порядок и хаос в них полностью разделены. 5. Они являются «границами», отделяющими области со структурированным порядком-хаосом от областей с неструктурированным порядком-хаосом, где они переплетены в неразделимое целое. 6. В реальных условиях предельные динамические равновесия недостижимы вследствие противостоящих им тенденций, что приводит к возникновению промежуточных динамических равновесий. 7. Все динамические равновесия гомеоморфны

предельным динамическим равновесиям. 8. Они не являются статичными и допускают незначительные изменения, «мерцают» возле своих пределов. 9. Взаимосвязанная совокупность предельных динамических равновесий становится аттрактором эволюционных процессов и системой координат мира.

Примерами предельных динамических равновесий являются фундаментальные постоянные физики: «скорость света», «абсолютная температура» для физически-материального мира, «рождение», «смерть» для органически-живого мира, «Бог» – для духовного. Религиозное понятие «Бог» используется также и для других миров. Все эти примеры представляют собой именно предельные динамические равновесные состояния, а не пределы динамических равновесий, поскольку скорость света, абсолютная температура или Бог представляют собой фундаментальные «покрова», отделяющие структурированные уровни мира, способные к взаимодействию, от его областей, представляемых иными способами. Предельные равновесия связаны с множеством частных динамических равновесий, завершая их разветвленные сети. Каждая из вещей взаимодействует с наиболее близким к нему равновесием [3].

Самоорганизация вещи в мире

Любая вещь из всех возможных уровней структурной организации мира стремится к самоорганизации. Элементарные частицы связываются в атомы, затем в химические элементы, газовые туманности превращаются в звезды, планетарные системы, галактики. Живое существует в виде отдельных организмов, особей, популяций. Душевное стремится образовать устойчивые структуры, опереться на бессознательное. Продукты духа стремятся обрести свою идентификацию в идеях, концепциях, теориях, литературных и художественных творениях.

С другой стороны, любая определившаяся вещь стремится вступить во взаимодействие со всеми аналогичными образованиями и сформировать устойчивую систему элементов. Всё в мире связано в системы (звездные, молекулярные, организменные, душевные, духовные и т. п.) посредством взаимодействий. Все уровни живого, включая человека, обмениваются между собой потоками информации, а индивиды, личности, культуры – знаками и текстами различных видов. Системы, возникающие в результате этих коммуникаций, стремятся к оптимальности, имеют устойчивые внутренние ритмы.

Вещь, взаимодействуя со средой, уровнем, ритмами, имеет с ними неравновесные границы. Однако вещь даже в неравновесном состоянии всегда имеет внутри себя некую равновесную (связанную) часть в поле присущих ей взаимодействий, которая обеспечивает ее сущность и которую обозначим С. Связаться со своими предельными динамическими равновесиями вещь может только через квазиравновесные границы этой своей равновесной части, которые являются ее внешними характеристиками и опорой.

Обозначим эти границы вещи со средой, с уровнем и с областью ритмов: «граница-среда» – V_E , «граница-уровня» – V_L , «граница-ритм» – V_R .

Процесс существования каждой динамической границы, ее инфраструктура обеспечивается параметрами P , H , R , где P – феномен идентификации, H – горизонт коммуникации, R – опорный ритм. Феномен идентификации формирует представление о «границе-равновесной части», которая сохраняется достаточно долго, позволяя выявить ее в течение некоторого отрезка времени. Феномен идентифицирует вещь набором ее ярких характерных черт (меток) в контексте соответствующей области взаимодействий. Горизонт H является «границей-равновесной части», из-за которой поставляется или убирается ресурс для уточнения феномена идентификации. Опорный ритм R представляет собой «границу-равновесной части», посредством которой обеспечивается устойчивое взаимодействие между феноменом и горизонтом вещи. R удерживает эти изменения в определенных пределах. Параметры P , H , R непрерывно изменяются, но остаются устойчивыми, поскольку они взаимодействуют друг с другом.

Феномены, горизонты, опорные ритмы являются реальными понятиями. Они наиболее «заметны» для других вещей как границы взаимодействий между ними, являются наиболее простыми «стыковочными узлами» взаимодействий. Феномен, горизонт и опорные ритмы сохраняют только необходимое для обеспечения оптимальной взаимосвязи, так что всё лишнее в этих взаимодействиях отсеивается.

Феномен, горизонт и опорный ритм со временем попадают в самоорганизационный процесс, определяемый предельными равновесиями вещи. Самоорганизация равновесной части вещи и ее границ происходит одновременно. Равновесная часть вещи естественным образом стремится к хаосу, тогда как ее границы – к порядку.

Процессы самоорганизации с точки зрения «границы-среды», «границы-уровня», «границы-ритма»

Процессы самоорганизации вышеупомянутых границ происходят по единому алгоритму. Меняются области, соответствующие им субстанции, особенности формирования равновесных частей вещи. Все границы сформированы на основе различных субстанций, но оказывают влияние на эволюцию друг друга, прежде всего через их устойчивые опорные ритмы, которые связаны с ритмами мировой гармонии. Ритм как внешняя характеристика времени лучше соответствует сопоставлению его с каким-либо порядком: «...время – это одно из понятий, которое определить невозможно... Дело, однако, не в том, как дать определение понятия «время», а в том, как его измерить» [6, с. 86]. Раздельно рассмотрим инфраструктурные параметры «границы-среды», «границы-уровня», «границы-ритма».

Параметры «границы-среды» обозначим: P_E – феномен, H_E – горизонт, R_E – опорный ритм. Это внешняя характеристика равновесной части вещи в поле ее взаимодействий с окружающей средой (другими вещами и

их полями) в пределах определенного уровня структурной организации мира. Равновесная часть вещи C_E опирается на хаос, как это присуще любому равновесному состоянию, и формируется «изнутри» вещи. Другим вещам естественнее взаимодействовать с «границей-средой», поскольку самоорганизация выбирает более простые и менее затратные с точки зрения расходования ресурсов пути.

Самоорганизация вещи в пределах ее окружающей среды завершается формированием «предельной границы-среды» B_{E0} . При этом хаос в равновесной части вещи достигает своих максимальных значений, горизонт не может далее поставлять ячейке необходимые ресурсы, а порядок в границе B_{E0} , ее структурах также достигает своего максимального значения. B_{E0} является границей сущности вещи, которая воспринимается другими вещами через ее граничные параметры. Непредельная граница B_E является промежуточной сущностью вещи. После того как «граница-среда» достигает своих предельных параметров, равновесная часть вещи становится изолированной в пределах окружающей среды вследствие достижения полноты своего состояния. Самоорганизация будет продолжаться в области структурного уровня мира, к которому принадлежит эта вещь, и в области ритмов. B_{E0} – элемент системы координат мира на основе предельных динамических равновесий.

«Граница-уровень» характеризует взаимодействие с уровнем структурного равновесия мира, который соответствует роду рассматриваемой вещи. На этом этапе процесса самоорганизации вещи возникнут свои равновесная часть C_L и «граница-уровень» B_L . Существование последней обеспечивается тремя квазиравновесными параметрами P_L , H_L , R_L , аналогичными параметрам для «ячейки-среды». Феномен идентификации P_L – это внешняя граница равновесной части вещи в области структурного уровня мира, уточняемая в процессе самоорганизации. Горизонт H_L и опорный ритм R_L выполняют функции, аналогичные рассмотренным для предыдущих области и границы. Влияние порядка и хаоса друг на друга приводит к колебаниям параметров этой границы, которые могут значительно изменяться, сохраняя тем не менее свои связность и целостность [7]. Когда «граница-уровень» в процессе самоорганизации достигает своего предельного значения B_{L0} , она становится изолированной в пределах этого уровня, так что ее самоорганизация направляется далее в область ритмов. Достижение «границей-уровнем» своего предела происходит в результате хаотизации равновесной части вещи во взаимодействии с соответствующим структурным уровнем мира. B_{L0} соответствует границе сущего вещи, определяющего род вещей «уровня сущего» мира, тогда как B_L – граница ее «промежуточного сущего». B_{L0} – элемент системы координат мира.

«Граница-ритм» возникает на границе равновесной части вещи C_R и области ритмов. Существование B_R обеспечивается тремя параметрами P_R , H_R , R_R таким же образом, как для «границы-среды» и «границы-уровня». Феномен P_R соответствует внешней границе равновесной части

вещи C_R в поле взаимодействий знаков, H_R и R_R обеспечивают ее устойчивость. С какого-то момента времени граница B_R в результате ее хаотизации достигает своего предельного значения B_{R0} . Порядок и хаос в этих предельных состояниях, включая равновесную часть вещи, оказывается полностью перераспределенным, как и для предыдущих областей. Кроме того, B_{R0} становится границей бытия («бытия-существования»). Совокупность всех ритмов (знаков) этой области мира состоит из: 1) упорядоченной части – «границ-ритмов», характеристик предельных динамических равновесий, 2) остальной хаотической части, состоящей из отдельных, случайных ритмов (знаков) и их неустойчивых объединений.

Граница B_{R0} может обратиться вовне и стать образцом для выстраивания границ новой вещи, начинающей процесс своей самоорганизации, то есть «границы-ритм» начинают стимулировать процесс самоорганизации вещей, еще не начавших ее, но воспринимающих знаки границ сущности, сущего и бытия. Предельная граница B_{R0} «бытия-существования» посылает ритмы (знаки), сформированные вещью, закончившей процесс своей самоорганизации, и способствует началу самоорганизации новых вещей. Она становится «бытием-присутствием», взаимодействующим с новой вещью. Присутствие этих ритмов (знаков) не зависит от того, имеются ли в наличии вещи, готовые вступить с ними во взаимодействие. «Бытие-присутствие» направляет самоорганизацию новой вещи извне до тех пор, пока в ней не появятся устойчивые равновесная часть и взаимодействия с вышерассмотренными областями, что позволит говорить о начале самоорганизации новой вещи. Таким образом процесс самоорганизации в изначально рассматриваемой вещи возвращается к своему начальному этапу – являясь замыканием «тройной спирали», что подразумевает переход самоорганизации от одной границы к другой, затем к третьей, а затем к исходной границе в других вещах, только начинающих процесс своей самоорганизации.

Модели хаоса, порядка, беспорядка (испорченного порядка) [1], порядка-хаоса [4] рассматриваются многими авторами. Эти исследования выходят за пределы настоящей работы, поскольку в развиваемом подходе рассматриваются только граничные состояния этих понятий. Несмотря на то, что структуры порядка-хаоса на различных уровнях организации мира сильно отличаются друг от друга, их границы гомеоморфны благодаря созвучию ритмов и когерентности взаимодействий. Внутренняя организация порядка и хаоса остается за пределами взаимодействий вещей и их равновесных частей, что обеспечивает универсальность развиваемого подхода.

И. Пригожин отмечал: «Наши определения порядка и беспорядка включают в себя и культурные суждения и науку. На протяжении долгого времени турбулентность в жидкости рассматривалась как прототип беспорядка. С другой стороны, кристалл принято было считать воплощением порядка... теперь мы вынуждены отказаться от подобной точки зрения. Турбулентная система “упорядочена”: движения двух молекул, разделенных макроскопическими расстояниями... остаются коррелированными... с

точки зрения мод колебаний (теплового движения) кристалл неупорядочен» [5, с. 51]. Таким образом, в отнесении параметров процесса к порядку или хаосу имеет место значительный произвол, обусловленный исходным «взглядом».

Когда границы равновесной части вещи достигают своих предельных значений в процессе самоорганизации, то они начинают опираться на максимальные значения хаоса и порядка. При этом неважно, какие типы порядка-хаоса, их расположение, взаимодействие и т. п. находятся внутри нее. Все такие границы будут формироваться по аналогичным алгоритмам. Таким образом, причиной самоорганизации вещи становится стремление равновесных частей и их границ, образованных взаимодействием порядка и хаоса, к их предельным состояниям. Последние принадлежат системе координат мира и представляют собой аттракторы, так как состояния хаоса более привлекательны для всех возможных взаимодействий.

Дискуссия и заключение

Многие авторы проводят классификации «миров» или уровней в контексте онтологических и эпистемологических исследований: «квантовая лестница Вайскопфа», «три мира» К. Поппера и другие. В рамках других подходов выделяется часть мира, связанная с сознанием, Богом, Абсолютом. Продуктивным для исследования самоорганизации мира является разбиение на «*natura naturans*» и «*natura naturata*» Спинозой. Развиваемый нами подход направлен на выявление динамических границ, в том числе и предельных, для философских категорий и универсальных научных понятий. Тогда явления и процессы на различных уровнях организованности мира могут быть исследованы на основе единства аналогий, через их квазиравновесные границы. На единство аналогий опирался еще Аристотель.

Все динамические равновесия являются взаимодействием хаоса и порядка, которые меняют свою конфигурацию и структуру в зависимости от параметров процесса взаимодействия. При этом порядок и хаос могут превращаться друг в друга, образуя различные варианты их взаимного сосуществования. В предельных динамических равновесиях эти взаимодействия максимально упорядочены и упрощены, что объясняется минимальными значениями параметров взаимодействия.

Таким образом, в рамках развиваемого подхода «взгляд на вещь» с точки зрения системы координат представляет собой фиксацию присутствия произвольной вещи в контексте взаимодействий порядка и хаоса, связывающей их с ее предельными динамическими равновесиями. Носитель этого «взгляда» не человек с его сознанием, не наблюдатель, а «присутствователь», которым может являться любая другая вещь в контексте всех ее квазиравновесных взаимодействий.

Системе координат мира принадлежат предельные динамические границы всех рассмотренных видов. Если границы динамических равновесий не будут иметь тенденцию к своим предельным равновесиям, они рас-

падутся. Конкретные вещи, рассмотренные с точки зрения системы координат мира, имеют глубокий философский смысл благодаря тому, что границы их равновесных частей гомеоморфны и связаны друг с другом. Система координат мира стремится взаимодействовать с конкретной вещью и с ее предельными динамическими равновесиями, что всегда определимо. Этот процесс обеспечивается границами динамических равновесий, обеспечивающих существование равновесной части вещи посредством феномена, горизонта и опорного ритма вещи.

Взгляд с точки зрения системы координат позволяет сказать, что мир сложен, однако система координат его относительно проста, несмотря на то что она является частью мира и входит в него составной частью. Взаимодействия вещей мира с их предельными равновесиями опираются на простоту предельных состояний порядка и хаоса, связывающих их с системой координат, а взгляд с точки зрения системы координат позволяет увидеть мир через предельные равновесия его вещей. Этот «взгляд на мир» представляет собой фиксацию присутствия произвольной вещи с точки зрения ее предельных динамических равновесий. Носитель этого взгляда – «присутствователь», фиксирующий присутствие вещи в мире, которое может осуществить любая другая вещь с точки зрения взаимодействий, связанных с ее предельными равновесиями [3, с. 29]. Наблюдатель и все аналогичные ему понятия (Абсолют, Дух, Абсолютная идея и т. п.) так или иначе связаны с сознанием человека, Богом или каким-либо трансцендентным образованием, началом. Между тем подавляющее большинство вещей и их классов прекрасно обходятся без сознания. На уровне электронов, молекул, планетарно-звездных систем и на многих других уровнях мира сознание человека или Духа не используется, однако происходящие там процессы необыкновенно устойчивы и оптимальны. Широкая экстраполяция сознания на весь мир, принятая в ряде философских систем, не всегда оправданна. С другой стороны, уровень организации мира, связанный с сознанием, возник относительно недавно, и присущие ему процессы еще не нашли своих устойчивых состояний, обладая значительной неравновесностью. После того как вещи начали формировать свои предельные динамические равновесия и взаимодействовать с ними, самоорганизация становится квазиравновесной и определяется этой координатной системой.

На первом этапе хаотизируются взаимодействия в окружающей среде, но возникает порядок в ее предельной «границе-среде», соответствующий сущности. Хаотизация взаимодействий со структурным уровнем мира приводит к выявлению «границы-уровня», порядок которой соответствует сущему. Далее хаотизация взаимодействий вещи в области ритмов (знаков) обеспечивает формирование «границы-ритма» и выявление бытия. Три этих этапа замыкаются в единое целое, и все начинается сначала с новой вещью как «тройная самоорганизационная спираль мира».

Соответствующие применения можно рассмотреть для четырех миров: физически-материального, органически-живого, душевного, истори-

чески-духовного (по Н. Гартману), имеющих многочисленные подуровни, каждый из которых опирается на свое сущее. Например, вещь в мире физически-материальном – это физическое тело, элементарная частица и т. п. Взаимодействия осуществляются посредством полей, непрерывно распределенных в пространстве. Все виды взаимодействий возникают в результате обмена между частицами квантами соответствующих полей. Взаимодействия в химии представляют собой реакции различных типов, которые существенно зависят от особенностей их протекания. Аналогичные понятия могут быть выделены и для остальных миров.

Предельные динамические равновесные состояния, такие как скорость света, абсолютная температура, Бог представляют собой границы, отделяющие структурированные уровни мира и присущие им взаимодействия от неструктурированных его областей. Например, в физически-материальном мире это темная материя и темная энергия, на которые приходится не менее девяноста пяти процентов Вселенной. Остальная ее часть, доступная взаимодействию с вещами, в том числе и нашему исследованию, имеет квазиравновесную границу между темными материей, энергией и видимой Вселенной. В органически-живом мире, в различных его областях есть подобные аналогичные «темные области» («черные пятна») – в геноме, мозге, психике и т. п., которые как бы «оконтурены», но, кроме наличия границ, об этих «темных областях» мало что известно. Это же можно сказать о таинственных областях в бессознательных сферах души и в области духовного, где Бог – имя великой тайны, о которой написано множество книг, но тайна этого имени сохраняется. Здесь очень наглядно апофатическое богословие, очерчивающее границы вокруг Бога, но не стремящееся проникнуть за их пределы.

Следует особо подчеркнуть, что подобные не доступные для взаимодействий области благодаря воздействию окружающей среды, уровней структурного равновесия, областей знаков будут уменьшаться по мере усиления взаимодействий с ними, в частности, по мере их исследования, но полностью не исчезнут. Аналогичные проблемы рассматривали многие философы, пророки, писатели, представители других видов искусства, например, Кант использовал представления о «вещи в себе» и ноумене. Последний термин, введенный еще Платоном, использовался главным образом в сфере эпистемологии. Проведение исследований для каждого из вышеназванных миров составляет предмет дальнейших исследований.

Список литературы

1. Займан Дж. Модели беспорядка. Теоретическая физика однородно неупорядоченных систем / пер. с англ. М.: Мир, 1982. 592 с.
2. Кожевников Н.Н. Метафизический, онтологический, феноменологический и герменевтический аспекты системы координат мира на основе предельных динамических и сетевых равновесий: монография. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2018. 171 с.

3. Кожевников Н.Н. Основные понятия философии в контексте системы координат мира на основе предельных динамических равновесий детерминистического хаоса. Монография. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2020. 159 с.
4. Пригожин И. От существующего к возникающему / пер. с англ. М.: Наука, 1985. 327 с.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант / пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 265 с.
6. Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике: в 10 т. / пер. с англ. М.: Мир, 1965. Т. 1. 260 с.
7. Nikolay Kozhevnikov Being as a Text of 'Things in Existence' formed by the World Coordinate System Based on Limiting Dynamic Equilibria // Agathos. 2019. V. 10, Is. 2 (19). P. 95–103.

STUDY OF THE COORDINATE SYSTEM OF THE WORLD AS A SET OF LIMITING DYNAMIC EQUILIBRIA OF ITS THINGS

N.N. Kozhevnikov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk

The world's coordinate system unites the ultimate dynamic equilibria of its things. It is determined through the equilibrium interactions of a particular thing with the environment, the level of its structural equilibrium and the area of corresponding rhythms. The natural state of a thing is non-equilibrium and it can only connect with its limiting equilibria through the boundaries of the equilibrium part of the thing and its interactions with the three above-mentioned areas: «environment-border», «level-border», «rhythm-border». All these boundaries are external characteristics of the equilibrium part of a thing in the field of its interactions and acquire stability only upon reaching its limiting state – the coordinate system of the world based on limiting dynamic equilibria, where order and chaos are separated. A «view of the world» from the point of view of this coordinate system is a fixation of the presence of a specific thing. The bearer of this «look» is not a person with his consciousness, not an observer, but a «passive beholder» who records the presence of a thing in the world. The fixation of such presence can be accomplished by any other thing from the point of view of interactions associated with its limiting equilibria.

Keywords: limit dynamic balance, thing, essence, things in existence, being, phenomenon, horizon, supporting rhythm.

Об авторе:

КОЖЕВНИКОВ Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск. E-mail: nnkozhev@mail.ru

Information about author:

KOZHEVNIKOV Nikolay Nikolaevich – PhD, Professor, Department of Philosophy, North-Eastern Federal University named after. M.K. Ammosov – NEFU, Yakutsk. E-mail: nnkozhev@mail.ru. SPIN-код 7650-1297, Author ID 58613

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.12.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 18.01.2024.

УДК 172.4:355.01

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.033

ПРИОРИТЕТ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА: ВОЕННАЯ СФЕРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В.А. Ксенофонтов

Военная академия Республики Беларусь, г. Минск

В статье показаны негативные тенденции развития международной и военно-политической обстановки, влияющие на обеспечение безопасности Союзного государства. Конфликтная среда развития Беларуси и России обуславливает приоритетное внимание к системе безопасности Союзного государства и его военной составляющей. Показаны основные цели военной политики Беларуси и направления ее коалиционной составляющей. Акцентируется внимание, что в целях обеспечения военной безопасности Союзного государства необходимо понимать диалектику интересов государства и угроз им в военной сфере. Рассмотрены основные характеристики доминирующих способов противоборства: ментальная, гибридная и прокси-война, а также цветная революция. Сделан вывод о важности развития и изучения теории войны, дальнейшего совершенствования военной сферы национальной безопасности как приоритете сохранения государства в условиях нарастания военного насилия.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, Союзное государство, военная сфера национальной безопасности, военная безопасность, военная доктрина, ментальная война, гибридная война, прокси-война, цветная революция, теория войны.

В условиях геополитической турбулентности и нестабильности внешнеполитической обстановки, эскалации военного насилия в мире, усиления угроз национальной безопасности Беларуси и России со стороны западной коалиции под руководством США, особое значение приобретает не только реализация согласованной политики в рамках обеспечения безопасности Союзного государства, но и комплексное развитие военной сферы национальной безопасности как Беларуси, так и России. Поскольку *война является формой бытия человечества* [21], именно военная сфера национальной безопасности, приведенная в соответствие с вызовами и угрозами XXI в., является гарантом обеспечения защиты наших народов, суверенитета и независимости Союзного государства, целостности и неприкосновенности территорий Беларуси и России, а также обеспечивает возможности устойчивого и мирного развития государств.

Военно-политическая обстановка вокруг наших государств остается сложной, характеризуется напряженностью и повышением военной активности со стороны западной коалиции. При этом США и страны НАТО в

документах военно-стратегического планирования закрепляют образ Республики Беларусь и Российской Федерации в качестве военных противников. Продолжается расширение НАТО на Восток, наращается военное присутствие и наступательные возможности стран-членов альянса у границ Союзного государства, значительно активизируется разведывательная деятельность и интенсивность военных учений с явной антибелорусской и антироссийской направленностью. Существенно возрастает со стороны Запада милитаризация международного информационного пространства, которое сегодня выступает своеобразным театром войны.

Геополитическое противостояние между США и НАТО, с одной стороны, Союзным государством, с другой стороны, приобретает непримиримый характер. Важнейшая задача, стоящая перед США и их союзниками – разобщить государства и народы Евразии, не допустить интеграционных образований на постсоветском пространстве, способных составить им политическую, экономическую, военно-стратегическую конкуренцию. При этом укрепление и развитие Союзного государства рассматривается как непосредственная угроза западному альянсу. Ситуация осложняется проведением специальной военной операции России в Украине.

Стремление западной коалиции во главе США разрушить Союзное государство, исключить из мирового процесса Беларусь и Россию, нанести им ментальное и стратегическое поражение в целях контроля территорий, управления народами, лишения наших стран государственного суверенитета и независимости, обуславливают приоритетное внимание к системе безопасности Союзного государства и его военной составляющей, требуют дальнейшего научно-теоретического и практического совершенствования обеспечения национальных интересов государств-участников.

С геополитической точки зрения стремление Запада осуществлять контроль над Евразией не является чем-то новым. Постулат о том, что Евразия является основой для мирового доминирования (теория Хартленда) зафиксировал один из основателей геополитики английский географ и политический деятель Х. Маккиндер еще в 1904 г. в Лондоне на заседании Королевского географического общества в докладе «Географическая ось истории» [25]. В рамках этой концепции цивилизация Запада последовательно осуществляла деструктивное политико-стратегическое воздействие на Российскую Империю, Советский Союз, а ныне на Российскую Федерацию. Реализация данной стратегии по овладению Евразией органично вошла в практическую политику США и их союзников, а сегодня обретает новые технологии.

Справедливо отмечает член-корреспондент АВН А.А. Бартош, что с учетом понимания значимости Евразии «для планов мирового доминирования, Вашингтон и его союзники сосредоточили усилия на хаотизации и срыве планов развития этого мегарегиона, на развале России как “сердца Евразии” с последующим переносом центра тяжести на борьбу с Китаем» [4]. Безусловно, такая геополитическая парадигма поведения западной ко-

алиции во главе с США является непосредственной угрозой безопасности Союзному государству, отражается на обеспечении национальной безопасности Беларуси.

В условиях эскалации военного насилия в мире, особое значение в целях сохранения социальной системы (государства) принадлежит военной составляющей национальной безопасности, базирующейся на совокупности идей по защите от военных опасностей (угроз) национальных интересов государства. Иными словами, военная сфера национальной безопасности имеет собственную идеологию, которую часто именуют философией государственного управления и военного строительства в интересах мирного развития страны. Эта система идей, военно-политических категорий, закономерностей, принципов теоретической и практической деятельности в области военной безопасности оформлена в целостную теорию. На основе такой научной теории, отражающей сущностное содержание военно-политической, военно-стратегической обстановки и закономерные тенденции развития военно-политической практики осуществляется *военная политика* государства [19]. Ключевая роль в этой теории (идеологии) отводится важнейшему документу в сфере военной безопасности – военной доктрине. Военная доктрина занимает в военной политике государства особое место. Она выступает составной частью реализуемой военной политики, а также ее идейно-теоретическим основанием [20].

Военно-политический словарь под редакцией Д.О. Рогозина трактует определение *военной доктрины* так: «научно обоснованная и официально принятая система руководящих установок, определяющих применение средств военного насилия в политических целях, характер военных задач и способы их решения, направленность военного строительства. Устанавливает сущность, цели и характер возможных войн, военно-политические, стратегические, технические, экономические, правовые, другие важнейшие аспекты военной политики, касающиеся подготовки государства к войне или к отражению агрессии... Военная доктрина подчинена военной политике, являясь ее главной производной» [13, с. 72].

Правовую основу Военной доктрины нашей страны составляют Конституция Республики Беларусь, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, иные акты законодательства, а также общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Республики Беларусь [11, ст. 3].

В соответствии с Конституцией (ст. 18): «Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, не применения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права. Республика Беларусь исключает военную агрессию со своей территории в отношении других государств» [18, ст. 18].

Беларусь проводит самостоятельную военную политику, основываясь на приоритете правовых, дипломатических и других невоенных средств предотвращения военных конфликтов с одновременным содержанием военной организации государства, обладающей потенциалом оборонной достаточности.

В соответствии с Военной доктриной Республики Беларусь *целями военной политики* являются:

защита независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь;

обеспечение военной безопасности;

укрепление глобальной и региональной безопасности, внутривнутриполитической стабильности в государстве в целях предотвращения военных конфликтов;

развитие военной организации государства, поддержание ее готовности к вооруженной защите Республики Беларусь в любых условиях обстановки, совершенствование форм и способов применения военной организации государства [11, ст. 17].

Исходя из геополитического положения, исторических традиций, собственного потенциала, руководствуясь национальными интересами и приоритетами внешней политики, Беларусь осуществляет *коалиционную военную политику*.

Основными приоритетными направлениями в коалиционной военной политике Республика Беларусь считает укрепление системы коллективной безопасности и дальнейшее развитие отношений:

с Российской Федерацией в рамках Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. – по вопросам поддержания необходимого военного потенциала, принятия совместных мер по предотвращению военных угроз Союзному государству и отражению агрессии на общем оборонном пространстве, обеспечения функционирования региональной группировки войск (сил) Республики Беларусь и Российской Федерации;

с государствами – членами ОДКБ в рамках Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. – по вопросам развития и применения сил коллективной безопасности, создания объединенных военных систем, развития миротворческого потенциала ОДКБ и укрепления статуса ОДКБ на международной арене в целом;

с государствами – участниками Содружества Независимых Государств – по вопросам обеспечения региональной безопасности, взаимодействия в военной сфере, развития совместных (объединенных) систем;

с другими государствами, с которыми Республикой Беларусь заключены двусторонние международные договоры о развитии стратегического партнерства [11, ст. 20].

Важнейшим приоритетом в коалиционной военной политике для республики является укрепление обороны и безопасности Союзного государства. Подчеркнем, что система военной безопасности Союзного госу-

дарства имеет прочную идейно-теоретическую основу. Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. утверждена Военная доктрина Союзного государства как «система официально принятых в Республике Беларусь и Российской Федерации взглядов на обеспечение военной безопасности Союзного государства» [12, ст. 1]. Принятая Военная доктрина отвечает требованиям современной науки и военно-политической практики Республики Беларусь и Российской Федерации. Ее правовую основу составляют: конституции Республики Беларусь и Российской Федерации, положения Устава ООН, Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г., Концепция безопасности Союза Беларуси и России от 28 апреля 1999 г., Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о военном сотрудничестве от 19 декабря 1997 г., положения Устава ОДКБ, международные обязательства Республики Беларусь и Российской Федерации в военной сфере [12, ст. 2].

Основная цель функционирования военной сферы – обеспечение военной безопасности Союзного государства, под которой понимается «состояние защищенности жизненно важных интересов Союзного государства от военных угроз» [12, ст. 5]. В целях защиты интересов от военных опасностей (угроз) Союзное государство вырабатывает и проводит военную политику, являющуюся важнейшей составной частью политики государств-участников по укреплению своей военной безопасности [12, ст. 16].

Подчеркнем, что Союзное государство не считает своим противником ни одно государство или коалицию государств и строит взаимоотношения со всеми государствами на основе равноправного партнерства и сотрудничества. Это свидетельствует о том, что основным императивом проводимой политики по достижению военной безопасности является приверженность миру и учету интересов всех участников международных отношений. В этом контексте Военная доктрина четко фиксирует: «Государства-участники подтверждают приверженность политическим и невоенным мерам по урегулированию споров» [12, ст. 15].

При этом применение такого инструмента как *военная сила* «рассматривается как крайняя мера только после исчерпания политических, дипломатических, правовых, экономических, информационных и других мер невоенного характера, если их применение представляется невозможным для обеспечения военной безопасности» [12, ст. 15].

В Военной доктрине Союзного государства представлены основные направления военной политики [12, ст. 15], преследующие единую цель – обеспечение военной безопасности Союзного государства. В современных условиях, осуществляя согласованную военную политику, Беларусь и Россия принимают все необходимые меры по поддержанию оборонного потенциала на уровне, обеспечивающем военную безопасность.

Убеждены, что в условиях развития многополярного мирового порядка и усиления геополитического противоборства *жизненно важным ин-*

тересом Союзного государства является – обеспечение мирного и устойчивого развития Беларуси и России, сбережение и сохранение народов наших государств, их преумножение, повышение благосостояния и качества жизни граждан, создание условий для реализации потенциала каждой личности. Вне всякого сомнения, что для реализации указанного интереса (потребности) необходимо обеспечивать целостность и неприкосновенность территории наших стран, внешних границ Союзного государства, суверенитет, независимость и сохранение конституционного строя государств-участников, укрепление обороны и системы безопасности, нейтрализацию попыток внешнего вмешательства в их внутренние дела.

Для реализации указанного интереса важнейшим условием является гарантированное обеспечение военной безопасности Союзного государства, позволяющее народам Беларуси и России осуществлять реализацию своих планов в мирных условиях и с оптимизмом смотреть в будущее.

В целях обеспечения военной безопасности Союзного государства, принятия адекватных мер по его защите необходимо понимать диалектику совокупности интересов государства и существующих (потенциальных) угроз им в военной сфере. Ключевой угрозой безопасности государствам-участникам и одновременно проблемой выступает необходимость развеять «туман войны» (Клаузевиц), поскольку военное насилие органично вошло в ткань социального бытия, и сопровождает человечество на всех этапах его развития. Речь идет о сущностном понимании современной и перспективной войны, наличии ее комплексной теории, а также готовности к ней всей социальной системы.

Академик РАН А.А. Кокошин в своем исследовании выделяет следующие *компоненты теории войны*:

- война как продолжение политики;
 - война как состояние общества и состояние определенного сегмента системы мировой политики;
 - война как столкновение двух (или более) государственно-политических структур (или негосударственных структур, сил);
 - война как сфера неопределенного, недостоверного;
 - война как задача управления (политическое и военно-стратегическое руководство/управление) [17, с. 9].
- Указанный перечень элементов теории войны подчеркивает, что война – это сложная система, которая должна исследоваться комплексно с использованием многих отраслей знания – философии, политологии, геополитики, социологии, культурологии, психологии, теории международных отношений, истории, военной науки, теории государственного управления и др. Убеждены, что основной вектор рефлексии войны должна задавать философия, создавая методологические основания для других наук.

Современная война обретает новые измерения. Справедливо философ А.Д. Куманьков в своем исследовании выделяет наиболее значимые характеристики и признаки новых войн:

- асимметрия (потеря государством исключительного права на применение силы);
- низкая интенсивность;
- глобализированность войны;
- политика идентичности как основание войны;
- применение террора как политического средства, т.е. для установления власти;
- «хищнические» методы финансирования;
- уменьшение боевых потерь (при этом высокий уровень потерь среди гражданских лиц);
- увеличение продолжительности войны и долгосрочное сохранение причин, провоцирующих рецидивы войны;
- территориальная близость к другим войнам как фактор риска;
- утрата ограничений войны, основанных на праве, обычае и военной этике [23, с. 87]

Совокупная комбинация вышеприведенных характеристик свидетельствует о появлении нового типа военного конфликта. Наши рассуждения касаются социально-политических особенностей военного насилия, не рассматривая его военно-стратегический характер. Обратим внимание, что на трансформацию военных конфликтов повлияли объективно существующие социально-политические процессы – завершение холодной войны, глобализация, развитие технологий и информатизация мировых социальных процессов, кризис государства и приватизация насилия, комбинирование невоенных и военных технологий в достижении политических целей противоборствующих сторон, стремление ведущих западных государств решать военно-политические проблемы чужими руками. Поэтому военный конфликт (война) как крайняя форма социального насилия стал обретать новые черты, комбинироваться с технологиями осуществления геополитического контроля различных видов пространства противоположной стороны, а также с возможными путями и способами подчинения воли и управления противником.

Исходя из указанных трансформаций социального бытия доминирующими способами современного противоборства стали: ментальная война, гибридная война, прокси-война и цветная революция. Таким образом, определенная смена инструментария достижения военно-политических целей привела к изменению парадигмы войны с классической на неклассическую. Как отмечает в своей книге «Война, или В плену насилия» А.Д. Куманьков: «Война становится все более изобретательной. Она по-прежнему с нами, но освоила искусство маскировки и перевоплощения» [24, с. 156]. «Война продолжает господствовать над человеком, и, по всей видимости, не приходится ожидать, что мы готовы освободиться от ее власти» [24, с. 161].

Рассмотрим кратко указанные выше способы противоборства на основании современных научных трудов.

Так, российский ученый А.М. Ильницкий в фундаментальной работе «Стратегия гегемона – стратегия войны» трактует *ментальную войну* как «высшую разновидность (форму) конфликта между социальными субъектами, который ведется в информационной и духовно-мировоззренческой сферах с применением интеллектуально-психологического насилия в отношении противника в интересах разрушения его мировоззренческого ядра и системы духовно-нравственных ценностей со сменой идентичности. Другими словами, это крайняя форма экзистенциального конфликта, в котором победа достигается путем уничтожения ценностей противоборствующей стороны. Теряя собственную идентичность, поверженная сторона приобретает иную. Это и есть ментальный геноцид» [16, с. 32]. Ментальная война ведется на трех уровнях:

первый – тактический, **бои** которого включают информационные кампании, представляющие собой борьбу за то, что *слышат и видят люди*;

второй – оперативный, **сражения** которого – это информационно-психологические кампании, их суть заключается в схватке за то, как чувствуют и что переживают люди, *как они мыслят и воспринимают информацию*;

третий – стратегический, на котором разворачивается **фронт** борьбы за то, как люди идентифицируют себя: кто они как индивидуумы и социум, *что ценят, во что верят, о чем мечтают, куда стремятся* [16, с. 30]. Разделяем вывод эксперта А. М. Ильницкого, что «западный колониализм сегодня – не столько захват территорий и ресурсов (материальных или людских), сколько оккупация информационной среды и перезагрузка массового сознания через технологии ментального геноцида. Фактически это *ментальный неоколониализм* (курсив наш. – В.К.)» [16, с. 33].

Наша позиция заключается в том, что ментальная война – это высокоинтеллектуальный философско-мировоззренческий конфликт, в котором индивидуальное и общественное сознание является предметом замены или ментальной оккупации со стороны агрессора. Подчеркнем, что ментальная война – это сложная технология воздействия на сознание личности и социума, меняющая их знания (обыденные и теоретические), убеждения и идентичность. Данная технология социального управления является междисциплинарной [22]. Полагаем, что назрела необходимость разработки и принятия концепции ментальной безопасности Союзного государства.

При рассмотрении проблемы *гибридной войны* обратимся к монографии известного военного эксперта А.А. Бартоша, который под гибридной войной понимает «координированное использование страной-агрессором многочисленных видов (инструментов) насилия, нацеленных на уязвимые места страны-мишени с охватом всего спектра социальных функций для достижения синергетического эффекта и подчинения противника своей воле» [2, с. 16]. Он также выделяет новые *измерения* конфликта:

- основное измерение гибридной войны – это скрытая подрывная деятельность, которая используется против объекта агрессии в качестве главного средства сокрушения противника;

- национализм и этническая самоидентификация, которые используются в качестве ведущих мотивов подрывной деятельности и представляют собой важные современные факторы трансформации войны;

- всеобъемлющий характер конфликта, который ведется с использованием военных и невоенных форм воздействия с упором на идеологические средства и современные модели «управляемого хаоса»;

- война построена на стратегии измора, что придает конфликту затяжной перманентный характер;

- к гибридной войне не применимы нормы международного права, определяющие понятие «агрессия», в такой войне не существует понятий «фронт» и «тыл» [2, с. 42].

Важное свойство такой войны – ее нацеленность на изнурение страны-жертвы.

Несколько иной подход демонстрируют известные российские аналитики в сфере безопасности К.В. Сивков, К.Н. Соколов в монографии «Гибридная война». Авторы пишут, что ее суть заключается в том, «чтобы заранее создать на территории противника свою “армию”, построенную на сетевом принципе, и затем с ее использованием напрямую, без предварительного разгрома вооруженных сил, сокрушить действующий режим, взять под контроль власть в стране» [27, с. 17]. Затем осуществляется дезорганизация и ослабление системы безопасности побежденного в интересах победителя, взятие под контроль его экономики, а при необходимости и оккупация территории страны-жертвы.

Если в классической войне основным способом достижения цели является вооруженная борьба, то в гибридной задействуется более широкий спектр насильственных методов в *информационно-духовной сфере*, в *экономической сфере*, а также в *сфере безопасности*.

Не детализируя насильственные действия во всех сферах, обратим внимание, что в контексте непрерывной ментальной агрессии со стороны западного альянса, указанные авторы выделяют основные методы и цели ведения гибридной войны в *информационно-духовной сфере*:

- война на *дегуманизацию* – разрушение системы моральных устоев общества;

- война на *дебилизацию* – разрушение научно-технологической сферы жизнедеятельности общества;

- война на *духовную дезориентацию* – замещение общинных ценностей индивидуалистическими, размывание представлений о добре и зле;

- война на *космополитизацию* – разрушение национальных ценностей и их замещение иностранными;

- *ментальная война* – разрушение мировоззренческих основ общества и их модификация;

- война на устрашение – формирование представления о гибельности сопротивления [27, с. 29]. Необходимо обратить особое внимание, что в рамках гибридной агрессии противник воздействует не только на духовно-нравственную сферу, но и разрушает научное мировоззрение, навязывает ложный методологический инструментарий.

При расхождении в трактовках гибридной войны, большинство авторов отмечают, что в ней задействуются регулярные и иррегулярные силовые элементы, а также несиловые формы и способы противоборства в административно-политической, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой сферах с конечной целью подрыва власти легитимного правительства и смены руководства на лояльное к стране-агрессору. Таким образом, в современных условиях эффективным инструментом агрессии, позволяющим достигать геополитические и военно-политические цели, является гибридная война.

В рамках геополитического противоборства страны Запада во главе с США все чаще прибегают к сценариям цветных революций, которые они проводили во многих странах. Начало этому процессу было положено еще во время существования СССР, когда смещались социалистические режимы в Европе. После ухода с политической арены Советского Союза данные сценарии переместились в постсоветское пространство. Главным заказчиком и финансистом переформатирования мирового геополитического пространства выступают США, устанавливающие глобальный миропорядок под американским руководством [5, с. 6].

Известный геополитик и философ А.Г. Дугин отмечает, что «оранжевые революции ставят своей целью выдвинуть Россию из СНГ, привести в этих странах к власти прозападных и проамериканских политиков, готовых окончательно оторваться от Москвы, т. е. довершить произошедший в 1991 году распад единого пространства СССР. Для достижения этих целей США прибегают к сетевым технологиям, создавая многомерные и современные сетевые структуры, которые приводятся в движение в критический момент и независимо от формальных политических институтов, электро-рациональных показателей и общепринятых процедур. Если мягкий сценарий легитимной передачи власти не проходит, они добиваются своего иными способами» [15, с. 253].

«Цветные» революции стали одной из глобальных проблем современности. Надо понимать, что она («цветная революция» или «бархатная революция») является сетевидной операцией [1, с. 44]. В целях демонтажа системы государственного и общественного управления западные стратеги активно используют разработанную ими теорию «управляемого хаоса». Ключевую роль в ее разработке сыграл американский ученый Дж. Шарп, защитивший в 1964 г. в Оксфордском университете диссертацию по проблеме способов борьбы с диктатурами, создав на ее основе труд «От диктатуры к демократии», ставший учебником для «специалистов» по разрушению государств. Идея «цветной революции» заключается в полу-

чении полного контроля над государством и его территорией по возможности без использования вооруженного насилия, а с помощью «soft power» – «мягкой силы». Она, по мнению американских специалистов, трактуется как способность государства (союза, коалиции) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение, а не подавление, навязывание и принуждение, что характерно для «жесткой силы». «Мягкая сила» действует, побуждая других следовать (или добиваясь их собственного согласия следовать) определенным нормам поведения и институтам на международной арене, что и приводит ее к достижению желаемого результата без принуждения [1, с. 45].

За цветной революцией, в случае ее неуспеха или полууспеха, следуют попытки использования более жестких сценариев, которые, в конечном счете, в зависимости от срочности, могут закончиться силовыми операциями.

Как отмечают российские эксперты: главными целями победы над государством – геополитическим противником путем применения внутреннего переворота являются:

- ослабление государства-конкурента;
- смена политического курса с национально ориентированного на прозападный;
- взятие под контроль ресурсов государства с применением технологии «управляемого хаоса» [5, с. 8].

Противостояние агрессивным и деструктивным действиям со стороны США возможно лишь в том случае, если руководство Союзного государства будет предпринимать опережающие шаги в противостоянии стратегии «сетецентрических войн» в контексте геополитического противоборства, выработает более передовую ответную стратегию, на том же уровне технологических представлений о процессах, на каком ведется «сетевая война» против Союзного государства в целом. Для сохранения социально-политической стабильности в государствах-участниках и возможности обеспечить безопасность Союзного государства важно не только достигнуть уровня технологических инноваций в области вооружения, а на более серьезном философском, парадигмальном и смысловом уровне противостоять оппоненту. Необходимо обратить внимание на монографию российского ученого О.А. Наумова «Цветные революции», в которой комплексно исследована методология цветных революций [26].

Военный конфликт и война как сложные социально-политические явления направлены на управление противником, при котором осуществляется подчинение его воли государству (коалиции стран), осуществляющему агрессию. При неуступчивости противоположной стороны применяется крайний аргумент – военная сила. Еще раз акцентируем внимание, что современный военный конфликт ведется комплексом невоенных и военных средств. Эти положения четко зафиксированы в военных доктринах Беларуси, России, а также Союзного государства [12].

Актуальной формой современного противоборства является технология *прокси-войны*. Термин проху заимствован из английского языка и означает «полномочие», «доверенность», «представитель». Развитию данного типа войны послужило то, что в условиях существования ядерного оружия мировые лидеры предпочитают противоборствовать не напрямую, а по доверенности через своих агентов [3, с. 11]. Сущность и содержание прокси-войны необходимо знать и понимать, чтобы рационально противостоять ей, так как данный тип конфликта имеет достаточно широкое распространение в военно-политической сфере.

Член-корреспондент АВН А.А. Бартош определяет прокси-войну как «международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране» [3, с. 61].

Важнейшим условием осмысления прокси-войны является понимание лестницы ее эскалации. В монографии «Прокси-война» А.А. Бартош выделяет в ней восемь ступеней:

- 1) формирование необходимых и достаточных условий;
- 2) обострение обстановки в ходе информационно-психологического противоборства;
- 3) обмен угрожающими заявлениями о возможности применения военной силы;
- 4) обострение политического кризиса;
- 5) гибридная война с ограниченным применением военной силы (сил специальных операций в серой зоне);
- 6) проведение комплекса преднамеренных провокаций, связанных с гибелью людей и разрушением объектов инфраструктуры;
- 7) локальная «обычная» война;
- 8) региональная война с участием ряда государств и коалиций [3, с. 152].

Дальнейшее эскалирование конфликта (расширение масштабов региональной войны) может привести к ядерной катастрофе, что убедительно показано российскими государственными и военными деятелями в работе «Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн» [14].

Закономерно, что важнейшей задачей военно-политического руководства Союзного государства является недопущение прокси-конфликта в отношении государств-участников, а при его развязывании – умение рационально обеспечить варианты его деэскалации.

Прокси-война занимает особое место в геополитической деятельности консолидированного Запада, которая направлена на разрушение и раздел России, а в перспективе и Китая для закрепления своего влияния в Большой Евразии.

Безусловно, с военно-стратегической точки зрения данный тип вооруженного насилия касается и Республики Беларусь как составной части Союзного государства. Дело в том, что США и их союзники по блоку НАТО не стремятся к прямому военному противоборству против неугодных им государств, поэтому в западных стратегиях ставка делается на опосредованную войну, позволяющую продвигать интересы как самих США, так и их партнеров «чужими руками».

Ведение прокси-войны способствует истощению геополитического противника, создает ему не только комплекс внутренних, но и большое количество внешних проблем, подрывает его авторитет на международной арене.

Рассмотренные выше способы противоборства находятся в диалектической взаимосвязи. Развитию форм и способов противоборства, которые базируются на стратегии гибридной войны и ее инструментов: прокси-войны [3], информационно-психологической войны (ментальной войны) [16; 22] и цветной революции [26] – способствуют современные тенденции мировой политики. Специальная военная операция – яркий пример защиты от гибридной прокси-войны, осуществляемой коллективным Западом посредством Украины против России.

Несмотря на высокую активность научного и экспертного сообщества, точку в осмыслении проблем безопасности и теории войны ставить преждевременно. Диалектика социального бытия такова, что мы порой не успеваем «увидеть» угрозы нашим национальным интересам. Кроме того, необходимо объединить усилия научного сообщества в решении проблем безопасности, наращивать исследования по всем основным сегментам.

В рамках избранной предметной области исследования ярким примером служения науке и Отечеству может служить фундаментальный научный труд Президента Коллегии военных экспертов России генерал-майора А.И. Владимирова, который издал в 2013 г. монографию в 2-х частях «Основы общей теории войны» [6; 7], затем переработанную и дополненную, изданную в 2018 г. в 3-х частях [8], а также изданный в 2023 г. двухтомный сборник – Краткий курс стратегической грамотности для высшего и среднего руководящего состава России «Сим победиши» [9; 10]. Не вызывает сомнений необходимость творческого осмысления государственными и военными управленцами *теории войны*, которую разработал А.И. Владимиров, особенно ее *пятидесяти постулатов*. Более того, мы полагаем, что целесообразно ввести специальные курсы в системе высшего образования, в основу изучения которых положить разработанную теорию. Учитывая исторический опыт подготовки военных кадров в начале советского периода в Академии Генштаба РККА под руководством А.Е. Снесарева, читавшего курс лекций по философии войны [28], в системе военного образования изучение теории войны должно стать органичной частью образовательного процесса. Это будет способствовать не только повышению уровня управленческой культуры военных кадров, но

и инновационному развитию военной сферы национальной безопасности, а главное обеспечению национальных интересов государства. Стоит проработать вопрос об издании необходимых базовых учебников и учебных пособий по военно-специальным дисциплинам для системы военного образования Союзного государства.

Сделаем некоторые обобщения.

Безусловно, основным объектом внимания в функционировании военной сферы национальной безопасности остается военная организация государства, приведенная в соответствии с существующими и перспективными военными угрозами, обликом и характером военного конфликта. Учитывая тотальность и многосферность современного военного насилия важно не только понимание всем обществом его особенностей, но и готовности всех институтов гражданского общества и каждой личности к защите национальных интересов государства.

Особенности трансформации военного конфликта учтены в военно-политических и военно-стратегических документах как Беларуси, так и России. Но стоит помнить соображения древнекитайского стратега Сунь-цзы, что «вся война основана на лжи» [29, с. 11], т. е. это путь обмана. Следовательно, чтобы не быть обманутым в сфере военной безопасности Союзного государства, не допустить просчетов в обеспечении национальных интересов, необходимо интеллектуально переиграть, передумать противника и сработать на его опережение.

Важно учитывать, что современный военный конфликт быстрее модифицируется, нежели мы успеваем его системно осмыслить. Поэтому интеллектуально-аналитическое и экспертное сопровождение принимаемых решений в сфере безопасности является требованием времени. Иными словами, интеллект в совокупности с волей народа и опорой на национальную мощь, современную военную сферу в условиях геополитических трансформаций, усиления военно-силового давления является залогом сохранения и развития Союзного государства.

Список литературы

1. Анненков В.И. Сетецентризм: геополитические и военно-политические аспекты современности / В.И. Анненков, [и др.]; под общ. ред. проф. В.И. Анненкова. М.: РУСАВИА, 2013. 496 с.
2. Бартош А.А. Вопросы теории гибридной войны. М.: Горячая линия–Телеком, 2022. 324 с.
3. Бартош А.А. Прокси-война. М.: Горячая линия–Телеком, 2023. 256 с.
4. Бартош А.А. США делают ставку на мировую гибридную войну. [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 2023. 30 ноября. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2023-11-30/1_4_1264_hybridwar.html (дата обращения 20.02.2024).
5. Брычков А.С., Никоноров Г.А. Цветные революции в России: возможность и действительность // Вест. акад. воен. наук. 2017. № 3. С. 4–9.

6. Владимиров А.И. Основы общей теории войны: в 2 ч. М.: Моск. финансово-промышл. ун-т «Синергия», 2013. Ч. I: Основы теории войны. 832 с.
7. Владимиров А.И. Основы общей теории войны: в 2 ч. М.: Моск. финансово-промышл. ун-т «Синергия», 2013. Ч. II: Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством. 976 с.
8. Владимиров А.И. Основы общей теории войны: моногр.: в 3 ч. 2-е изд. Ч. I: Основы теории войны. 1008 стр.; Ч. II: Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством. 912 стр.; Ч. III: Государство, война и армия: некоторые вопросы теории. 936 стр. М.: Моск. финансово-промышл. ун-т «Синергия», 2018.
9. Владимиров А.И. Сим победиши. Краткий курс стратегической грамотности для высшего и среднего руководящего состава России. Ч. 1. Основы курса в постулатах Общей теории войны. М.: Университет «Синергия»; ООО «Синергия Стор», 2023. 888 с.
10. Владимиров А.И. Сим победиши. Краткий курс стратегической грамотности для высшего и среднего руководящего состава России. Ч. 2. Стратегическая публицистика. М.: Университет «Синергия»; ООО «Синергия Стор», 2023. 965 с.
11. Военная доктрина Республики Беларусь [Электронный ресурс]: утв. Зак. Респ. Беларусь 20 июля 2016 г., № 412-З. URL: <https://www.pravo.by>. (дата обращения 10.12.2023).
12. Военная доктрина Союзного государства [Электронный ресурс]. Утверждена постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства 4.11.2021 г. № 5. URL: <https://www.postkomsg.com/documentation/document/1899/> (дата обращения 07.12.2023).
13. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д.О. Rogozina. М.: Вече, 2011. 640 с.
14. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн / А. А. Кокошин [и др.]. М.: ЛЕНАНД, 2021. 88 с.
15. Дугин А.Г. Война континентов. Современный мир в геополитической системе координат. М.: Академический проект, 2015. 359 с.
16. Ильницкий А.М. Стратегия гегемона – стратегия войны // Военная мысль. 2023. № 6. С. 18–36.
17. Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 227 с.
18. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. 80 с.
19. Ксенофонтов В.А. Военная политика государства: методологические основы // Идеологические аспекты военной безопасности. 2022. № 2. С. 20–29.
20. Ксенофонтов В.А. Военно-доктринальные взгляды на оборону страны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 2 (11). С. 36–46.
21. Ксенофонтов В.А. Война как исторический и современный феномен общественного бытия // Философские исследования: сборник научных трудов № 10. Минск: Изд. дом «Бел. навука», 2023. С. 101–112.
22. Ксенофонтов В.А. Ментальная война и национальная безопасность // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серия гуманитарных наук. 2022. Т. 67, № 4. С. 351–364.
23. Куманьков А.Д. Война в XXI веке. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 296 с.

24. Куманьков А.Д. Война, или В плену насилия. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 164 с.
25. Маккиндер Х. Географическая ось истории. М.: АСТ, 2021. 288 с.
26. Наумов А.О. «Цветные революции». М.: Изд-во «Кучково поле», 2023. 496 с.
27. Сивков К.В., Соколов К.Н. Гибридная война. М.: Изд-во «Наше завтра», 2023. 280 с.
28. Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Ломоносовъ, 2013. 288 с.
29. Сунь-цзы Искусство войны: перевод. М.: Эксмо, 2023. 416 с.

THE PRIORITY OF STATE DEVELOPMENT: MILITARY SPHERE OF NATIONAL SECURITY

V.A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

The article shows the negative trends in the development of the international and military-political situation that affect the security of the Union State. The conflict environment of the development of Belarus and Russia determines the priority attention to the security system of the Union State and its military component. The main objectives of Belarus' military policy and the directions of its coalition component are shown. It is emphasized that in order to ensure the military security of the Union State it is necessary to understand the dialectics of the state's interests and threats to them in the military sphere. The main characteristics of the dominant methods of confrontation are considered: mental, hybrid and proxy warfare, as well as color revolution. It is concluded that it is important to develop and study the theory of war, to further improve the military sphere of national security as a priority for the preservation of the state in the conditions of increasing military violence.

Keywords: *Belarus, Russia, Union State, military sphere of national security, military security, military doctrine, mental war, hybrid war, proxy war, color revolution, theory of war.*

Об авторе:

КСЕНОФОНТОВ Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author:

KSENOFONTOV Vladislav Anatolyevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: nksena777@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.12.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 15.01.2024.

УДК 1+341.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.049

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ НЕТРАДИЦИОННЫХ ВОЙН: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.А. Ковалев

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург

В статье рассмотрено влияние изменений геополитической, техногенной и социокультурной реальности начала XXI века на характер войн и применение международного гуманитарного права (право вооруженных конфликтов). Проанализированы проблемы определения и классификации нетрадиционных войн, а также специфические особенности таких войн, включая их трансграничный характер и участие вооруженных негосударственных субъектов. Выявлены основные характеристики нетрадиционных войн и их отличие от традиционных войн, а также проблемы в классификации вооруженных конфликтов на основе Женевских конвенций. Отмечено, что нетрадиционные войны плохо вписываются в предложенную международным гуманитарным правом классификацию и что стандартные нормы и ценности, регулирующие взаимоотношения между нациями, подвергаются переосмыслению из-за войн нетрадиционного типа. Доказано, что в нетрадиционных войнах даже собственные граждане могут стать мишенями в рамках информационной войны. Сделан вывод о том, что существует необходимость переосмысления основ, на которых строятся наши правовые и моральные системы, особенно в свете сложностей классификации нетрадиционных войн.

Ключевые слова: *нетрадиционная война, международное гуманитарное право, Женевские конвенции, Международный комитет Красного Креста, международные и немеждународные военные конфликты.*

Введение

Стремительные изменения геополитической, техногенной и социокультурной реальности в начале XXI столетия не просто привели к тому, что современные войны стало затруднительно регулировать в рамках традиционного международного права. Это свидетельствует о глубокой эволюции человеческого сознания и морали. Старые парадигмы исчезают, уступая место новым, и человечество стоит на пороге новой эры, где привычные границы между добром и злом, правым и неправым становятся размытыми. Потому что существующие правила в современной правовой системе были – по большей части – предназначены для применения к традиционным войнам [2], а не к войнам современного типа. Мы стоим перед вызовом переопределения наших ценностей и понимания мира, чтобы со-

© Ковалев А.А., 2024

ответствовать новой реальности, сохраняя при этом свою человечность и культурное наследие.

Сейчас политики, военные и ученые чаще всего говорят о войнах нетрадиционных, отличающихся от обычной войны не только масштабным применением оружия массового поражения, но и скрытностью или слабой определенностью их методов и участников. Здесь проявляется глубокая дилемма современности: в мире, где границы между реальностью и виртуальностью стираются и где информационные технологии могут воздействовать на массовое сознание так же сильно, как и традиционные средства ведения войны, наша способность определить истинные намерения и действия противника становится все более затруднительной. Однако, несмотря на это, общие или долгосрочные цели таких войн все так же направлены на разгром и капитуляцию противника. Мы стоим перед необходимостью пересмотреть свое понимание власти, контроля и доминирования в этом сложном и быстро меняющемся мире.

Проблема определения и классификации нетрадиционных войн в контексте применимости норм международного гуманитарного права

Нетрадиционные войны в научной литературе подразделяются на асимметричные и гибридные. Это отражение сложной природы человеческого взаимодействия, где борьба за власть и контроль трансформировалась, становясь многогранной и многомерной. При этом гибридные войны включают в себя наряду с обычной, ядерной и химической войнами экономические, санкционные, все разновидности информационных войн, а также прокси-войну. Войны нового типа характеризуются и невиданным ранее применением оружия массового поражения, космической разведки, и добавлением нового поля боя, что говорит о том, что современное ведение войны стало гораздо более интеллектуальным и научным. Более широкое участие наемников, боевиков, религиозных фанатиков на обычном поле боя и разнообразных профессионалов на новом поле боя (IT-технологов, журналистов, психологов, биологов, историков, философов и т. д.) говорит о том, что война стала не просто физическим столкновением, но и столкновением идей, культур и технологий.

Теоретических подходов к выделению типов войн много. Американский политолог Уильям Линд в 1989 г. разделил войны, происходившие в человеческой истории, на четыре поколения [10]. Это зеркало эволюции человеческого общества, где каждое поколение войн отражает изменяющиеся социокультурные ценности, технологии и политические реалии. Термин «поколение войны» используют ныне многие исследователи. Например, немецкий политолог Кристиан Эндресс подчеркивает, что войны «доядерной эпохи» коренным образом отличаются от войн с применением ядерного оружия, которое постоянно совершенствуется [11]. С каждым новым технологическим прорывом сами основы человеческого бытия

и восприятия мира подвергаются изменениям. В данной работе мы будем употреблять обобщающий термин «нетрадиционные войны», чтобы охватить с его помощью широкий круг войн и современных военных конфликтов. При этом стоит отметить, что тактика современных войн направлена не только на достижение открытой военной победы, но и на принуждение противника к капитуляции путем информационной и психологической обработки и тайной, или неофициальной, поддержки одной из сторон существующего конфликта. Эта многогранность подходов к ведению войны подчеркивает сложность человеческой психики и демонстрирует, как глубоко укоренилась в нашем сознании потребность доминировать и контролировать.

Исторический контекст, в котором некогда возникло международное гуманитарное право, характеризовался войнами между государствами, которые велись на поле боя организованными военными армиями враждующих сторон. Эти войны были отражением иерархической структуры традиционных обществ, где честь, национальный интерес и государственная идентичность были ключевыми мотивами для конфликта. Вплоть до начала XX столетия, до эпохи создания оружия массового поражения, потери среди мирного населения были сравнительно невелики. Несмотря на то, что были и другие виды межгосударственных конфликтов, разрешавшихся не на поле боя, а сугубо дипломатическими средствами, кульминацией военных конфликтов обычно являлось заключение мирных договоров – в том числе первых международных договоров в области гуманитарного права. Эти договоры отражали понимание того, что даже в условиях жестокой войны человеческая жизнь и достоинство должны оставаться священными. И вплоть до XX столетия военные конфликты были войнами «клаузевицкого типа», т. е. традиционными войнами. Нетрадиционные войны, однако, имеют иные характеристики и сущностные черты, нежели традиционные войны. Они отражают глубокие изменения в глобальном порядке, где многие из прежних убеждений и ценностей подвергаются сомнению, а новые идеологии и стратегии возникают для противостояния сложным современным вызовам.

Проблема применимости международного гуманитарного права стала актуальной по причине возникновения политических вызовов, которые были спровоцированы войнами нетрадиционного типа. Это является отражением более глубокого культурного и философского изменения, где стандартные нормы и ценности, которые ранее регулировали взаимоотношения между нациями, подвергаются переосмыслению. В подобных условиях в особую группу риска попадают дипломатические отношения и гражданское население.

Особенно в правовой защите в условиях современной войны нуждается именно гражданское население по причине слабой проработки этого вопроса в современном международном гуманитарном праве и всё явственнее проявляющегося агрессивного поведения участников вооружен-

ных конфликтов против мирного населения. Это подчеркивает тот факт, что в эпоху технологического прогресса и глобализации основные вопросы человечества, связанные с этикой, моралью и человеческим достоинством, остаются без ответа.

В данном контексте большое значение имеет, например, соблюдение принципа различия. Суть его сводится к необходимости строго и однозначно дифференцировать комбатантов и мирных жителей. Этот принцип подчеркивает центральное место, которое человеческая жизнь занимает в международном порядке, и указывает на неизменную ценность каждого человеческого существа независимо от его роли в конфликте.

В условиях военного времени соблюдение принципа различия играет значимую роль. Этот принцип отражает глубоко укорененное в человеческой культуре и истории стремление к справедливости и уважению к жизни невинных. Здесь важно исключить подмену понятий, как это произошло, например, после трагических событий в украинском городе Буча в начале апреля 2022 г. Ношение белых повязок местными жителями, контактировавшими с военными российской армии, стало для украинских военных признаком предательства с их стороны. И даже несмотря на то, что все эти контакты происходили исключительно на бытовом уровне (например, обмен продуктами), мирных жителей с белой повязкой признали комбатантами.

В данном случае населенный пункт и его жители фактически перешли под контроль от одной военной силы к другой (к противнику). При этом население оказалось не защищенным ни международным гуманитарным правом, ни национальным законодательством. Это напоминает о хрупкости социального контракта, на который опирается любое общество, и о том, что наши цивилизованные нормы и стандарты могут быть легко подорваны в условиях экстремального давления или кризиса. Однако всё же остается шанс на восстановление справедливости, который должно использовать мировое сообщество, объективно расследовав это военное преступление, найдя виновных и наказав их согласно букве закона. Это не только вопрос правосудия, но и важный момент для поддержания мирового порядка, основанного на уважении к человеческим правам и международному праву.

Таким образом, события последнего времени актуализируют назревшую проблему необходимости правового регулирования нетрадиционных войн, где особая роль принадлежит международному гуманитарному праву. Этот вызов является отражением глубоких изменений в структуре мирового порядка и понимания человечеством своего места и роли в нем. И самая главная сложность данного вопроса сводится к отсутствию однозначного определения дефиниции «нетрадиционная война» как в правовой сфере, так и в науке. Это свидетельствует о том, что мы живем в эпоху перемен и неопределенности, где старые понятия и категории не могут полностью охватить сложность современной реальности. Поэтому в

данном исследовании будет предпринята попытка частично ликвидировать этот пробел, что является не только академическим усилием, но и важным шагом к поиску более справедливого и устойчивого мирового порядка.

Нетрадиционные войны представляют собой форму вооруженной борьбы, где не только государства, но и негосударственные субъекты становятся активными участниками [7]. Такая тенденция, возможно, является следствием растущей сложности глобальной политической структуры, где власть перестает быть монополией государств. В прошлом, когда право объявлять войну было прерогативой суверенных государств, мир подчинялся более четким и узнаваемым правилам. Однако с распадом Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений в 1991 г. появилась необходимость переосмысления и переоценки структуры мировой безопасности и порядка.

Хотя нетрадиционные войны стали частью мировой действительности уже десятилетия назад, текущие национальные и международные правовые рамки кажутся не способными адекватно реагировать на такие вызовы. Этот разрыв между реальностью и законодательством может указывать на более глубокий кризис в нашем понимании морали, этики и справедливости в современном мире.

Такое положение дел лишает возможности мировое сообщество оперативно и эффективно решать проблемы в области обеспечения международной безопасности. Это иллюстрирует дилемму между сохранением статус-кво и адаптацией к меняющемуся геополитическому ландшафту. Притом само мировое сообщество серьезно обеспокоено этим вопросом. Так, когда началась спецоперация России на Украине по ее демилитаризации и денацификации 24 февраля 2022 г., Европа незамедлительно объявила Россию нарушителем безопасности на европейском пространстве. Российская Федерация удостоилась звания агрессора, оккупанта и так далее, а российский президент В.В. Путин – военного преступника (по недипломатичным заявлениям американского президента Дж. Байдена). Однако, что на самом деле поражает, это насколько легко мировые восприятия и доминирующие нарративы могут изменяться на основе актуальной политической повестки. Без внимания мирового сообщества длительное время оставались такие признаки нетрадиционной войны, как неконтролируемое расширение НАТО на Восток, насилие в отношении мирных жителей Донбасса со стороны киевской власти и прочее. Такое избирательное внимание может указывать на сложность и амбивалентность нашего понимания справедливости и морали на мировой арене. Это главные причины начала боевых действий, есть и другие, например, открытая, массовая русофобия, поощряемый Западом киевский нацизм и т. д. В основе таких конфликтов часто лежит столкновение не только интересов, но и ценностных систем, что делает их особенно сложными для разрешения.

Нарастающая напряженность между различными политическими силами в сфере международных отношений, отражающая глубокие идей-

ные и культурные разногласия, как и открытое вооруженное противостояние, является одним из признаков нетрадиционной войны. Это подчеркивает, что война и мир в наше время стали менее дихотомичными понятиями, и между ними возникает обширная «серая зона». И кульминацией подобного напряжения становится открытый вооруженный конфликт. Но даже в моменты наибольшего кризиса человеческий дух и стремление к миру могут давать шансы на примирение и восстановление. Однако и вооруженное противостояние не всегда способно поставить точку в нетрадиционной войне, отличающейся от традиционных войн неопределенностью [9]. Эта неопределенность может быть приглашением к более глубокому размышлению о природе человеческого конфликта и о том, как общество могло бы лучше управлять этими конфликтами и разрешать их.

Таким образом, нетрадиционная война представляет собой вооруженный конфликт, отличающийся высокой степенью неопределенности. Эта неопределенность может быть отражением более широкой экзистенциальной проблемы нашего времени, где традиционные границы и категории становятся всё менее ясными. Участниками противостояния могут быть как государства, так и негосударственные субъекты, что подчеркивает растущую сложность международного порядка, где власть и влияние могут быть децентрализованы. Их промежуточные или конечные цели, а также методы достижения этих целей могут варьироваться, что подчеркивает относительность и многогранность человеческого опыта в современной эпохе. Широкая вовлеченность гражданских лиц в вооруженный конфликт как мишеней демонстрирует трансформацию линии разделения между фронтом и тылом, между бойцом и гражданским лицом, что может вызывать глубокие моральные и этические дилеммы. При этом стоит отметить, что в нетрадиционных войнах даже собственные граждане могут стать мишенями и объектами для провокаций в качестве элемента информационной войны. Такой подход может вызывать рефлексии о ценности человеческой жизни и о том, как общество и индивиды могут сохранять свою человечность в условиях кризиса.

Анализ нетрадиционных войн необходимо проводить с учетом глубокого понимания природы человеческого конфликта и его отражения в современном мире. В первую очередь следует обратить внимание на такие критерии (помимо уже принятых двух критериев, относящихся и к традиционным войнам), как цели каждой из сторон-участниц, их выгоды, а также методы ведения борьбы. Цели и выгоды часто могут отражать глубокие идеологические, культурные или экзистенциальные различия между участниками конфликта. Последний критерий особенно важен в ситуациях, когда способы ведения войны направлены на граждан или гражданские объекты, подчеркивая глубокие моральные и этические дилеммы, которые возникают в условиях глобализации и сложности современного мирового порядка. Как раз этими вопросами занимается международное гуманитар-

ное право, стремясь сохранить человеческую суть даже в самых сложных и драматичных обстоятельствах.

Международное гуманитарное право и войны нового типа

В сердце всякого закона лежит стремление к справедливости и порядку, и международное гуманитарное право не является исключением. Главный вопрос в данном контексте заключается в том, как принципы справедливости и защиты невинных могут быть применены в условиях, когда сама природа войны трансформируется. Женевские конвенции 1949 г., созданные в эпоху, когда мир только начал оправляться от ужасов Второй мировой войны, установили, что международное гуманитарное право может применяться только в ситуациях вооруженного конфликта. Такое ограничение отражает глубокое понимание того, что даже в условиях наибольшего хаоса и разрушения должны существовать основные принципы, которые уважаются и соблюдаются. Поэтому международное гуманитарное право является *lex specialis*. Оно представляет собой особый набор норм и принципов, направленных на обеспечение человечности в самых тяжелых обстоятельствах. Если ситуация не сводится к вооруженному конфликту, будут применяться другие нормы, но не международное гуманитарное право. Это подчеркивает глубокое уважение к человеческому достоинству и стремление к сохранению жизни и благополучия, даже когда традиционные структуры и определения становятся неясными.

Международный Комитет Красного Креста, будучи символом гуманности и заботы о страдающих в условиях конфликта, выступает за широкое применение Женевских конвенций. Основной идеей здесь является убеждение, что ценность человеческой жизни и достоинства превышают любые политические или юридические тонкости. Таким образом, приоритетом должна быть действенная защита людей, а не дискуссия по поводу формальных определений. В мире, где военные конфликты часто становятся сложными и многоуровневыми, где границы между воюющими и мирными нарушаются, философия универсальной защиты становится еще более важной. Отсюда возникает резонный вопрос, оправдан ли узкий подход к международно-правовому регулированию войн современности, имеющий место в нормах международного гуманитарного права? Это побуждает нас к размышлению о том, должны ли правовые системы быть гибкими и адаптивными, чтобы отвечать на вызовы меняющегося мира, или они должны оставаться неизменными, служа качественными маяками в мире перемен? Насколько гибким и адаптивным должен быть закон, чтобы оставаться эффективным и не терять при этом свою первоначальную цель – защиту человеческого достоинства?

Юридические определения, как правило, обладают конкретной четкостью, которая позволяет различать разные ситуации и применять соответствующие правила. Однако в мире, где реальность часто оказывается сложнее любых определений, становится очевидной потребность в гибко-

сти и адаптации. Поиск ответа на заданный вопрос существенно осложняет отсутствие юридического определения вооруженного конфликта/войны, что затрудняет процесс отнесения того или иного факта насилия к вооруженному конфликту. Здесь мы сталкиваемся с дилеммой: следует ли придерживаться строгих определений, даже если они не отражают сложной реальности, или же нужно стремиться к более гибким интерпретациям, которые могут потерять свою конкретность? Поэтому важно учитывать те цели, которые преследовали государства – составители Конвенции. Эти цели, безусловно, были вдохновлены стремлением защитить человеческую жизнь и достоинство даже в условиях самых жестоких конфликтов. Если конфликт не признается вооруженным, он считается внутренним правонарушением, что поднимает философский вопрос о том, должны ли суверенные государства иметь абсолютный контроль над своими внутренними делами или существует универсальный стандарт прав человека, который должен быть уважен вне зависимости от государственных границ? Как только конфликт юридически признается именно вооруженным конфликтом, он вносит свой вклад в более глобальный диалог о том, что значит жить в мире, где война и мир часто взаимосвязаны и взаимозависимы.

В международных конфликтах элементом, который действительно позволяет определить их как войну (вооруженный конфликт), является позиция вовлеченных сторон, то есть их оценка ситуации. Это поднимает интересную философскую точку: война, как и многие другие аспекты человеческого опыта, во многом определяется восприятием и намерениями участников, а не только объективной реальностью. Другими словами, военные действия или военная деятельность между двумя или более государствами считаются войной только в том случае, если такие государства добровольно участвуют в военных действиях против другого государства. Здесь мы видим, что война в своей сущности не просто физическое столкновение армий, но и моральный и идеологический конфликт, отражающий глубоко укоренившиеся убеждения и ценности участвующих сторон. Это делает войну не только борьбой за территорию или ресурсы, но и за умы и сердца людей.

Международный Комитет Красного Креста полагает, что продолжительность и последствия конфликтов (с точки зрения людских потерь, ранений и нанесенного ущерба) не являются существенными для классификации военных действий как войны или чего-то не относящегося к войне [6]. Однако ученые утверждают, что в действительности «относительно незначительное применение силы между государствами <...> не обязательно должно рассматриваться как составляющее вооруженный конфликт» [3].

Определение вооруженного конфликта является вопросом, актуальным как для нетрадиционных, так и для традиционных войн. Отсутствие общепринятого определения войны является одной из проблем при-

менимости международного гуманитарного права и влияет на классификацию конфликтов в нем.

Однако если та или иная ситуация однозначно сводится к вооруженному конфликту, международное гуманитарное право проводит различие в своде норм, применимых к двум различным типам вооруженных конфликтов – международным или немеждународным. Подобная классификация вполне логична и ясна в применении к традиционным войнам. Однако не всё так однозначно относительно урегулирования вопросов, связанных с нетрадиционными войнами. Ведь одной из наиболее заметных особенностей нетрадиционных войн является именно их интернационализированный характер, помещающий такие конфликты в некую серую зону, в связи с чем вооруженный конфликт нетрадиционного типа не является ни международным, ни немеждународным, согласно современным правовым параметрам [1].

К конфликту, классифицированному как международный, будут применять все нормы, созданные в соответствии с международным гуманитарным правом. Если конфликт носит не международный, а локальный характер (мятежи, бунты, революции в отдельно взятой стране), в соответствии с Общей статьей 3 Женевских конвенций к нему в качестве минимального стандарта будут применяться лишь несколько норм.

При этом стоит отметить, что нетрадиционные войны плохо вписываются в предложенную международным гуманитарным правом классификацию. Так, особенностями нетрадиционных войн, влияющими на их категоризацию по международному гуманитарному праву, считаются следующие факторы:

а) трансграничный охват, т. е. эти войны выходят за границы одного государства различными способами, такими как перемещение военных действий за его границы или даже через воздействие на международной арене, которое не является сугубо территориальным, например, через информационную и финансовую поддержку третьего государства одной из сторон конфликта;

б) качественная характеристика сторон, непосредственно вовлеченных в борьбу, в которой часто участвуют вооруженные негосударственные субъекты, такие как нерегулярные боевики, повстанцы, сотрудники частных военных предприятий и даже террористические группы, а также транзитное государство, через которое перебрасываются военные силы, или даже государство, на территории которого не происходит никакой борьбы.

Другими словами, два критерия, используемые Женевскими конвенциями для классификации вооруженных конфликтов (территория и качественная характеристика сторон), в связи с самими особенностями нетрадиционных войн не позволяют описать их в традиционных правовых категориях [8].

Вообще, «существование международного вооруженного конфликта, соответственно, требует анализа ситуации, включая такие факторы, как

намерения вовлеченных государств и то, могут ли военные действия восприниматься как всеобъемлющие» [5]. Это подчеркивает, что война – это не просто материальное столкновение, но и интеллектуальное и духовное. Международное гуманитарное право ограничивает классификацию конфликтов парадигмой «или/или», в которой конфликт либо происходит между двумя или более государствами, и в этом случае он является международным, либо в конфликтах участвует только одно государство (и один или несколько негосударственных субъектов), и в этом случае он не может быть международным. Такое деление может отразить человеческую потребность в порядке и классификации, но также может затруднить понимание более сложных и многогранных конфликтов, которые выходят за рамки этих категорий. Вопрос о том, что делает войну «войной», далеко не новый и был предметом размышления философов на протяжении веков.

В соответствии с Общей статьей 2 Женевских конвенций 1949 года для отнесения вооруженного конфликта к международному по крайней мере два государства должны быть вовлечены в войну друг против друга. Этот параметр исключает из международно-правовой сферы многие современные нетрадиционные конфликты, когда в вооруженном конфликте открыто участвует только одно государство [4].

При этом не всегда войны, которые не относятся к международным вооруженным конфликтам, однозначно можно отнести к немеждународным согласно критериям, установленным в Конвенциях. Эта дилемма пронизывает многие аспекты человеческой истории и отражает проблему бинарности в человеческом мышлении – нашу тенденцию к категоризации и упрощению сложных явлений. Это объясняется тем, что Общая статья 3 Женевских конвенций устанавливает, что немеждународный вооруженный конфликт должен быть локализован в границах одного государства. На философском уровне это поднимает вопросы о суверенитете, идентичности и природе государства. Из этого следует, что в военных действиях может принимать участие только государство, на территории которого происходит конфликт. Однако в глобализированном мире, где границы и идентичности становятся всё менее четкими, такое определение может потерять свою актуальность и применимость.

Таким образом, в международном гуманитарном праве существует реальная проблема, связанная с границами его применимости. Эта дилемма приводит к более глубокому философскому вопросу о природе границ и ограничений. Во всем, от карты мира до концепции суверенитета, человечество стремится к установлению четких границ. Однако реальность часто более сложна и неоднозначна. Ведь нет никакого способа узнать, изучая положения Женевских конвенций и Протоколов к ним, какая норма должна применяться в вооруженном конфликте, в котором участвует только одно государство, но который выходит за границы этого государства. Это вызывает к размышлениям о пластичности и непостоянстве границ в современном мире. Оба типа, отмеченные Конвенциями, являются слишком

ограниченными и узкими, оставляя за пределами своих параметров войны нетрадиционного характера. Это ставит нас перед необходимостью переосмысления основ, на которых строятся наши правовые и моральные системы.

Заключение

Приведение правовой базы в соответствие с реалиями современных нетрадиционных войн является важным шагом к преодолению возникших сложностей. Однако не менее важным действием в подобных обстоятельствах становится недопущение того, чтобы политические мотивы одной из сторон вооруженного конфликта стали бы главным аргументом в использовании возможностей международного гуманитарного права (а также пробелов в нем) для получения собственных политических выгод. Именно такая беспрецедентная в современной истории ситуация складывается вокруг России из-за войны на Украине.

На Россию оказывается колоссальное давление, начиная с всеобъемлющих экономических санкций, заканчивая провокациями и притеснением российских спортсменов. И главным обвинителем выступили США, которым неоднократно думающие люди припоминают и Югославию, и Ирак, и Сирию, и Ливию в свете последних событий на Украине и обвинений России в агрессии. США не ответили за эти акты военной агрессии по международному гуманитарному праву. Вместо этого они нагло сами судили (а фактически просто убили) и С. Хусейна, и М. Каддафи, а также способствовали смене политического руководства в своих интересах во многих странах мира, в том числе и на Украине. Но самое неприемлемое в ситуации на Украине связано с тем, что международное гуманитарное право не смогло и не может защитить население Донбасса в течение восьми лет от агрессии и террора собственной власти. Это еще раз доказывает, что само по себе право, даже самое справедливое и практически лишенное недостатков, не может считаться эффективным инструментом на практике, если им вооружилась политическая группировка с узкими агрессивными целями.

Двойные стандарты, провокации на поле боя, «накачивание» Украины оружием и живой силой третьими странами, информационная война, санкционное давление и многие другие признаки сигнализируют о дальнейшей модификации нетрадиционной войны, оснащении ее новыми современными технологиями, ее усложнении, возникновении принципиально нового оружия и способов ее ведения. В данном исследовании представлен широкий спектр вариантов большей эффективности применения норм международного гуманитарного права. При этом необходимо сегодня направить его применение на новые вызовы, спровоцированные нынешними обстоятельствами, которые косвенно уже указывают не просто на новый тип вооруженного конфликта, а на один из вариантов третьей мировой войны.

Список литературы

1. Алексеева-Карневали О.А. Топологии войны: война как «трансформация»: от Клаузевица до советской военной теории. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2019. 300 с.
2. Данниген Д.Ф., Бэй О. Горячие точки XXI века: как будут развиваться события. М.: ЭКСМО, 2014. 825 с.
3. Кузина С.И. Политическое насилие и современные информационные войны. Ростов-на-Дону: Изд-во Южно-Российского института – филиала РАНХиГС, 2016. 174 с.
4. Пещеров Г.И. Развитие теории войны в условиях современной глобализации. М.: Информационно-издательское управление МГОУ, 2013. 157 с.
5. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы: очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2016. 831 с.
6. Социальная история Второй мировой войны: современные методологические подходы, проблемы и перспективы: сборник научных статей. Майкоп: Изд-во АГУ, 2007. 91 с.
7. Сучков М.А., Тэк С. Будущее войны: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», август 2019. М.: Совет по внешней и оборонной политике [и др.], 2019. 24 с.
8. Тюшкевич С.А. О законах войны: вопросы военной теории и методологии. М.: Проспект, 2017. 349 с.
9. Уиг Ф.-Б. Неоднозначность понятия войны // Международный журнал Красного Креста. 2009. Т. 91, № 873. С. 25–44.
10. Carey J., Dunlap W. International Humanitarian Law: Origins. N.Y: BRILL, 2003. 1100 p.
11. Endress Ch. Die Vernetzung einer gesamtstaatlichen Sicherheitsarchitektur des Politikfeldes. Innere Sicherheit im Spannungsverhältnis von politischen Interessen und sich wandelnden Bedrohungen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. 298 s.

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN THE ERA OF UNCONVENTIONAL WARS: CHALLENGES AND PROSPECTS

A.A. Kovalev

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

The article examines the impact of changes in the geopolitical, technogenic and socio-cultural reality of the beginning of the XXI century on the nature of wars and the application of international humanitarian law. The problems of defining and classifying unconventional wars, as well as the specific features of such wars, including their cross-border nature and the participation of armed non-State actors, are analyzed. The main characteristics of non-traditional wars and their difference from traditional wars are revealed, as well as problems in the classification of armed conflicts based on the Geneva Conventions. It is noted that non-traditional wars do not fit well into the classifi-

cation proposed by international humanitarian law and that standard norms and values governing relations between nations are being rethought due to non-traditional wars. It has been proven that in non-traditional wars, even their own citizens can become targets within the framework of an information war. It is concluded that there is a need to rethink the foundations on which our legal and moral systems are built, especially in light of the difficulties of classifying non-traditional wars.

Keywords: *unconventional war, international humanitarian law, Geneva Conventions, International Red Cross, international and non-international military conflicts.*

Об авторе:

КОВАЛЕВ Андрей Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Author information:

KOVALEV Andrey Andreevich – PhD (Political Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.12.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 12.01.2024.

УДК 172.4+327

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.062

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

В.В. Ильин*, И.А. Кокоева**

*ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана», г. Калуга

**ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Мытищи

Рассматриваются две стратегии образовательной деятельности: одна – вестернизация подготовки неофитов с игнорированием императивов национальных культур и отображающих их государственных интересов; другая – модернизация, оптимизация аутентичных национальных моделей образовательных систем с учетом диспозиций «почвы». Показывается недееспособность приоритетов поддерживаемого либерально-рыночными кругами Болонского процесса в качестве основы перестройки отечественной высшей школы. В опоре на значительный практический материал делается вывод: институт образования, готовя к жизни, не конкурирует, а взаимодействует с иными общесоциальными институтами: семьей, религией, бизнесом и др.

Ключевые слова: образование, воспитание, национальные интересы, глобальный мир.

В непредвзятой аналитической реконструкции заявленная тема получает две сущностных редакции. Одна – вестернизация национальных образовательных систем с максимальным выхолащиванием из них духа народа, исконных традиций, аутентичной культурной основы, привитием утилитаризма, инструментализма, космополитизма с потенциальным извлечением геостратегических преимуществ. Обозначим ее «стратегия А». Другая – оптимизация собственной модели образовательной деятельности (технологии преподавания, трансляция знания, модели средней школы, университета с пакетом качества выпускников), позволяющей эффективизировать «знания-умения-навыки» (далее – ЗУН) подготавливаемых специалистов. Обозначим ее «стратегия В». Рассмотрим их по возможности более тщательно.

Стратегия А. Сосредоточенную на узконаправленных целях либерально-рыночную парадигму образования, подчиненную подготовке мобильного, конформного агента money making society, обслуживав усердно рекламируемый Болонский процесс. Не реформа, не модернизация, не оптимизация, а именно «процесс», как темпоральное действие призванный провести демонтаж «архаичных» реалий с замещением их «авангардными» постиндустриальными техниками обучения, регулируемые рыночными ценностями, потребительским менталитетом.

Перечень приоритетов Болонского процесса [11] сводится к следующему:

© Ильин В.В., Кокоева И.А., 2024

(а) универсализация континентального (западноевропейского) ареала высшего образования (ВО) для обеспечения индивидуальной (социальной) мобильности, потенциального трудоустройства;

(б) наращивание культурно-интеллектуальной, научно-технической субконтинентальной мощи;

(с) поднятие престижа европейского ВО;

(д) когеренция национальных систем ВО с возможностью перманентного преподавательского, студенческого трансфера;

(е) централизация университетской модели развертывания ВО как оплота субконтинентальной духовности.

Оценим сконцентрированные в (а–е) нарративы/императивы.

(а) проходит по части неподготовленных дезидератов в двух базовых отношениях.

Универсализации сопротивляются национальные традиции, толща народного (массового) самосознания, онтология картин мира. Аккумулируя аргументацию, подчеркнем лишь: консолидированный вестерн живет по эгоистичным устоям рыночной экономики, индивидуализма, прагматизма, фундируемым беззастенчивой эксплуатацией невестернизированной части ойкумены (откуда набившая оскомину боррелевская дихотомия «процветающий сад – запустелые джунгли»). Потому в модели выпускника – узкая специализированность (знаток «правой/левой» резьбы, что порождает немалые курьезы, в особенности в физиологии, медицине), инициативность, утилитарность, стремление к карьерному росту.

Тогда как отечественное классическое ВО исстари крепилось на ценностях знания, народного (не персонального) благосостояния, профессионализма, коллективизма. Несопряженностью аксиологической канвы двух платформ образовательной социализации объясняется нынешняя, прямо скажем, негативная оценка опыта реформации ВО россиянами, вкусившими прелести непродуманных поспешных нововведений. По репрезентативным социологическим опросам за 2015–2017 гг. картина выглядит так:

– определяющая роль параметров карьерного роста: на Западе – до 36 % [12];

– определяющая роль «социального капитала» (взаимоподдержки): в РФ – до 46 % [3].

Против опрометчивой имплантации в отечественную реальность приемов европейского образования активно выступал еще М. Катков, отстаивавший линию аутентичной национальной классической подготовки интеллектуалов [8].

Национальный дух, народное самосознание прививается, формулируется содержащим солидный воспитательный элемент обучением. Понимание этого исключает трактовку платформы национальной аутентичности образовательного процесса как платформы охранительно-консервативной (что часто практикуется в квалификации взглядов Уварова, Победоносцева, Каткова). Быть патриотом – приверженцем не показно-

го, «квасного», но «корневого», народного патриотизма – не охранительство, но трезвость, реализм по части сопротивления всякого рода насильственным, чуждым заимствованиям, нелепым «перестройкам для перестроек», подражаниям, не вытекающим из дела и не идущим к делу, как подчеркивал Катков.

На фоне изложенного понятно рачительное, трепетное отношение наших вынужденных эмигрантов (времен конца гражданской войны – 1920 г., «философского парохода» – 1922 г.) к воспроизводству национальных корней через восстановление, поддержание, передачу отечественного национального образовательного процесса на чужбине. Знамательны факты: в 1921 г. в одном лишь Стамбуле под эгидой земско-городского союза организовано 10 детских садов, 3 прогимназии, 10 начальных школ, 5 гимназий; частные учебные заведения – гимназия Нератовой, начальная школа Врангель; далее – школы-интернаты, гимназии в Бельгии, Франции, Харбине, русский университет в Праге (проработавший с 1923 по 1945 г.).

Мобильности, свободе трудоустройства мешают ужесточение визового режима, ограничение перемещения в ЕС. Имеется в виду препятствование массовой миграции подготовленных и неподготовленных трудовых ресурсов из России на Запад; эфемерной социальной утилизации наших граждан (специалистов) положила конец оголтелая реакция руководства ЕС на февральское 2022 г. вынужденное решение России по проведению СВО на Украине.

Что касается ассимиляции специалистов экстра-класса, проблем с обеспечением их импорта как не было (вспомнить казусы Зворыкина, Сикорского, апатридов «философского парохода», Уфимцева и др.), так и нет (казусы Гейма, Новоселова, Абрикосова и др.).

(b) – во многом удалось, принимая во внимание не унификацию европейско (американско)-российского образовательного пространства, но (в том числе вопреки увещаниям Каткова) системный демонтаж отечественных образовательных институтов вследствие бездумного копирования западных шаблонов, привнесения в их деятельность инородного элемента. Как результат – некомпенсированное падение качества национального образования с вынужденным «исходом» или деградацией профессионалов.

Фактически культивируемое десятилетиями (советской истории) отечественное образование развалено, подорвана его системная, массовая основа.

Закон (1992 г.) РФ «Об образовании» (санкционированный группой «чикагских мальчиков») фактически ограничивал среднее обязательное обучение девятью классами, обваливал образовательную подготовку сельского населения, лишал возможности посещать школу 1,5 млн россиян [9, с. 33].

Конституированная им плюрализация форм собственности оперативно легализовала бесконтрольный рост негосударственных (коммерче-

ских) учреждений ВО, содействовала введению у нас порочного всеобщего высшего образования. Одновременно ликвидировался сектор СПО, оставляя материальное производство без пополнения подготовленными кадрами среднего звена.

Вызывает большое раздражение неоправданный рост коммерциализации, снижающий интеллектуальные, профессиональные кондиции выпускников. Дело доходит до абсурда: в аэропорту Зальцбурга предусмотрена тревожная кнопка для прилетевших в Австрию, но летевших в Австралию. Риторический вопрос: может ли член информационного общества, надлежаще образованный современный человек путать Австрию с Австралией?!

Платное образование в РФ за 2023 г. (по коммерческим вузам) подорожало на 12 %; при этом число студентов платной основы государственных вузов растет (I), тогда как средний балл студентов платной основы тех же вузов падает (II) (по данным МГТУ им. Н.Э. Баумана за 2023 г. (I) составляло + 22 %; (II) составляло – 1,4 %; средний балл по общему конкурсу в МГТУ: за 2021 г. – 83,54; 2022 г. – 80,94; 2023 г. – 80,68.

Верх демагогии – установка сановного деятеля от образования того времени А. Асмолова, по которой институт образования не готовит (!) к жизни, а конкурирует (??) с другими равноценными институтами, такими как институт семьи, религии, культуры, бизнеса [1].

(с) – Троянский конь Болоньи заключен в требовании синхронизировать образовательные стандарты ЕС и РФ, что до 2007 г. не могло быть реализовано вследствие трехкомпонентной структуры отечественных стандартов, где наряду с федеральным присутствовали региональный (национально-региональный) и учрежденческий (образовательного заведения) блоки.

В 2007 г. произведена манипуляция: по федеральному закону от 01.12. 2007 № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» из федерального государственного образовательного стандарта исключены региональные и учрежденческие блоки. Что достигнуто?

1. С предметно-тематической, творческой точки зрения – ничего.
2. С воспитательно-патриотической, народной точки зрения – осложнено формирование у обучающихся выверенной ценностно-культурной идентичности.

Насколько выиграл вследствие этого престиж субконтинентальной высшей школы – сюжет риторический, а вот демонстрация социально-политической эксклюзии европейства выиграла (точнее, не она, доказав преимущества, выиграла, а мы, поддавшись, самозабвенно проиграли) несомненно.

(d) – несбыточность унификации европейской и российской образовательных систем вытекает не только из несопряженности традиций, пра-

вил, порядка подготовки специалистов, но и из разного институционального подхода к формированию государственного образовательного заказа.

На Западе вопросы решаются по большей части выдачей грантов, пожертвованиями, участием бизнеса, частного предпринимательства. В России (в условиях форсированной державной модернизации, догоняющего развития) практикуется централизованное планирование (в советский период – директивное) удовлетворения кадрового спроса общественным производством. Либеральная линия потворствования реализации частных свобод здесь попросту невозможна.

Напротив, актуализируются этатистские, коллективистские задачи обеспечения суверенитета, национальной безопасности, партнерства исключительно для самодостаточного саморазвития. С необходимостью безусловной поддержки фундаментальных исследований, оборонно-промышленного комплекса (если бы не ельцинские реформы, не было бы и острейших проблем восточного расширения НАТО), избирательного отношения к международному разделению труда (текущие трудности импортозамещения), стратегического кредитования геостратегических (геополитика, геоэкономика) программ и т. д.

Необходимые и существенные ограничения монетизации всякой и любой деятельности (дотирование, редистрибуция в пользу общегосударственных – часто убыточных – предприятий), безусловно, сковывают возможности декларируемого образовательно-академического трансфера.

(е) – в аспекте как прошлого, так и (тем более) настоящего весьма и весьма призрачны перспективы единой континентальной духовности. Архетип европейского единства – крайне варибельная и (по обстоятельствам) уязвимая конструкция, по градиентам геостратегии задаваемая конъюнктурой. Если систематизировать проигрываемые возможности, существо «европеизма» связывается с ареалами:

- географизм: от Средиземноморья до Урала;
- политизм: а) от Средиземноморья до балтийско-черноморской конфликтной зоны (маятниковые движения несамодостаточных лимитрофов); б) от Адриатики (Триест) до Балтики (Штеттин) (романо-германское западноевропейское ядро – Abendland); в) от Атлантики до Тихого океана (визионеры «общеевропейского дома» [6, с. 277].

Четыре трактовки, четыре модели привязанной к географии истории, к земле – духа. В текущий момент доминирует агрессивная непримиримая политическая вариация (а), подминающая некогда нейтральные или даже дружественные лимитрофные зоны Центральной и Восточной Европы. Усилиями Abendland с коренными Германией и Францией (прямой инспирацией США) и подверстанными пристяжными (Польша, Румыния, Чехия, отчасти Венгрия, Словакия, консолидированная Балтия, Финляндия, тяготеющая к ним Молдавия), используя в качестве тупого тарана Украину, осуществляют захватнический поход на Россию. С полным раз-

рывом всех гуманитарных связей (одиозные запреты на отечественную культуру, нелепое переписывание истории).

Никакого единства духовных процессов, духовного производства в створе Болонских предписаний на европейском субконтиненте по определению нет и быть не может. Аналогичное утверждается о контурной паре «обучение-исследование» в интерпретации назначения университета: является ли он учреждением с креном в трансляцию или генерацию знания, в зависимости от чего принимается прикладная или фундаментальная ориентация образования.

Европейское образовательное сообщество склоняется в пользу первой, тогда как отечественное – в пользу второй ориентации, опровергая или подтверждая архетипические субконтинентальные традиции. Действительно.

Классическая европейская философия образования исконно надстраивается над рефлексивным образом ищущего интеллекта. Сошлемся лишь на многогранные разыскания по части уяснения «компетенций разума» (Кант), «абсолютного духа» (Гегель), «интеллигенции», «назначения ученого» (Фихте), наукоучения (Больцано – позитивизм – неокантианство – Гуссерль) и др.

Не является исключением и современная европейская философия, вышедшая из просвещенческого проекта модерна, целеориентирующего на неуклонное развитие объективизирующих наук, универсалистских (!) основ морали, права, автономных искусств с «сохранением их своевольной природы», одновременным высвобождением накопившихся когнитивных потенциалов «из их высших эзотерических форм», использованием их «для практики, т. е. ... разумной организации жизненных условий» [19, с. 40–52].

В связи с этим назовем имена Маркузе («ответственный интеллектуал»), Р. Якоби («публичный интеллектуал»), Бак-Морс («критически мыслящий интеллектуал»), Фуко («проклятый интеллектуал»), Деррида («деконструирующий интеллектуал») и т. д., усматривающих свое призвание в борьбе с репрессирующей глобальной публичностью. По данному поводу тот же Маркузе писал: «Сегодня действительные возможности человеческой свободы настолько реальны и преступления общества, которые препятствуют их реализации, настолько вопиющи, что философ, человек, который занимается образованием, не может больше избежать проблемы совершения выбора, что означает нежелание подчинять свое существование требованиям установившегося порядка» [29, р. 119].

Итак, выбор во имя борьбы с несвободой. Но не только. За отрицанием («негативная диалектика» – коронный конек Франкфуртской школы), по логике жанра, – утверждение как обнаружение исторических возможностей выстраивания бездефектного общества. Теория трансформируется в практику (потому – согласно известному марксову тезису о Фейербахе – «неомарксизм»); рефлексия становится плацдармом объективации символов. Развертывается социальная инициатива (в специфической подаче социальных преобразований «новых левых») [27; 28].

Аналитически не детализируя известные взгляды, отметим высокий общественный пафос современной парадигмы интеллектуализма, вменяющий носителям серого вещества практическое участие в творении истории, политическую вовлеченность, изменение властного каркаса интеракции [22–24].

И согласно таким модальностям – оптимизацию порядка университетской работы.

Так как векторы последней многолики, обслуживают разные потребности (в диапазоне фундаментальное – прикладное) общественного развития, не существует какой-то унитарной модели современного университета ни в Европе, ни в России: в зависимости от исходного назначения (от technical, comprehensive, заводских втузов – до классических) учреждения ВО образовательно профилированы.

Сказанное, правда, не отменяет принципиальной неосуществимости (е) по унификации субконтинентальной духовности – консолидированный Запад (вестерн: ЕС + США – атлантизм) и Россия решают разнопорядковые цивилизационные задачи, питаются разными типами духовных источников самостояния.

Стратегия В. Альтернативными платформами организации образовательного пространства в Европе выступали – условно – модели немецкого фундаментального университета и французской прикладной школы.

Одна выросла из универсалистской (Гете, Шиллер) идеологии Unum, Verum, Verum: университет – рассадник культуры, метафизически представляя целостную органику блага и истины, практически синтезирует «рассеянные в природе моменты», приобретающие в объективном представлении «высшее значение и достоинство» [25, S. 90]. Университет – порождение универсализма – готовит ученых – знатоков наук и искусств. На данной питательной основе кристаллизуется система академического образования-исследования (В. Гумбольдт, Ньюмен), выпускающая интеллектуалов, в которых «пробуждена идея науки» [21, с. 520].

Другая крепилась на соображениях «реальной» (ср.: в России – реальные училища, дающие конкретные профессии) подготовки, удовлетворяющей запросы общества в прикладных знаниях. Таковы принципы деятельности Высшей нормальной и Политехнической школ в Париже (Монж, Бертолле, Вандермонд, Робеншон).

Идеология современного университета (учреждения ВО) так или иначе комбинирует соображения указанных платформ, в зависимости от обстоятельств тяготея (мимикрируя) то к одной, то к другой возможности.

Для конструктивного движения в теме оценим и в дальнейшем не будем анализировать крайности:

(1) волевое изменение статуса учреждений ВО с переводом их из категории «прикладной» в «фундаментальную». Такова хорошо известная трансформация специализированных институтов, готовящих кадры конкретных профессий, во всеохватные университеты. У нас ликвидированы

медицинские, строительные, педагогические и т. д. вузы; всё перекалфицировано в университеты. Что дала административная (номинативная) передислокация?

Под фирмой всеобщей универсализации (исключение – Консерватория, Российский институт театрального искусства, Высшая школа экономики (по кальке с небезызвестной лондонской школы) и некоторые другие), в сущности, решалась одна проблема – престижа, в силу чего учебные заведения определенной ниши переводились в более привлекательную ранговую категорию. С фактическим девальвированием исконного университетского *status rerum*. Скажем, каков практический смысл превращения бывших педагогических институтов в «массовые» университеты при консервации материально-технической, кадровой, методической, научной, издательской и т. д. базы?

Подобная практика породила необходимость выстраивания некой ценностной шкалы, проводящей качественную градуировку родственных (однопорядковых) единиц с позиций предпочтения. Так, в типологии университетской корпорации возникли статусные разряды: элитный, столичный, местный, провинциальный университет с соответственным отношением общественности, работодателей (чего стоит анонс в соцсетях руководителей служб, предприятий: услуги выпускников Калужского филиала РАНХиГС не предлагать!).

(2) жесткую, неправомерную социальную стратификацию с различием «элиты» и «массы» и последующей канализацией, ограничением доступа представителей дискредитируемого слоя к образовательному процессу (дифференцирующие – дискриминирующие тесты в Японии, Великобритании; взимание непомерной платы за образовательные услуги – США, в ряде случаев – Россия (линия Грефа).

(3) под видом глобализации удовлетворяющую интересы транснациональных корпораций (ТНК) принудительную привязку образования к обслуживанию тех или иных сегментов мирового разделения труда, запросов рынка. Судьба традиционных культуротворческих университетов здесь предрешена – выпячиваются функции обслуживания, избирательно подключающие обучающихся к ликвидным ЗУН [2].

На щит поднимается не культура, а компетенция, с позиций стратегии образования предосудительно а) искажающая стереоскопию профессии; в) подменяющая информированность о богатстве человеческого мира информированностью о бедности частичных производственных функций.

Узколобый функционализм в университетской модели специалиста никак и ничем не оправдан: университет готовит *homo socialis*, а не *homo technologicus*. Помимо функционализма, университетская модель специалиста исключает и деморализующий космополитизм. Установки на консенсуальность, толерантность, мультикультурализм сами по себе не вирулентны, но не в роли импланта ценностного аморализма. Современный

Запад духовно интегрирован отнюдь не «общечеловеческими» понятиями «справедливой жизни».

На этом фоне выверенная образовательная стратегия России – укрепление не дезориентирующего псевдогуманизма, но национального патриотизма, формирование которого – прямая обязанность университетской деятельности, демонстрирующей разборчивость, щепетильность в отношении целеполагания.

Целеполагание – все дело в нем.

Последнее, скорее всего, игнорируют авторы специализированной магистерской программы по иностранным языкам, в списке профессиональных компетенций будущих лингвистов центрирующие мировоззренческие стереотипы культурного релятивизма, абстрактного цивилизма, филантропизма, абсентеизма и т. д. [16].

Сугубая ошибка адептов (1–3) в интерпретации назначения образования – прагматический редукционизм, конъюнктурно подрывающий общесоциальную, семантическую основу образовательного опыта и переводящий его на рельсы технологического придатка глобального (читай: вестернизированного) предпринимательства.

Velis polis предметное обсуждение перспектив организации ВО осмысленно вести с позиций некоего идеала, который «имеешь в виду для своей отчизны» [10, с. 433]. Принятие такого целеполагания, суживая круг вариантов, позволяет рассмотреть лишь питающие «мерцание лучшей формы жизни» (Гегель) национально приемлемые тенденции универсализации, о чем, говоря по-каверински, мы до сих пор «до слез спорим между собой» [7, с. 411]).

Одно не противоречит другому, не исключает его: являющееся общечеловеческим оказывается национально оправданным.

Предельно точно обозначенный нами исследовательский сюжет: принципы конструирования современного образовательного пространства через призму не общепланетарного – «вселенского» (отрешенные идеологемы всемирного универсализма, святоотеческого миссионизма [15, с. 745, 308]), но отечественного порядка.

Исходы концентрируются вокруг «средневзвешенных» значений определенных «качествований» (Карсавин), освобожденных, правда, от исторических коннотаций. Здесь – невыполнимость классических (по представлениям Фихте, Шлейермахера, Песталоцци, Гумбольдта) нарративов / императивов деэтатизации, деполитизации, деутилитаризации. В современной модели (миссии) университета утверждаемое просто неосуществимо (председатель Попечительского совета МГУ – Президент РФ; некоторые престижные вузы под патронатом правительства (Финансовый университет) и Администрации президента (РАНХиГС). И суть – не в эрозии основополагающей ценности служения «истине», «чистому разуму», «знанию», суть – в служении «национальному интересу», определяемому внеуниверситетским истеблишментом.

Образование перестало соответствовать индивидуальной и обрело ярко выраженную социальную адаптацию; оно перестало удовлетворять исключительно партикулярные и метафизические потребности [20, с. 19] духовного роста. Университет как культовая сакристия «неангажированного» интеллектуального поиска во «имя прогресса» стал достоянием прошлого; стал же он центром проведения, удовлетворения запросов национальных (местных) администраций (групп управления, влияния) по выполнению конкретных заказов на социальные нужды.

С философской точки зрения изменяется «превозмогающая сила идеала» [17, с. 547] – сама трактовка университетской миссии. Она более не связывается с культивацией персонального, социального универсализма [15, с. 308]; сближаясь с массовой сферой обслуживания (чего стоят одиозные «образовательные услуги»), она стала расцениваться как клиентское действо.

Отсюда – важнейшие в нашем ключе импликации:

– упоминавшиеся ранее утилитаризм, дирижизм, администрирование как деятельностный канон бюджетных (с коммерческой долей привкуса) и «предпринимательских» университетов;

– массовизация – превращение обучения в стандартизированную фабрику выделки не штучного, но конвейерного продукта – «средневзвешенного» специалиста, если не «одномерного» в смысле Маркузе [13] «профессионала», то уж точно не «многомерного» человека.

«Несогласующаяся с идеалом реальность – несогласуемый с реальностью идеал» как осознанная коллизия в интересующем нас ракурсе актуализировали две капитальные философские проблемы.

Одна – аксиологическая: значимость регулятивной сферы, главным образом роль идеала (в диалектическом – исчерпывающем исполнении): а) идеал – «полное совершенство»; б) идеал – «бесконечное совершенствование» [14, с. 247]. При самой взыскательной оценке комбинации (а–б), невзирая на семантические тонкости, в практическом отношении она – вещь мечтательная, в действительности невыполнимая, а потому операционально бессмысленная. Осмысленная редакция «идеала»: «цель – технология – ценность», вводящая обозримые образы «потребного» и в опоре на отработанные «средства» позволяющая получать достижимые (не мечтательные!) результаты.

Другая – антропологическая: значимость гуманитарной сферы – главным образом роль личности в общественном процессе: каков есть человек сам по себе *per se* – вольный или невольный; как обострял Достоевский: «...все дело-то человеческое... действительно в том только и состоит, чтоб человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик» [4, с. 117].

Применительно к философии образования XX век и решал их, метафизически подготавливая снятие

– одной: приемом гипостазирования – придания *causa activa* трансцендентного статуса (Риккерт, Шелер) – разлучением *Wertswelt* и *Lebenswelt* [5] (заслуживающая внимания линия Флоренского – ценностного

окормления жизнепроизводства культурой [18, с. 224] – осталась непроработанной);

– другой: приемом функционализирования – придания *spiritus agens* рационально расчислимого статуса – эффективного социального действия с характерным разволшебствованием – ценностным расколдованием человеческого мира – всесторонним лишением его внерациональной основы (рационализация религии, права, управления, интеракции, культуры) (Вебер, Парсонс, Хабермас) (оригинальная линия нелогического импульсивного действия Парето [30] также практически осталась без внимания).

Прагматистско-функционалистская реконструкция интенций социальной деятельности, повлекшая ее ценностно-гуманитарную девальвацию, предобусловила разработку линии университета как сетевого экстерриториального организма: проект 4.0 учреждения ВО когнитивного социума позиционируется как гибридная (человеко-машинная) форма, питаемая цифровыми («всеядными») технологиями.

Здесь *contra voluntatem* mean обнажаются проблемы, вызванные встройкой неофитов в контуры

– «интеллект–культура»: систематическое формирование человеческого капитала;

– «гражданин–нация»: систематическое формирование державного капитала.

Как ни проектируй, пользующийся поддержкой большого общества университет выпускает либо профессионалов-граждан, либо знатоков-космополитов. Если университет «национален», он служит отечеству, если «ненационален» – мамоне.

В данном развилочном состоянии решаются вопросы учебных программ, планов, тактики, стратегии образовательной деятельности, задается генеральная схема продукта «выхода».

Тут – некий фикс-пункт, где сталкивается культуро- и техноцентристская парадигма ВО.

Первая (А) отдает предпочтение ценностям профессиональной подготовки («истина»), вторая (В) – конъюнктурного спроса («рынок»); (А) руководствуется фундаментализацией, (В) – коммерциализацией профессии. Со специфической «правдой жизни», а именно:

– (А) ориентирует на «изучение»; живой аудиторный контакт «обучаемых – обучающихся»; передачу высокого социального служения; причастность к гражданству;

– (В) ориентирует на «обогащение»; сетевой удаленный принцип внеаудиторного взаимодействия; фрагментирование, профанирование гуманитарного комплекса; привитие деячества.

Идейная конфронтация (А) – (В) при сущностном продумывании означает конфронтацию социальности – индивидуальности, патриотизма – аполитизма, преднастраивающую моделирование существа университетской деятельности, самой архитектоники образовательного процесса.

Используя эвристически емкий диалектический прием разбиения целого на противоположные составляющие с целью умственного охвата промежуточных возможностей, отметим: поиск обновления миссии университета в наши дни (идеология университета 4.0 – между «глобальными статусами и локальными ситусами») осуществляется в интервале «классическое – коммерческое (предпринимательское)» учебное заведение.

Каким же является университет – культурной (фундаментальной) или коммерческой (прикладной) корпорацией?

С нашей позиции, обозначенной ранее, удовлетворяющий запросы общества знаний современный университет, руководствуясь аутентичными целями-ценностями вершения судеб науки, должен быть культурной корпорацией, методом и стратегией деятельности которой оказывается фундаментальное «изучение – исследование». Какие-то побочные ссылки на глобализацию, экстерриторизацию, наднациональные рыночные, цифровые системы в качестве *argumentum crsis* выглядят неубедительными и странными.

С философского критико-аналитического угла зрения крайне важно осознавать такие вещи:

- глобализация в качестве метафизической подкладки не питается провальными представлениями неолиберализма, постмодернизма;

- глобализация после 24 февраля 2022 г. утратила признаки общепланетарности, вселенскости, обрела привкус региональности («глобальная регионализация – региональная глобализация» – геостратегический оксюморон настоящего);

- путь к цифровой обществу (бездушному обществу, галактике Маклюэна) не исключает получения фундаментального образования, обработки не виртуальными способами образовательной деятельности;

- миссия университета (и по этимологии) определяется универсализмом долгосрочных исканий, а не партикуляризмом краткосрочных выгод;

- утилизация университетского дела невозможна и недопустима; задача университета – искать истину и сообразно академической свободе учить обучаемых заниматься этим.

Сказанное не отменяет свобод на выбор персонального развития (студентами), равно как на выбор релевантных форм обучения (преподавателями).

Своими культуруобразующими фундаментальными функциями университеты органично внедрены в жизненное пространство, и пока они не разорваны на части, идея (миссия) университета будет жива [26].

Список литературы

1. Асмолов А. Модернизация образования заставила готовить школу к ребенку, а не ребенка к школе. // Российское образование 2004–2011: эпоха перемен. Изд-во «МедиаЛайн», 2011. С. 9–11.

2. Барбер М., Доннелли К., Ризви С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 152–231.
3. Вахштайн В.С.¹ Социальный капитал и адаптация населения к экономическим трудностям. [Электронный ресурс]. URC: <http://www.ganepa.ru/images/News/2017-04/27-04-2017-opros.pdf>. (дата обращения – 10.01.2024).
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 5. Л: Наука, Ленингр. отделение., 1973. 407 с.
5. Ильин В.В. Аксиология. 2-е издание. М.: Проспект, 2020. 190 с.
6. Ильин В.В. Российская империя. Отжившее и живое. М.: Проспект, 2023. 383 с.
7. Каверин К.Д. Наш умственный строй. Статья по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. 653 с.
8. Катков М.Н. Наша учебная реформа. М.: изд. С.Н. Фишер, 1890. 167 с.
9. Коротневич В.И. История современной России 1991–2003. СПб. Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 293 с.
10. Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. 538 с.
11. Основные цели Болонского процесса. [Электронный ресурс]. URC: [http://www.edumaSK.ru/magins – 610 – 1.html](http://www.edumaSK.ru/magins-610-1.html). (дата обращения – 10.01.2024).
12. Магун В.С., Руднев М.Г. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян. [Электронный ресурс]. URC: http://www.hsc.ru/data/2015/04/03/1096440477/Magun_Rudnev.pdf. (дата обращения – 10.01.2024).
13. Маркузе Г. Одномерный человек: исследование о идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. 526 с.
14. Сетницкий Н.А. Об идеале // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
15. Соловьев В.С. Соч. в 2 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1988. 892 с.
16. Специализированная магистерская программа: иностранные языки. Список компетенций. [Электронный ресурс]. URL:<http://magistratura.rggu.ru/article.html?id=1020900>. (дата обращения – 10.01.2024).
17. Трубецкой С.Н. Избранное. М.: Мысль, 1994. 816 с.
18. Флоренский П. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. 336 с.
19. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.
20. Шеллинг Ф.В.Й. Лекции о методе университетского образования. СПб.: Издательский дом «Мирб», 2009. 352 с.
21. Шлейермахер Ф. Из сочинения «Размышление об университете в немецком смысле» // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века: антология. М.: РОССПЭН, 2011. 527 с.
22. Buck-Morss S. Thinking Past Terror. Yslamism and Critical Theory on the left. London; New York: verso, 2006.
23. Derrida J. Who's Afraid of philosophy? Right to philosophy 1. Stanford Univ. Press, 2002.

¹ 22 апреля 2022 года Минюст России внёс Вахштайна В.С. в список СМИ — «иностранных агентов»

24. Foucault M. Power / Knowledge. New York: Pantheon Books, 1980.
25. Goethe Y.W. Samtliche werke. Bd. 33. Weimar, 1903.
26. Habermas J., Blazek Y. The Idea of the University: Learning Process // New German Critique № 41. Special Issue on the critiques of the Enlightenment. Spring – Summer. 1987. P. 8–9.
27. Marcuse H. Negations: Essays in Critical Theory. London, 1970.
28. Marcuse H. The Individual in the Great Society. // Alternatives. 1966. V. 1. № 1–2.
29. Marcuse H. Towards a Critical Theory of Society. Collected Papers. № 2. New York; Routledge, 2001.
30. Pareto V. Trattato di sociologica generalé. Mil., 1964. V. 1–2.

NATIONAL EDUCATION IN THE GLOBAL WORLD

V.V. Ilyin*, I.A. Kokoeva**

*Bauman Moscow State Technical University, Kaluga

**State University of Education, Mytishchi

Two strategies of educational activity are considered: one is the Westernization of the training of neophytes, ignoring the imperatives of national cultures and the sovereign interests reflecting them; the other is the modernization and optimization of authentic national models of educational systems, taking into account the dispositions of the «soil». The paper shows the incapacity of the priorities of the Bologna process, supported by liberal market circles, as the basis for the restructuring of the national higher education. Based on significant practical material, the conclusion is drawn: the institute of education, preparing for life, does not compete, but interacts with other general social institutions such as family, religion, business, etc.

Keywords: *education, upbringing, national interests, global peace.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Калужский филиал, г. Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

КОКОЕВА Ирина Александровна – ассистент кафедры непрерывного образования Центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки Государственного университета просвещения, г. Мытищи. E-mail: kokoevaia@mail.ru

Authors information:

ILYIN Viktor Vasilievich – PhD, Prof., Head of the Department of Social Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

KOKOEVA Irina Aleksandrovna – Assistant of the Department of Continuous Education of the Center for Advanced Training and Professional Retraining of the State University of Education, Mytishchi. E-mail: kokoevaia@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.02.2024.

УДК 167.7

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.076

ФИЛОСОФИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В.А. Мукин, Е.С. Плясунова

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары

Статья посвящена позиционированию философии в современном мире, где активно протекают процессы цифровизации общества. Обосновываются изменения концептуальных философских исследований под воздействием цифровой трансформации в условиях использования интернет-коммуникаций и цифровых ресурсов. Установлено, что, несмотря на цифровые новации, философское миропонимание является смыслонесущим элементом в системе научных знаний. Философский взгляд на применение цифровых технологий в обществе структурирует новые этические и моральные ценности, сохраняя при этом инварианты сложившихся традиций человеческого бытия.

Ключевые слова: философия, цифровизация, цифровая философия, этика, мораль.

В современном мире, на фоне быстрого развития технологий и научных открытий, философия представляется утратившей свою актуальность и значимость. На первый взгляд кажется, что современная философия несет в себе учения прошлых лет о различных подходах к определению истины и картины бытия, но не имеет четкого определения ни того, ни другого. Знаменитый физик-теоретик и популяризатор науки Стивен Хокинг заявил: «Большинство из нас не беспокоится об этих вопросах большую часть времени. Но все должны время от времени спрашивать себя: почему мы здесь? Откуда мы пришли? Традиционно эти вопросы ставит перед нами философия, но философия мертва. Философы не идут в ногу с современными достижениями в области науки. Особенно это касается физики» (цит. по: [18]). Однако такое представление о философии является поверхностным и недостаточно основательным. Целью данной статьи является актуализация философии в наше время и осмысление ее потенциала как инструмента для построения более гармоничного и справедливого общества, которое активно трансформируется под влиянием цифровых технологий.

Философия – это не только набор абстрактных теорий и учений, но и способ мышления, позволяющий глубоко понять сущность вещей и явлений, построить миропонимание. Философское миропонимание – это система взглядов и убеждений, которая рассматривает основные вопросы и проблемы бытия, познания, ценности, морали и других аспектов человеческой жизни. Через него формируется научное миропонимание, которое ос-

© Мукин В.А., Плясунова Е.С., 2024

новывается на теоретических и экспериментальных концепциях и выстраивает определенную картину мира с учетом развития общества [6, с. 117].

С самого ее зарождения и до настоящего времени философия исполняет функцию поиска ответов на сложные вопросы о природе человека, его месте в обществе и мироздании. Она помогает разобраться в этических дилеммах и определить ценности и принципы поведения человека на протяжении всей его жизни. Из этого следует, что позиционирование философии в современном мире необходимо для осмысления и понимания формирующегося цифрового общества. Философские концепции способны расширить границы знания и предложить новые подходы к решению социальных, экономических и экологических проблем. Они могут стать основой для развития новых научных теорий и практических инноваций [14, р. 420].

Для того чтобы выявить место философии в современном обществе, необходимо сформулировать определения, которые вошли бы в обиход с появлением цифровых технологий. Например, цифровая трансформация, цифровые ресурсы и цифровые инновации. Внедрение такого понятийного аппарата позволит позиционировать философию в современном мире.

Полагаем, что цифровая трансформация – исключительный по скорости и широте охвата процесс, который сложно назвать простым явлением. Это сложный комплекс постоянно развивающихся, взаимосвязанных и зачастую непредсказуемых событий, которые расширяют возможности использования и повышают ценность традиционных методов, делая их более доступными, полезными и пригодными для использования [16, р. 39]. Сегодня цифровая трансформация охватывает различные аспекты общественной жизни человека, включая экономику, образование, здравоохранение, государственное управление и многое другое. Структура цифровой трансформации общества включает несколько ключевых элементов:

1. Развитие цифровой инфраструктуры, такой как широкополосный интернет и высокоскоростные сети связи, что позволяет иметь доступ к интернету в любое время и в любом месте.

2. Цифровизация бизнес-процессов и организаций. Цифровые технологии могут помочь автоматизировать и оптимизировать бизнес-процессы, увеличить эффективность и качество услуг, а также создать новые возможности для развития производства и внедрения новых технологий.

3. Цифровые навыки и образование. Для эффективного взаимодействия с цифровыми инновациями человеку необходимо иметь определенный уровень квалификации и владения навыками, к которым относятся программирование, аналитическое мышление и другие навыки, необходимые для работы в цифровой эпохе.

4. Цифровая безопасность и защита данных. В контексте цифровой трансформации защита личных данных и кибербезопасность приобрели

особую важность. С развитием цифровых технологий возникают новые угрозы и риски, связанные с утечкой данных, кибератаками и другими проблемами. Поэтому важно обеспечить надежную защиту данных и обучить людей основам цифровой безопасности [17, р. 20].

Цифровизация проникла во все сферы жизнедеятельности человека – по данным рейтинга Всемирного банка GovTech Maturity Index 2022 средний показатель цифровизации стран составил 0,552 балла, лидерами стали Южная Корея (0,991 балла), Бразилия (0,975 балла), Саудовская Аравия (0,971 балла) [16]. Поэтому можно прийти к выводу, что цифровая трансформация имеет огромный потенциал для улучшения качества жизни людей и решения ряда социальных проблем. Современный человек обладает огромным количеством цифровых ресурсов, куда входят информация, данные, программное обеспечение и другие материалы, которые можно использовать и обрабатывать с использованием цифровых технологий [5, с. 157]. Они являются основным строительным материалом для цифровой трансформации и цифровых инноваций и помогают улучшить систему образования (сегодня в Интернете возможно освоить многие профессии), здравоохранения (широкое развитие получили телемедицина и система поддержки врачебных решений) и государственные услуги (на государственных порталах возможно получить любую государственную услугу, записаться к врачу и оплатить налоги), повысить эффективность работы организаций и улучшить качество жизни людей. Однако важно учесть и потенциальные вызовы, связанные с цифровой трансформацией, такие как неравенство доступа к технологиям, угрозы безопасности и социальные последствия автоматизации. Из-за автоматизации ряда процессов сокращается количество рабочих мест, отсутствие «цифровой гигиены» приводит к утечке персональных данных и росту уровня преступности, искусственный интеллект выполняет за человека большое количество действий, что приводит к деградации общества. Возникает комплекс проблем в сфере образования, связанных с социальным риском: меняется структура идентичности обучающихся, искажаются параметры в структуре социализации личности, слабо учитываются культурные и национальные составляющие бытия человека [9, с. 300]. Такое большое количество проблем приводит к большому количеству вопросов. Именно поэтому философия в эпоху цифровизации общества занимает особое место, поскольку она помогает нам разобраться во всех изменениях, которые происходят сегодня в обществе. Поскольку у философии не только методологическая функция, но и онтологическая, одной из главных задач философии в эпоху цифровизации является толкование новых процессов, которые происходят в самом понятии человеческого существования. Виртуальные реальности, социальные сети и другие онлайн-платформы меняют способы общения и взаимодействия людей. Философия структурирует мысль и помогает нам разобраться в том, как эти изменения отражаются в самосознании и в наших ценностных ориентациях.

Цифровые инновации – это новаторские идеи, продукты или процессы, основанные на использовании цифровых технологий. Они представляют собой новые способы использования информационных и коммуникационных технологий для решения проблем, улучшения и создания новых возможностей [8, с. 141]. Цифровые инновации включают в себя различные области, такие как искусственный интеллект, большие данные, интернет вещей, блокчейн и многое другое. Достижения информационной среды стали привычными и обыденными в нашем обществе, несмотря на свою молодость и недоработанность в некоторых моментах, таких как правовая регламентация, экологичность, экономические вопросы. Современное цифровое общество нуждается не только в передовых разработках, но и в осмыслении их применения с точки зрения философского обоснования. Без философской рефлексии общество попросту не способно самостоятельно определить гуманистическую и мировоззренческую составляющую всего сущего и рискует впасть в чрезмерный сциентизм и релятивизм. Именно поэтому в современной гуманитаристике особое внимание уделяется проблемам осознания сущности цифровизации [4, с. 71]. Философия всегда имела своей целью выявление сущности человека, его когнитивных способностей и морально-нравственных аспектов его жизнедеятельности. Современное общество нуждается в философском подходе к регулированию во всех сферах его бытия. Сегодня остаются нерешенными многие важные вопросы о месте человека в мире цифровых технологий.

Известный российский философ В.А. Лекторский в обобщающей статье о роли философии в социуме показывает, что она является средством понимания и трансформирования культуры и человека с его мышлением. Для него понимание и осмысление окружающего мира и самого себя неразрывно связаны и с конструированием нового. В частности, наука вместе с технологией, изменяя сам жизненный мир, становится все более интересной для обычного человека. Саморефлексия во все большей степени становится потребностью обычного человека [7, с. 30]. Ибо человек, живущий в современном обществе, все чаще сталкивается с необычными ситуациями, когда привычные способы мышления и действия перестают срабатывать и приходится принимать нестандартные решения, предполагающие способность к критическому, творческому и рефлексивному мышлению. Ряд специалистов в области теории и практики образования пришли к мнению, что лучший способ воспитания критической и творческой личности – введение в том или ином виде в практику обучения философской дискуссии.

Более того, сегодня в некоторых научных трудах встречается термин «цифровая философия». Она нацелена на изучение многих актуальных вопросов цифрового общества, таких как цифровая реформа основных философских направлений (цифровая онтология, эпистемология, этика, антропология, социальная философия и т. д.), проблемные аспекты применения инновационных цифровых технологий под призмой философских взглядов (технологий искусственного интеллекта, блокчейна, интернета

вещей, нейросетей, технологий дополненной и виртуальной реальности и т. д.) и некоторые другие. В таком контексте можно отметить мысли, предложенные профессором социологии Лондонской школы экономики Джуди Вайсманом. В одной из книг она заявляет о необходимости философского осмысления мира техники и технологий в XXI в. [2]. Кроме того, обзор современной философской литературы в границах проблемы цифровых технологий показывает, что идеи «цифровой философии» в начале XXI в. появляются на страницах зарубежных журналов. Среди релевантных публикаций следует отметить исследование Edward Fredkin еще 2003 г. В нем автор определяет «Digital Philosophy» как новое направление в рамках философии техники [15; p. 190]. Основные направления и концепции, развиваемые сегодня направления цифровой философии включают следующее:

1. Цифровая этика: в рамках этого направления исследуется этика использования цифровых технологий, включая вопросы приватности, безопасности данных, манипуляции информацией и этические проблемы, связанные с развитием искусственного интеллекта.

2. Философия технологий: здесь рассматриваются вопросы, связанные с природой технологий, их влиянием на человека и общество, а также этическими и философскими проблемами внедрения новых цифровых технологий в различные сферы деятельности человека.

3. Философия социальных сетей и Интернета: в этом направлении изучаются социально-философские и этические аспекты использования социальных сетей, влияние Интернета на коммуникацию и общество, проблемы цифровой идентичности и личности в онлайн-среде.

4. Философия искусственного интеллекта: это направление фокусируется на этических и философских вопросах, связанных с искусственным интеллектом, его автономией, ответственностью и возможными последствиями для общества и человека.

5. Философия цифровой культуры: здесь осуществляется анализ влияния цифровой культуры на формирование современного общества, коммуникацию, знание и самоопределение человека в условиях цифровой среды.

Концепция цифровой философии заключается в поиске уникального подхода к исследованию и пониманию цифровой трансформации в контексте культуры и социально-философских традиций. Она стремится объединить междисциплинарные подходы и методы философии, социальных и технических наук для осмысления цифрового общества и его этических, социальных и экономических последствий. Одна из основных задач цифровой философии – способствовать формированию этического курса развития цифровой трансформации и обеспечение устойчивого и гуманного развития общества в цифровом мире.

Многие ученые сегодня пытаются объяснить устройство мира сквозь призму цифровых технологий, уподобляя общество огромному компьютеру. Можно привести в качестве примера работы известного шведского философа Н. Бострома, возглавляющего «Институт будущего

человечества» и исследующего широкий спектр проблем технологии – от виртуалистических «гипотез жизни в матрице» до этики искусственного интеллекта [1]. В рамках цифровой философии также активно исследуются трансформации человеческой социализации, деятельности и ценностей.

Главным элементом цифровой философии значатся исследования, целью которых выступает проработка роли и значения цифровых технологий в обществе, научная критика идей цифровой философии и критика применения цифровых инноваций на практике. Зачастую критические замечания противоположны: от признания элементов цифровизации панацеей от всех болезней общества до крайнего киберскептицизма, при котором утверждаются исключительно негативные аспекты применения цифровых технологий.

В.М. Розин утверждает, что с развитием искусственного интеллекта и Интернета сам человек стал быстро меняться. С развитием естественного интеллекта все большее влияние приобретают, с одной стороны, программирование, с другой – мышление, творчество и филиация идей в интернет-среде. Если под Общим искусственным интеллектом понимать утопическую концепцию, то этот проект принципиально не может быть осуществлен, но если реалистическую, то он уже реализован и в качестве «перманентного проекта» развивается. При этом нетрудно предсказать: проект реалистического искусственного интеллекта будет еще не раз уточняться и даже, возможно, пересматриваться, однако всё же в процессе его осуществления [10, с. 113].

С. Тихонова и С. Фролова, сторонники цифровой антропологии, акцентируют внимание на своеобразное отношение современного человека к среде цифровых новаций: с одной стороны, негативное восприятие из-за ее искусственности и недоработанности, а с другой – глобальное поглощение всех сфер человеческого существования, которое невозможно предотвратить [12; с. 288]. Следует отметить, что эта область знания изучает особенности существования человека в мире, созданном цифровыми, компьютерными технологиями, сетевыми средами, а также последствия влияния виртуальных и технических новаций на человека, исследует его медиазависимость. Люди в цифровом обществе массово включены в процесс отбора технологических сервисов и решений, применение которых задает потом параметры развития сервисов электронного государства [11, с. 289].

А.В. Гурьянова и А.В. Тимофеев делают акцент на то, что в современных условиях общество выходит на качественно новый «цифровой» виток своей исторической эволюции, который все чаще характеризуется как «эпоха цифровизации». Автором выделяется новый тип человека – «цифровой человек» или «homo digital», в арсенале которого содержится набор современных ценностных ориентиров [3, с. 122].

Сегодня у ученых, исследующих «цифру» и всё, что с ней связано, больше вопросов, чем ответов. Тут на помощь приходит философия, которая играет важную роль в разрешении спорных вопросов о месте человека в современном мире, о сохранении его подлинно «человеческой» сущно-

сти. Именно в этом и видится задача философии, т. к. указанные дилеммы приобрели беспрецедентное значение: это уже не просто объекты философской рефлексии, но основополагающие условия выживания человечества в современном мире, в обществе и культуре цифровой эпохи.

Таким образом, можно прийти к выводу, что философия является не просто интегральной формой научных знаний, но и интегральной формой цифровых научных знаний и информационного прогресса в целом. Данная связь подтверждается следующими аспектами:

1. Несмотря на скептицизм по отношению к философии некоторых ученых, она идет в ногу со временем. Современная философия исследует основополагающие принципы и структуры цифрового мира и цифровых объектов. Она помогает понять, как цифровая информация предоставляется, передается и обрабатывается, и каким образом она связана с реальным миром.

2. Философия анализирует методы, предположения и ограничения цифровых наук, таких как компьютерные науки, информатика и искусственный интеллект. Она исследует вопросы о природе цифрового знания, его достоверности и надежности.

3. Философия помогает выявить и решить этические вопросы, связанные с цифровыми науками. Эти вопросы могут включать проблемы конфиденциальности и безопасности данных, автономии алгоритмов и искусственного интеллекта, а также социальные и моральные последствия использования цифровых технологий.

4. Философия – единственная область знания, которая способна всесторонне исследовать последствия развития цифровых технологий. Она помогает анализировать вопросы социальной справедливости, антропологии и социальной динамики в контексте цифрового общества.

5. Философия исследует эстетические аспекты цифрового искусства, такие как вопросы о природе красоты в цифровом мире, об эстетических алгоритмах и виртуальной реальности.

Философия дополняет современные научные знания, содействуя в понимании и изучении цифровой среды и цифровой трансформации общества. Философский подход помогает осознать широкие философские и этические вопросы, связанные с цифровыми науками, и способствует их осмыслению и развитию.

Список литературы

1. Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 490 с.
2. Вайсман Дж. Времени в обрест. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2020. 445 с.
3. Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Homo Digital – субъект цифровой революции // Современные философские исследования. 2023. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/homo-digital-subekt-tsifrovoy-revolutsii> (дата обращения: 06.05.2024).

4. Гурьянова А.В., Тимофеев А.В. О предназначении философии и гуманитарного знания в эпоху цифровизации // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2020. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prednaznachenii-filosofii-i-gumanitarnogo-znaniya-v-epohu-tsifrovizatsii> (дата обращения: 06.11.2023).
5. Ельцова О.В., Емельянова М.В. К вопросу о понятии цифровой грамотности // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 1 (106). С. 155–161.
6. Лезгина М.Л., Иванов В.Г. Истоки и пути формирования научного миропонимания // Terra Linguistica. 2014. № 4 (208). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-i-puti-formirovaniya-nauchnogo-miroponimaniya> (дата обращения: 10.01.2024).
7. Лекторский В.А. Философия, общество знания и перспективы человека // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 30–34.
8. Магомаева Л.Р. Цифровые инновации в современной экономике: сферы внедрения и эффекты // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-innovatsii-v-sovremennoy-ekonomike-sfery-vnedreniya-i-effekty> (дата обращения: 10.01.2024).
9. Мукин В. А., Мытникова Е.А. Предназначение преподавателя в условиях цифровизации университетского образования // Новые компетенции цифровой реальности: теория и практика их развития у обучающихся: сб. докладов и научн. ст. IV Всеросс. научно-практ. конф. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2023. С. 296–308.
10. Розин В.М. Две концепции искусственного интеллекта: реалистическая и утопическая // Философская мысль. 2023. № 2. С. 102–114.
11. Сорочайкин А.Н., Сорочайкин И.А. Формирование цифровой философии и цифрового человека в цифровой реальности // Основы ЭУП. 2021. № 4 (29). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-tsifrovoy-filosofii-i-tsifrovogo-cheloveka-v-tsifrovoy-realnosti> (дата обращения: 08.11.2023).
12. Тихонова С.В., Фролова С.М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, № 3. С. 287–290.
13. Этри Э., Карбланк Э., Гиртен Д., Лешер М., Пилат Д., Вайкофф Э., Кейхин Б. Векторы цифровой трансформации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vektory-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 09.01.2024).
14. Bynum T.W. Philosophy in the information age // Metaphilosophy. 2010. Т. 41, № 3. Р. 420–442.
15. Fredkin E. An introduction to digital philosophy // International journal of theoretical physics. 2003. Т. 42, Р. 189–247.
16. GovTech Maturity Index (GTMI) Data Dashboard / The world bank IBRD IDA. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/data/interactive/2022/10/21/govtech-maturity-index-gtmi-data-dashboard> (дата обращения: 09.01.2024).

17. Norqvist L. Analysis of the digital transformation of society and its impact on young people's lives // Connecting the dots: Young People, Social Inclusion and Digitalisation, Tallinn, Estonia, June 26–28, 2018. Tallinn, 2018. P. 1–30.
18. Stephen Hawking: There is no heaven; it's a fairy story // Guardian News & Media Limited. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/science/2011/may/15/stephen-hawking-interview-there-is-no-heaven> (дата обращения: 09.01.2024).

PHILOSOPHY IN THE CONDITIONS OF THE DIGITALIZATION OF SOCIETY

V.A. Mukin, E.S. Plyasunova

Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary

The article is devoted to the positioning of philosophy in the modern world, where the processes of digitalization of society are actively taking place. The article substantiates the changes in conceptual philosophical research under the influence of digital transformation in the conditions of using Internet communications and digital resources. It is established that, despite digital innovations, philosophical worldview is a meaningful element in the system of scientific knowledge. Philosophy positions itself both in science and in all spheres of human activity. The philosophical view of the application of digital technologies in society structures new ethical and moral values, while preserving the invariants of the established traditions of human existence.

Keywords: *philosophy, digitalization, digital philosophy, ethics, morality.*

Об авторах:

МУКИН Владимир Антонович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары. E-mail: mukin-va@yandex.ru

ПЛЯСУНОВА Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры публичного права ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары. E-mail: plyasunova2000@mail.ru

Authors information:

MUKIN Vladimir Antonovich – PhD (Physical and Mathematical Sciences), associate professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary. E-mail: mukin-va@yandex.ru

PLYASUNOVA Ekaterina Sergeevna – PhD student of the Department of Public Law of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary. E-mail: plyasunova2000@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.02.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 12.03.2024

УДК 130.2+172.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.085

«СЕТЕВЫЕ ЭФФЕКТЫ» ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГЕНЕЗИС И ДИНАМИКУ «СЕТЕВОГО» ТЕРРОРИЗМА

В.А. Пономарёв

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», г. Томск

В статье рассматриваются проблемы, связанные с «сетевыми эффектами» глобализации. Показано их влияние на генезис и динамику развития « сетевого » терроризма. Отмечается, что сетевые исследования по времени совпали с исследованием процессов глобализации. В постиндустриальном обществе сеть имеет статус системы, лежащей в основе коммуникационных процессов, представляя собой результат эффективной структуризации социальных воздействий в общественном пространстве. Сетевой принцип характеризует построение современного социокультурного пространства. В настоящее время для терроризма характерна такая особенность, как форма сети, облегчающая руководителям террористических структур управление и взаимодействие между её членами. В террористической сети руководители группировок обезличены. В современных условиях не обязательна личная связь между членами этих групп, так как она может осуществляться через сети. Сетевые структуры терроризма явились следствием глобализации. Такая сеть, имеющая общепланетарный характер, имеет в своей основе террористическую идеологию. Она как система не регулируется и не контролируется государством, имеет жёсткую в организационном плане структуру. Сетевая структура представляет собой в настоящее время новый феномен – «сетевой» терроризм, который можно отнести к деструктивной составляющей общего понятия «сетевая культура». Статья констатирует, что масштабная децентрализация террористических объединений во многом усложняет борьбу с ними.

Ключевые слова: *терроризм, «сетевое общество», глобализация, «сетевые эффекты», сеть, коммуникация, сетевые модели терроризма, научно-технический прогресс, «сетевая культура», «сетевой терроризм».*

Введение

В исследованиях постиндустриального социума прочно утвердился конструкт «сетевое общество», вошедший в обиход науки начиная с работ М. Кастельса [2; 18], который в работе «Становление сетевого общества» определил, что «сети образуют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение сетевой логики существенно изменяет действие и результаты процессов производства, опыта, власти и культуры»

[19, р. 500], а также дал анализ производства, культуры, сферы досуга, финансовой сферы, используя потенциал сетевой парадигмы и введя понятие «сетевого эффекта».

Рассмотрев концепции сети в аспекте сетевых эффектов глобализации, М. Кастельс предложил понятие «сетевое пространство». Пространство потоков представляет собой главенствующую пространственную форму «сетевого общества».

Предтечей М. Кастельса был Б. Уэллман, который в своё время дал понятие «сообщества», используя в нем термин «сети»: сообщества – сети межличностных связей. С их помощью обеспечивается социальное взаимодействие и поддержка, а также идёт обмен информацией [21, р. 246].

Сетевые исследования по времени совпали с исследованием процессов глобализации – это является результатом и следствием того, что сама глобализация является важнейшим сетевым эффектом.

Роль нового качества мира отводит глобализации А.В. Назарчук. Хотя потенциал сетевых средств и технологий способен не всё объяснить глобализационными трансформациями, эти коммуникационные технологии «сжимают пространство», они способны представить глубинные взаимосвязи, происходящие в мире, что и характерно для глобализированного мира [8, с. 71].

Сеть как форма межличностных коммуникаций

Под сетью подразумевается форма социальной организации постиндустриального общества, где сети формируются в процессах интенсификации сообщений, а скорость и плотность процессов коммуникаций формируют сетевые структуры. Являясь феноменом коммуникационных технологий (а сетевые взаимодействия, опирающиеся на контакты, существовали всегда), сетевые коммуникации определены моделями, формируемыми в сфере технологий системной интеграции процесса, связанного как с обработкой, так и с передачей информации.

По мнению В.И. Тищенко, всякая сеть может рассматриваться как различие, состоящее из более простых различий [16, с. 56–57]. То есть простые различия, входящие в состав сложных различений, являются основополагающими составными частями любой сети. Они же её и формируют.

Г.А. Смирнов утверждает, что сеть личностных коммуникаций состоит из множества бинарных различий типа коммуникатор – реципиент. В момент восприятия в принципе невозможно выделить отличительный признак, не локализовав его, не указав его носителя [13, с. 35, 34–35].

В постиндустриальном обществе сеть имеет статус системы, лежащей в основе коммуникационных процессов, это организующее начало сферы коммуникаций. Синергетическое взаимодействие коммуникационных процессов сеть и формирует.

Сеть представляет собой результат эффективной структуризации социальных воздействий в общественном пространстве; в пространстве «социального поля» проявляется весь спектр влияний и реакций акторов на ситуационные трансформации среды.

Как тип коммуникации сетевая коммуникация многоканальна и полимагистральна, ей присуща высокая плотность передаваемой информации; сети свойственна ячеистая, повторяемая структура, клонируемость ячеек обеспечивает матричную природу сети, и это позволяет «видеть» процессы той трансформации, которой подвержено множество объектов. Из этого следует, что сеть является формой социальной организации, свойственной постиндустриальному обществу, она возникла и эволюционирует в качестве технологического феномена новых коммуникационных технологий. Через сетевые структуры (виртуальные и реальные) распространяются экстремистские религиозные взгляды, которые кардинально воздействуют на чувственно-эмоциональные восприятия приверженцев разных религиозных направлений, тем самым развивая в их восприятии экстраординарное, исключительное религиозное мировосприятие.

«Сетевую литературу» (сетературу) сегодня рассматривают как литературу новых технологических возможностей, расположенную в особом художественно-культурном пространстве, где формируются её новые специфичные жанры, которым авторы отдают свои предпочтения. К одному из них – религиозному – можно отнести и экстремистскую литературу религиозного содержания. В ней содержатся деструктивные идеи и восхваление новых «героев» – джихадистов, террористов-смертников. Распространение такой религиозной литературы и других информационных материалов экстремистского религиозного содержания является незаконным.

Понятие «сетевой культуры» в контексте глобальной культуры

И.В. Лысак и Л.Ф. Косенчук отмечают: «В настоящее время в научный оборот вошло понятие “сетевая культура” (network culture), которая не имеет общепринятой дефиниции. Это понятие используется в научной литературе в двух значениях. Оно характеризует коммуникативную среду Интернета и обозначает культуру, которая базируется на сетевой логике» [4, с. 49].

Информационно-коммуникативная среда Интернета состоит из нескольких важных компонентов: телекоммуникационных систем, различных сетей, информационно-коммуникационных технологий, информационных ресурсов и вопросов прав, возникающих при их эксплуатации (формальных и неформальных).

Сетевая логика, в свою очередь, представляется в виде маршрутов для распространения данных между узлами сети, которые образованы с помощью определённой и конкретной настройки коммутационного оборудования.

«Сетевая культура», по мнению Т. Террановы, представляется в виде современной глобальной культуры, которая сформирована коммуникационными сетями и строится на основе сетевых принципов [20, р. 1].

Современная глобальная культура представляет собой соединение духовных и материальных ценностей. Она распространилась во всех областях деятельности мирового сообщества.

М.В. Ромм и Л.Ф. Лучихина, уточняя вышеназванное понятие («сетевая культура»), приводят свой аргумент: «Представляется, что понятие “сетевая культура” не отождествляет интернет-культуру или киберкультуру, т. е. формы культуры, возникшие в глобальной сети Интернет. В целом его можно применить к современному обществу, в котором повседневная культура всё более представляется в виде сетевых структур» [11, с. 86].

Следовательно, «сетевую культуру» можно представить как объёмное понятие. Коммуникативная среда Интернета включает в себя как положительные (электронный доступ к самым различным источникам информации, электронная почта, создание сообществ по интересам, распространение разного рода рекламы, электронная торговля, неограниченное время передачи информации и др.), так и отрицательные (интернет-зависимость, вербальная агрессивность, «замыкание в себе» и др.) коммуникации. К отрицательным (деструктивным) можно в полной мере отнести «сетевой» терроризм со своими особенностями (вербовка молодых людей в террористические организации, пропаганда своей идеологии, широкая гласность своей деструктивной деятельности и др.).

Сетевая структура как один из принципов организации общества

Сам процесс появления новых свойств социальных коммуникаций сегодня обнаруживает свою способность трансформировать все институты и практики современного общества, в том числе и практику терроризма. То есть, сегодня стало объективной реальностью появление такой новой формы террористической практики, как «сетевой» терроризм.

Консолидация государств в вопросе обеспечения мировой безопасности существенно сузила возможности террористических структур: рекрутирование новобранцев, поставки оружия и финансирование, проведение терактов, что сразу же отразилось на их структуре и принципах функционирования. И лишь принципиально новые подходы в данных вопросах могли обеспечить терроризму победу в противостоянии со спецслужбами.

И.В. Лысак и Л.Ф. Косенчук считают, что сетевой принцип характеризует построение современного социокультурного пространства. Сетевые структуры, доминирующие в обществе, распространяются посредством развития информационно-коммуникационных технологий, но не могут быть сведены к ним. Расположение элементов определяется спецификой сетевых структур [5, с. 68].

Сама структура является совокупностью прочных связей среди элементов какой-либо системы, в применении к исследуемой теме – системы социокультурной, сами же вышеназванные структуры, как правило, полярны структурам иерархическим.

Л.А. Коробейникова и А.Ю. Гиль заключают: «Сетевой структуре присущи горизонтальная организация, отсутствие единого центра, равноправие участников, относительная открытость входа–выхода, адаптивность к изменениям внутренней и внешней среды, способность к самоорганизации и саморегуляции» [3, с. 107].

Сетевые структуры терроризма в эпоху глобализации

Истории террористических движений известны многочисленные примеры возникновения новых организационных структур, работающих параллельно с классическими иерархическими структурами. В условиях сетевого общества терроризм был поставлен перед необходимостью изменения скорости, интенсивности и качества передаваемой информации.

В качестве верного предлагается утверждение, что в условиях сетевого общества информационный обмен стал решающим фактором в обеспечении результативности террористических действий, а сетевые организации терроризма приобрели сегодня международный, транснациональный характер.

Говоря о морфологии сетевых структур, исследователи обычно пишут как об отдельных индивидуумах, так и об иерархическом строении террористических групп. В настоящее время терроризму характерна такая особенность, как форма сети, что значительно облегчает руководителям террористических структур управление и взаимодействие между её членами. В связи с этим Д.Г. Михайличенко и К.Ю. Сафронов отмечают: «Создавая и поддерживая собственные интернет-сайты (многие поддерживаются на нескольких языках), пропагандисты террора практикуют работу на форумах, в социальных сетях (активно используется сеть “Facebook”¹), порталах общего доступа» [7, с. 49–50].

Терроризм – одно из опасных социальных явлений современности. Его особенностью является откровенно демонстративная природа насильственного действия, которая рассчитана на предупреждающее воздействие террора на общество путём устрашения. Такие цель и установка, лежащие в их основе, присущи всем направлениям терроризма.

В качестве аргументации данного тезиса В.А. Чуланов и В.Н. Гурба приводят следующее: «Новые социокультурные общности, формируясь на основе неформальных сетей, выходят за границы национальных и этнических образований. Они представляют собой многообразие диаспорных, радикально-фундаменталистских или нарко-криминальных коалиций. Их

¹ Деятельность Meta (включая деятельность Facebook и Instagram) признана экстремистской и запрещена на территории России.

формирование происходит на основе неформальных сетей. Взаимодействие социокультурных групп через сети на все социальные структуры и процессы, включая новые формы терроризма, обозначаются общим термином – “терроризм сетевых структур”. Элементный состав сетевой структуры терроризма включает в себя организации и группы террористов разного типа, преследующих разные цели и не обязательно имеющих общую идеологию» [17, с. 177].

Одной из характерных особенностей терроризма в эпоху глобализации является его сетевой характер, считает Е.Н. Малышева. Автор отмечает, что образ врага, размываемый в общественном сознании, приписывание его любому лицу допускают оправдывание превентивных мер против каждого [6, с. 7].

Большое число отдельных группировок террористов, действующих не зависимо от крупных формирований, и отдельные их члены являются составными элементами сетевых структур – гибких, но прочных.

Деятельность этих организаций, носящая мультимедийный (сетевой) характер, в значительной степени усложняет их численный и статистический анализ.

Эти разветвлённые сети распространяются практически на все материки нашей планеты, особую опасность они представляют на евразийском (Ближний Восток) и африканском (Северная Африка).

Такие элементы, как гибкость и организованность, свойственные современному терроризму, облегчают свободное проникновение и имплантирование в другие области или отрасли деятельности. Те же манипуляции проводятся в отношении различных стран и политических структур в целом.

В.А. Чуланов и В.Н. Гурба по этой важной проблеме выражают своё мнение: «Его вовлечение прослеживается и в разные виды деструктивной деятельности, такие как криминальная активность, наркобизнес и др. Элементы политкорректности и мультикультурализма, являющиеся неизменными атрибутами социально-политических и социокультурных принципов Запада, в большей степени усиливают такие структуры, что существенно затрудняет применение стратегий антитеррора. Кроме этнокультурного противостояния в регионах Северной Африки и Ближнего Востока мировое сообщество наглядно убедилось в том, что проблема сращивания терроризма (глобального, религиозного и этнического) и общеуголовной преступности, имея в основе сетевые взаимодействия, практически не имеет позитивного решения» [17, с. 177, 178].

Сеть привлекательна всем: в её рядах находятся не только маргиналы, но и образованные молодые люди (христиане, мусульмане и др.), в том числе те, кто родился и живёт в странах Европы и США. Контактируют единомышленники до или после традиционных для каждого из верующих посещений храмов, мечетей и др., т. е. тех мест, которые не вызывают никаких подозрений у правоохранительных органов. В итоге в странах, где

пребывают террористы, они создают впечатление, что полностью интегрированы в общество, которое их приняло, и становится практически невозможным их распознавание в качестве личностей экстремистского и террористического подполья.

В террористической сети руководители группировок не имеют «лица», они – инкогнито. В информационно-технологическом аспекте в этих условиях возможно исключение непосредственной связи между членами этих групп.

Э. Соловьёв утверждает: «Исламским экстремистским и террористическим группировкам свойственен сетевой тип организации, при котором выделение главного организующего звена невозможно. Существование “центра” в сети ограничено. Он присутствует в смыслах идейном, идейно-политическом, редко финансовом. В отношениях между собой организация применяет горизонтальный принцип. Сетью могут управлять только сами управляемые или кто-то другой с их согласия. Каждый узел сети действует самостоятельно и в большей степени без чьего-либо контроля осуществляет корректировку своих действий и установок» [14, с. 75–76].

Если иерархическая соподчинённость в каких-то случаях может отсутствовать, это не означает, что целостность сети нарушена. Её свойство продолжает оставаться неизменным. Это придаёт ей функции устойчивости и гибкости, что существенно усложняет противодействие по отношению к ней.

Практически иерархическая соподчинённость в сети не обязательна. Причина в том, что, как было отмечено ранее, члену террористической организации, работающему в сети, не известно, кто его руководитель. Он – лицо безвестное, безымянное, некий «Х» (икс), хоть и официальное.

Используя режим инкогнито, некое лицо может эффективно управлять данной ему высшим по рангу террористическим руководством сетью подчинённых ему индивидуальных террористов или небольших террористических организаций.

Сетевые структуры терроризма являются, по мнению исследователей Д.Г. Горина [1], М. Кастельса [2], М. Сейджмана [12], средством глобализации, одновременно это и воплощение глобализации; террористическая сеть имеет общепланетарный характер, базисом для рекрутирования в этой сети является террористическая идеология. Террористическая сеть как система не регулируется и не контролируется государством, имеет жёсткую в организационном плане структуру [9, с. 68].

Особую опасность в своём проявлении и распространении как сетевая структура представляет в последнее время новый феномен, который называют и определяют как «сетевой» терроризм.

Характеризуя сетевые модели терроризма, авторы научного труда «Супертерроризм: новый вызов нового века (2002 г.)» в числе подобных моделей выделили такие:

- «цепочка», или линейная сеть, – криминальная цепь участников, в которой информационный обмен осуществляется опосредованно (используются промежуточные звенья);

- осевая структура («звезда») – организация, структура которой замыкает звенья структуры на центральном звене (индивид или группа);

- «полная матрица» – такой тип организации, который имеет преобладающее культивирование в военизированных и террористических структурах. В таком типе составляющие его элементы связаны между собой. Объединяющий стержень – единая идеология, религиозная или этническая составляющая.

Обозначенные модели – это идеальные схемы, в то время как реальная организация содержит черты отдельных из них, порой же содержатся и некоторые элементы классических иерархий. Так, боевые группы получают оружие по каналам «цепочки»; в качестве контрагента выступает подчас третье государство, и это – пример классической иерархии [15, с. 41–42, 43].

К примеру, если 100–150 лет назад главное действующее лицо сопротивления («полевой командир» или др.) было ликвидировано или прекращало сопротивление, то на этом активные боевые действия прекращались совсем или существенно ослаблялись. В современных же условиях (в конце XX – начале XXI в.) после физического уничтожения некоторых «полевых командиров» боевые действия продолжались.

В основание сетевой организации терроризма положен ряд принципов:

- взаимоотношения в организации подобного рода неформальны, и каждый участник выполняет определяемую ему задачу конкретного момента, при этом структурно организация должна обнаруживать постоянную готовность к адаптации. Горизонтальные связи более важны, чем вертикальные;

- принцип неформальных связей членов организации (имеющих статус в социальной иерархии) с частными лицами, что позволяет, к примеру, осуществлять процедуру рекрутирования;

- один принцип сетевой организации терроризма следует отметить особо: в основу внутренних и внешних связей сетевой организации должны быть положены единые (и разделяемые в организации) ценности и нормы поведения.

На примере террористических организаций Ближнего Востока различие организационных форм терроризма (сетевых и иерархизированных) видится наглядно.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. ближневосточные террористические организации были связаны с Организацией освобождения Палестины. Их структура содержала независимые функционирующие ячейки, в основании управления использовалась стандартная бюрократическая иерархия. Они были ориентированы на децентрализованную сетевую структуру, имеющую идеологическую и религиозную составляющую [15, с. 42].

В условиях обострения израильско-палестинского конфликта эти организации сетевого терроризма проявляли большую активность.

В крупнейшую террористическую организацию превратилась «Аль-Каида»², после того как её лидером Усамой бен Ладеном в 1996 г. был объявлен США джихад. Это классическая форма террористической организации сетевого образца. В сети «Аль-Каиды» – автономные группы исламистских радикалов.

К числу особенностей сетевых организаций терроризма мы относим то, что одновременно в пределах сетевой структуры существует сложность в процедуре принятия решений. К примеру, Северный Альянс Афганистана (Объединённый исламский фронт спасения Афганистана) осуществлял консолидированные действия в борьбе с талибами, однако включал в свой состав враждующие группы в ситуации, когда объединяющий враг отсутствовал.

Процесс глобализации, затронувший многие вопросы социальной жизни общества (мировое разделение труда, миграция, влияние на сближение и слияние культур разных народов и стран), существенно повлиял и на развитие инфраструктуры террористических организаций, в частности, на развитие коммуникативных сетей в Интернете, то есть на то, что принято сейчас называть общим термином – «сетевой» терроризм.

В основе глобализации лежит научно-технический прогресс, который включает в себя развитые технологии, положенные в транспортные и информационные коммуникации. Их активно используют различные террористические организации в своих деструктивных целях.

Выводы

В глобализации проявил себя процесс формирования единого человечества, в котором особый интерес вызвали многие проблемы, в том числе вопросы глобальной солидарности и взаимозависимости.

Терроризм – одно из побочных следствий глобализации. Он, создавая новые угрозы, подвергает общество ежедневному риску [10, с. 29].

Он становится новым явлением в мировой истории, существенно отличающимся от того, что существовало в раннее время, и представляет для всего человечества реальную угрозу действием, отличаясь своей непредсказуемостью и тяжестью последствий. Сложная этническая и профессиональная обстановка усугубляет этот процесс.

Особое место среди этих проблем занимает международный терроризм. Важной причиной его активизации стала глобализация, которая породила резкую дифференциацию государств и стимулировала его развитие, представляя собой специфическую форму адекватного ответа на применение силы со стороны властных структур.

² Организация признана террористической, деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

Одной из особенностей терроризма в глобализованном мире является его сетевой характер. Сетевые исследования по времени совпали с исследованием процессов глобализации. И это является результатом и следствием того, что сама глобализация является важнейшим сетевым эффектом.

Сетевой принцип характеризует построение современного социокультурного пространства. Сама структура является совокупностью прочных связей среди элементов какой-либо системы, в применении к исследуемой теме – системы социокультурной, сами же вышеперечисленные структуры, как правило, полярны структурам иерархическим.

Раскрывая природу «сетевого» терроризма, авторы научного труда видят сходство сетевой организации с «сотовой структурой» (сегментированной многоцентричной идеологически интегрированной сетью), включающей в себя группы, имеющие разных лидеров или разную направленность действий, но эти группы объединены и взаимодействуют в решении единых задач [15, с. 43–44].

Возможность её существования обусловлена самой моделью информационного общества, постоянно совершенствующего свою систему и адаптированного к часто модифицирующимся условиям политической жизни. Только тогда можно иметь утвердительное суждение о терроризме – современном и организованном.

«Сетевой» терроризм максимально применяет на практике любые новшества в научных достижениях и научно-техническом прогрессе. В условиях информационно-ориентированного «сетевого» терроризма проявляют свой потенциал информационные технологии, что создаёт широкие возможности в процессах координации актов разрозненных террористических групп, а также формирует условия для совместного масштабного использования информации, решающей единые задачи глобального уровня, позволяя точно координировать действия в условиях высокой степени анонимности. Низкая стоимость средств связи создаёт предпосылки масштабной децентрализации террористических объединений, во многом усложняя борьбу с ними.

Являясь деструктивной составляющей общего понятия «сетевая культура», «сетевой» терроризм на фоне глобализации будет занимать в общем порядке место постоянно действующей террористической угрозы до тех пор, пока современный мир будет находиться в глобальной ипостаси.

Список литературы

1. Горин Д.Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации. М: Едиториал УРСС, 2003. 280 с.
2. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494–505.

3. Коробейникова Л.А., Гиль А.Ю. Сетевые структуры в условиях глобализации // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 105–109.
4. Лысак И.В., Косенчук Л.Ф. Современное общество как общество сетевых культур // Информационное общество. 2015. № 2–3. С. 45–51.
5. Лысак И.В., Косенчук Л.Ф. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры. М.: Издательство «Спутник +», 2016. 147 с.
6. Малышева Е.Н. Феномен современного терроризма: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2011. 23 с.
7. Михайличенко Д.Г., Сафронов К.Ю. Противодействие религиозному экстремизму в социальных сетях. Уфа: Изд-во БГПУ, 2016. 125 с.
8. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.
9. Пономарёв В.А. Терроризм как форма и способ насильственного разрешения конфликта: к интерпретации родовых характеристик // LOGOS ET PRAXIS. 2017. Т. 16, № 2. С. 65–74.
10. Пономарёв В.А., Кухта М.С. Исследование некоторых аспектов современного терроризма: конспективный обзор научной литературы // GAUDEAMUS IGITUR. Научный журнал Томского института бизнеса. 2018. № 3. С. 28–32.
11. Ромм М.В., Лучихина Л.Ф. Зарубежные традиции исследования социальных сетей // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1, № 2 (8). С. 77–90.
12. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма / пер. с англ. И. Данилина. М: Идея-Пресс, 2008. 216 с.
13. Смирнов Г.А. Понятие и язык сетевой логики // Информационные технологии и вычислительные системы. 2018. № 4. С. 33–44.
14. Соловьев Э. Сетевые организации транснационального терроризма // Международные процессы. 2004. Т. 2 (5), № 2 (5). С. 71–83.
15. Супертерроризм: новый вызов нового века / под ред. Федорова А.В. М.: Права человека, 2002. 392 с.
16. Тищенко В.И. Сетевая парадигма: истоки и становление // Системный анализ и информационные технологии (САИТ-2017): сборник трудов Седьмой Международной конференции (Светлогорск, 13–18 июня 2017). М.: ФИЦ ИУ РАН, 2017. С. 56–60.
17. Чуланов В.А., Гурба В.Н. Социологический анализ сущности и социальных форм терроризма // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: социально-экономические науки. 2010. № 2. С. 172–180.
18. Castells M. Informationalism, Networks, and the Network Society: A Theoretical Blueprint // The network society: a cross-cultural perspective. Ed. Castells M. Northampton, MA: Edward Elgar, 2004. P. 3–45.
19. Castells M. The rise of the network society. With a New Preface. Vol. I. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Publisher: WileyBlackwell, 2010. 656 p.
20. Terranova T. Network Culture: Politics for the Information Age. London: Pluto Press, 2004. 191 p.

21. Wellman B. Physical place and cyberplace: the rise of networked individualism // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25, № 2. P. 227–252.

«NETWORK EFFECTS» OF GLOBALIZATION: THEIR INFLUENCE ON THE GENESIS AND DYNAMICS «NETWORK» TERRORISM

V.A. Ponomarev

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk

The article examines the problems associated with the «network effects» of globalization. Their influence on the genesis and dynamics of development of «network» terrorism is shown. It is noted that network research coincided in time with the study of globalization processes. In a postindustrial society, the network has the status of a system underlying communication processes, representing the result of an effective structuring of social influences in a public space. The network principle characterizes the construction of a modern sociocultural space. At present, terrorism is characterized by such a feature as a form of a network that makes it easier for the leaders of terrorist structures to form control and interaction between its members. In the terrorist network, the leaders of the groups are impersonal. In modern conditions, personal communication between members of these groups is not necessary, since it can be carried out through networks. The network structures of terrorism have become a vehicle for globalization. Such a network, which is of a planetary nature, is based on a terrorist ideology. As a system, it is not regulated or controlled by the state; it has a rigid organizational structure. The network structure is currently a new phenomenon – «network» terrorism, which can be attributed to the destructive component of the general concept of «network culture». The article states that the large-scale decentralization of terrorist associations in many ways complicates the fight against them.

Keywords: *terrorism, «network society», globalization, «network effects», network, communication, network models of terrorism, scientific and technological progress, «network culture», «network terrorism».*

Об авторе:

ПОНОМАРЁВ Владимир Алексеевич – доцент Отделения материаловедения Инженерной школы новых производственных технологий ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», г. Томск. E-mail: PWA13@mail.ru

Author information:

PONOMAREV Vladimir Alekseevich – Associate Prof., National Research Tomsk Polytechnic University. Engineering School of New Manufacturing Technologies. Department of Materials Science. E-mail: PWA13@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.02.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 12.03.2024

УДК 130.2:304.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.097

HISTORIA MORBI И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

В.Ю. Лебедев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Новый этап развития естественных наук и связанной с ними медицины, приходящийся на начало XIX в., и общесоциальные тенденции к обособлению детства, а тем самым всего периода биологического роста, меняют и культурные практики, и культурный семиозис. Формируется культурное поле нового медицинского праксиса, ориентированного на детский и юношеский возраст, развитие соответствующего сегмента когнитивного пространства и семиотического поля. Обособление детской медицины происходит параллельно с освоением новой темы в искусстве, особенно в литературе. Эффект обращения планов позволяет не только рассматривать семиотические отображения этого рода как иллюстрации, созданные благодаря языкам культуры, но и использовать такой художественный дискурс для создания интерпретационных рамок, нужных для рецепции текстов. Оба варианта семиотических отношений используются в дискурсе культурной антропологии.

Ключевые слова: *возраст, детство, болезнь, нарратив, семиотизация, культура.*

Некоторого уточнения требует выбранное заглавие. Мы рассматриваем не только «детство и юность» – использование этого устойчивого штампа скорее дань академической краткости заглавий, но все периоды роста, от новорожденности до юности (рост организма заканчивается в возрасте 20–21 года, с возможностью локальных ростовых изменений до 25 лет), которые имеют и чисто культурные и социальные корреляты. *Historia morbi* имеет отношение ко всем ним.

Поскольку искусство моделирует реальность, оно необходимо реагирует на ее изменения, как правило, отображая все принципиальное, куда относятся все функциональные особенности, связанные с возрастом. Рефлексия болезни как постоянного фона жизни человека очень сильно опережала рефлексирование над особенностями возраста, поэтому научная антропология возраста – сравнительно новое достижение, еще моложе – серьезное осознание сложного преломления возраста, изначально биологической характеристики, в культуре.

XIX в. – формирование концептуального и прагматического поля «детских болезней». Для этого есть две причины. Во-первых, развитие медицины в XIX в., формирование нозологического подхода, когда, например, «лихорадка» уже категорически не воспринимается как полноценный

© Лебедев В.Ю., 2024

диагноз, и обособление медицины детской. Во-вторых, принципиальное обособление детства в культуре вообще, о чем писал историк и культурный антрополог Ф. Арьес: ребенок – не уменьшенный вариант взрослого, детство – не просто слегка адаптированный период жизни [1]. В какой-то мере эти причины пересекаются, происходит закрепление в культурном сознании и практике нового статуса детства.

XIX в. становится особым периодом в истории медицины даже в пределах разных подходов [3; 10; 11]. Помимо прочего, развивается педиатрия как полноценная, самостоятельная область медицины. В России начало этому положил Нил Федорович Филатов. К классикам относится, например, А.А. Колтыпин, исследовавший, помимо прочего, инфекционные болезни детей. Ю.Ф. Домбровская важнейшей первоначальной задачей учебных занятий со студентами считала уничтожение стереотипа, согласно которому ребенок и его болезни – уменьшенная копия взрослого и взрослой же патологии, без существенных отличий клиники болезней. Г.Е. Сухарева стоит у основ детской психиатрии, ее знаменитые клинические лекции и сейчас не вполне утратили актуальность. Д.С. Футер пишет специальный учебник по детской неврологии. В этот ряд следует добавить развивающееся акушерство, организацию акушерской помощи разным слоям населения и решение проблемы ранней детской смертности, которая была квалифицирована не как чисто медицинская, но как медико-социальная, то есть укорененная в обществе и культуре.

Дети-пациенты в контексте новой медицины и новой культуры становятся новым дискурсивным элементом, они встречаются вовсе не только в творчестве, например, М. Булгакова или В. Вересаева, располагавших, в силу базовой профессии, большим фактическим материалом, удобным для введения в литературный текст. Их тексты могут выигрывать лишь в известности, да и то не всегда.

Дети принципиально болеют иначе, чем взрослые, и этот факт становится далеко не только медицинским. Детская смерть из факта обихода (закрепленного, например, некрополистически, в виде особого дизайна детских захоронений [2]) становится фактом клиническим и «клиницизируется» везде, включая и искусство. Полусуеверное умолчание начинает вытесняться. Детская смерть на полных правах входит в эстетический дискурс романтиков, достижения которых закрепляются в позднейшем искусстве.

Можно выделить основные группы болезней, формирующих дискурс нового искусства.

Прежде всего – инфекции. Их значимость до фармакологической революции, в частности, появления антибиотиков, огромна, в искусстве, преимущественно в литературе, появляется целая группа инфекций детских, хотя ряд их вполне способен поражать взрослых. Даже на бытовом уровне люди отчетливо начинают бояться вполне определенных диагнозов вроде скарлатины (ср.: «Смерть пионерки»), кори, но в наибольшей мере источником страхов является дифтерия – в том числе из-за частого тяже-

лого течения с расстройством дыхания. Именно попытка удаления пленок отсасыванием оказывается фатальной для чеховского доктора Дымова. Не видится случайным и сделанное тем же Чеховым в экспозиции рассказа «Враги» уточнение, что дети доктора умирают именно от этой болезни, вызывавшей ужас.

Но особое место среди инфекций занимает, конечно, туберкулез. Он предполагает не только частотность заболевания при относительной длительности болезни, формирующей не просто «медицинский случай», а целую «жизнь в болезни», то есть именно историю. От этой болезни не умирали внезапно. Им заражались легко, чему способствовали низкий уровень социальной гигиены, консерватизм ряда врачей, упорно считавших «чахотку» болезнью обмена веществ, и дефицит надежных методов лечения (достаточно вспомнить конфуз туберкулина Р. Коха). Длительность болезни позволяла создать целый нарратив о борьбе жизни и болезни с зачастую идущей за нею смертью (ср.: [7]). Параллельно формировался и нарратив о героическом, часто сильно аффектированном сопротивлении, в котором болезнь все равно с неумолимым спокойствием ставит точку. Особенности течения болезни формировали и ряд своеобразных явлений, например, повышенный фон настроения из-за туберкулезной интоксикации, а также специфическую внешность, которая перестает встречаться к середине XX в., когда медицинская литература уже предупреждает врачей о недопустимости переоценки «туберкулезной внешности». Однако картина специфического исхудания, переходящего порой в истощение, для XIX в. считалась частью симптоматики (а очень частый яркий туберкулезный румянец создавал романтический контраст с общим соматическим упадком). В контексте декадентской культуры рубежа веков возникла даже экзотическая мода на чахоточную внешность, так что некоторые молодые особы даже пытались приобрести туберкулез, используя для этого дичайшие способы, укорененные в медицинском невежестве, вроде питья укуса, что угрожало лишь пищеварительной системе (ср.: [5]). Образ тяжелого, умирающего туберкулезного больного проникает и в изобразительное искусство – от мировых известностей вроде Э. Мунка до менее известных, но популярных особенно на рубеже веков авторов (Р. Купер). Интересно, что попытки создать аллегории таких болезней, как чума, тиф, холера и т. п., обычно оборачивались образами отвратительными, но туберкулез ассоциировался с аристократичными изящными сценами умирания-увядания, подчас его жертвы изображались одетыми в нарядную одежду и помещались среди изящной обстановки (веранда, кресло, позволяющее находиться в расслабленной полулежачей позе), а сама болезнь могла присутствовать в виде призрака-дымки, тоже тонкого и изящного, даже если этот призрак и демонстрировал черты смерти-скелета. На картине Купера эта фигура, впрочем, держит в руках большие песочные часы, давая понять, что борьба жизни и болезни окончена, жизненная история, она же *historia morbi*, завершается. Создавались настоящие утонченные пляски

смерти. Влияние *mycobacteria tuberculosis* на эстетику романтического типа до сих пор не оценено по достоинству, она заслуживает памятника.

Неясная до определенного времени эпидемиология туберкулеза, позволявшая ему пронзать практически всю стратификационную пирамиду, делала эту нозологическую единицу удобным приемом в литературе, так что писатели легко обрекали на смерть от туберкулеза массу персонажей, причем порой хватало синекдохи: кровохарканье говорило о диагнозе. Также и долгая история болезни сворачивалась до ее факта. Мы можем встретить не только финальные, но и начальные стадии (Кити у Л. Толстого). Зачастую это болезнь становилась стандартной частью портрета персонажа, рассчитанного на сочувствие сентиментальных реципиентов, как это делает, например, Диккенс. Семиотический чахоточный мор соответствовал жизненной ситуации, в которой туберкулез претендовал на первое место среди причин смерти, включая и сектор детской и юношеской смертности.

Туберкулез также способствовал формированию микросоциума больных в силу поисков путей лечения, большинство из которых эффективностью не обладало. Целый период в медицине составляют представления о целебных свойствах климата и особенно воздуха (то лесного, то приморского, то горного). Туберкулез пытались лечить разными видами воздуха, в соответствии с чем лечебницы устраивались в разных географически-климатических зонах (как раз в такой лечебнице умерла Мура Чуковская). Эта особенность социального аспекта болезни была использована Т. Манном при моделировании им жизни высокогорного курорта, в пространстве которого разворачивается не только сюжет, но и целый неомодернистский дискурс вопросов о мироздании, которые осознаются и рефлектируются теми, кто из-за болезни оторван от обычной жизни. И здесь мы видим тот же возрастной сектор больных, причем с разным отношением к болезни. Есть и страх, когда визит священника для последнего причащения ставит безусловную точку в земной жизни, есть и разные формы адаптации и даже травестики – «общество однолегочных», состоящее, что характерно, из молодых больных (одна из его членов шокирует Ганса Касторпа, испуская свист из невидимого источника – пневмоторакса).

Проникновение в искусство венерических болезней отчасти сдерживалось соображениями благопристойности, поскольку, будучи по природе вызванными инфекционным возбудителем и контагиозными, они выступали еще и как патология социальная, демонстрирующая уровень нравов (хотя первый подробный трактат Дж. Фракасторо, написанный в период резкого подъема заболеваемости, был облечен в стихотворную форму). Однако очерченный нами возрастной сектор присутствует и здесь. В «Яме» А. Куприна обитательница дома терпимости «просвещает» молодого человека относительно опасности сифилиса, упоминая и его влияние на потомство. При этом расписываемые ею детали не совпадают с известными симптомами врожденного варианта этой болезни, довольно четкими и

стандартными. Это вполне могло быть связано и с неграмотностью. Впрочем, можно отметить, что некорректные взгляды на ряд вопросов, связанных с разными аспектами указанной болезни, сохраняются еще в первые десятилетия века XX и ведут, помимо прочего, к гипердиагностике, какие установки демонстрируют и очень известные классики медицины, так что утрированные рассказы героини Куприна соотносятся со вполне реальными лакунами в научном знании.

Конституциональная школа, основная программа которой была создана Ч. Ломброзо и О. Морелем, была охотно реципирована литературой. Пластичные конституциональные типы весьма подходят для моделирования семиотическими средствами искусства. Конституция выявляется рано, а к окончанию роста организма она вполне завершена и выражена, так что привлечение персонажей – носителей конституциональных черт и принадлежащих к категории юных более чем естественно.

Болезненные черты «классической» дегенерации, как соматические, так и психические, встречаются у Э. По, причем это обычно даже не болезни в привычном нам виде, а некие странные «кунштюки» на грани патологии и просто необычности, объясняемые прежде всего мистически, в духе более ранней культуры [6]. Интересно и отображение у По полумистических-полуврачебных месмерических практик.

Более сообразованное с наукой обращение к конституциям, особенно патологическим (дегенеративным), весьма ярко явлено у Э. Золя с его «евгеническим романом», отслеживающим не только социальные судьбы героев, но и роковую роль дегенерации в судьбах семейных общностей. Яркие типажи деградантов представлены, например, в «Докторе Паскале», причем это типажи более морелевские, утонченные, чем ломброзианские, brutальные. Золя описывает и такое явление, как самовозгорание деграданта-алкоголика: вопрос о возможности подобного как раз дискутировался во второй половине XIX века, причем ряд авторитетов склонялись к допущению реальности такой гибели «проспиртованных» индивидов.

Возникает даже целый метадискурс – конституциональная критика, яркий представитель которой – М. Нордау, изничтожавший «деградантское» искусство – был на рубеже веков очень популярен.

«Клиническая революция» Ф. Пинеля, начавшаяся с избавления больных от чудовищных стеснений и вполне скотского отношения, дала толчок формированию научной психиатрии и интересу к этой области патологии со стороны людей, к медицине не принадлежавших. Вместе с тем конституциональная теория и особенно такая ее часть, как учение о дегенерации, органично вписалась в психиатрию позапрошлого века. Отражение подобных болезненных случаев в литературе вполне закономерно. Особое внимание уделяется истерии, которую обычно связывали с наличием специфических конституциональных черт, вполне выявляющихся уже в юности. Знаменитые лекции Ж.М. Шарко, сделавшего первые наброски истерии

как единого заболевания и во многом определившего пути ее медицинского и психологического осмысления, были во многом похожи на театральные представления, куда стремились попасть не только врачи и студенты-медики. При такой подаче нового вида патологии не стоит удивляться широкой представленности феноменов истерического типа в искусстве. Во второй половине XIX в. нозологические границы невротозов только осмысляются, границы истерии сильно расширяются, подготавливая позднейшее разделение на невроз и психопатию [8, с. 530–536, 544–550]. Истероидные типы хорошо узнаваемы даже в тех случаях, когда само слово «истерия» и не употребляется; характерно, что они часто несут конституциональные черты, даже в XX в. считавшиеся ассоциированными с расстройствами истероидного круга, например, знаменитый *status gracilis*. Истерия узнаваема отнюдь не только по эпизодам знаменитых припадков, описанных французской школой и получивших известность далеко за пределами медицинских кругов; выдает себя незрелое, инфантильное, эгоцентрически-демонстративное поведение, особенно в неблагоприятных ситуациях, которые психолог и психиатр Э. Кречмер, представитель неоломброзианства, очень точно определил как ситуацию ключа и замка, определенные ситуационные обстоятельства оказываются провоцирующими для определенных же патологий или просто личностных особенностей (Кречмер отрицал качественные различия между болезнями разных регистров и, в свою очередь, болезнью и вариантами здоровья).

В качестве именно такого типажа выступает, например, девушка из «Иветты» Мопассана (этот писатель щедр на изображение патологических женских характеров). Писатель иронизирует над идеализированным мировосприятием героини и ее примитивно-инфантильным поведением. Мать-содержанка вынуждена объяснять дочери, что иной образ жизни поверг бы их в нищету, лишил бы тех благ, к которым инфантильная и гиперэмоциональная девушка привыкла как к обязательной данности. Это объяснение в итоге оказывается убедительным, и «благородные порывы» прекращаются. Ирония распространяется и на такой элемент психической патологии, как попытка суицида: Мопассан изображает ее несерьезной и во многом демонстративной. Иронический же подход использует и А. Мунте в «Легенде о Сан-Микеле». Автор, сам врач, воспитанный Шарко, описывает курьезы своей практики, когда он сделался популярным доктором именно среди истеричек, что не только создавало неприятные ситуации, но и приводило к немалым конфузам (самовольный аукцион, устроенный прислугой, продававшей фотографии пациенток, подаренные любимому врачу, с «торговым» описанием всего многообразия их болезненного поведения и отношений с «господином доктором»). Типично истерические черты должны быть заметны еще в доюношеский период, но в юношестве расцветают, давая классические картины; в книге А. Мунте юношеская часть пациенток занимает свое законное место.

К явлениям истерического генеза часто относили и летаргию – феномен, споры о котором существуют и сейчас; полемизируют не только об этиологии и патогенезе, но и о самостоятельности расстройства и даже о его существовании вообще. Для XIX в. характерно не только признание летаргии вполне реальным и нередким расстройством и, соответственно, его боязнь, но и стремление связать его с истерией, истолковав как еще одну оригинальную форму «великой притворщицы». Не случайно сочетание болезненно-утонченных черт молодой героини «Падения дома Ашеров» Э. По и ее впадение в состояние, очень похожее на летаргию [9].

Для любого развитого медицинского знания характерен интерес к редким болезням и редким, нетипичным, экзотичным случаям. Находим это и в интересующей нас сфере, например, в не пользующемся широкой известностью рассказе Г. Иванова «Дальняя дорога». У девушки почти накануне свадьбы студент-медик во время бала случайно диагностирует лепру, которая оказывается наследственной, семейной. Здесь болезнь не только вполне вписывается в рамки литературного жанра неоромантического типа, наследующего во многом готической новелле, но и семиотизирует характерные для романтического дискурса концепты судьбы, ее загадочности и жестокости. Действительно, лепра почти как никакая иная болезнь была окутана суеверными брезгливыми страхами, даже в медицинской среде она еще считалась недостаточно изученной. В рассказе медицинский факт дополняется чисто литературными приемами – явлением умерших от лепры родственников девушке накануне рокового бала. В финале жених с ужасом читает журналистский отчет об этом случае, причем его явно ужасает не только столь неожиданное крушение планов, но и страх, порожденный имевшими место поцелуями с невестой: повторим, вопрос о степени контагиозности и путях заражения был выяснен еще не вполне, а недостаточная ясность, как часто бывает, заполнялась страхами и сопряженными с ним преувеличениями. Относительно этой болезни упорно сохранялись некоторые стандартизированные предрассудки, имевшие возраст чуть ли не в сотни лет. Действительно, боязливый интерес к лепре сопровождался преувеличенными, как понятно сейчас, страхами; так, факт сравнительно невысокой контагиозности затемнялся представлениями о сильной заразности и широком непрямом инфицировании, распространенными не только в обывательской среде. Дискутировался и вопрос о редких путях заражения и роли семейной отягощенности – следы этих дискуссий можно найти у классика отечественной дерматологии П.С. Григорьева [4, с. 441–443], знаменитые учебные руководства которого во многом отражают состояние медицины 1920–30-х гг. Возможные коэволюционные изменения возбудителя лепры, влияющие и на контагиозность, выясненные сегодня, заставляли носителей старых культурных стереотипов не просто бояться этой болезни, но приписывать ей особую опасность и коварство, чуть ли не одушевлять ее.

Слово «хирургия» указывает на совокупность методов, но прямой референции к диагнозу не содержит. В течение всего XIX века, да и в первой четверти XX на хирургические методы лечения возлагались большие надежды из-за ограниченности методов терапевтических. Однако результативность хирургических вмешательств тоже заметно отставала от возлагавшихся на них надежд (не говоря о варварском характере многих таких вмешательств – вроде торакопластики при туберкулезе). Случаи относительно несложных хирургических вмешательств при заболеваниях детей хорошо известны по текстам Булгакова и Вересаева. Случаи более сложные могли себе позволить только наделенные хирургическим талантом, вроде С. Юдина [12]. Об откровенно сложной хирургии могла идти речь только в серьезных клиниках, ни в какой сельской больнице это не могло даже обсуждаться.

Новый, более современный характер хирургии нашел отражение и в искусстве, очень ярко – в прозе практического хирурга Н. Амосова. Весьма реалистичная и даже мрачноватая для неподготовленного читателя книга «Мысли и сердце» изображает работу кардиохирургического отделения. За хирургию грудной полости серьезно взялись сравнительно поздно, причем пациентами соответствующего отделения являются в немалой мере как раз представители интересующего нас возрастного периода. Это объясняется и тем, что многие пороки сердца (а оперируют в основном их) проявляются рано, но редко позволяют дожить до взрослого возраста. Амосов достаточно жестко описывает смерти во время операций, регулярные фатальные осложнения, крики родственников у морга, тягостные повторные операции и даже драматичную ошибку – внедрение лепестковых искусственных клапанов, оказавшихся ненадежными, что влекло в лучшем случае повторные вмешательства. Присутствует и сцена, неизбежная для реальной, а не идеализированной медицины, – отказ в операции из-за заведомой безнадежности состояния, которую понимает и сам юноша, бросающий привезшему его отцу провокативную реплику о том, что остается лишь возвращаться умирать. В качестве кинематографического семиотического коррелята выступает созданный по книге Амосова фильм Ильи Авербаха «Степень риска» (1969). Он во многом похож на документальный, чему способствует и черно-белая гамма, и специфика операторской и режиссерской работы.

Для прозы Амосова характерна не только детализация, на которую способен только профессиональный врач (а не плохо знакомый с медицинской литературой, подвижимый, однако, стремлением ее изобразить и зачастую «одухотворить»), но и сложное соединение мрачно-тяжелого реализма в оценке возможностей медицины с ясными и мотивированными надеждами на достижения в будущем, что вполне характерно для медицины середины XX в. и позднейшей. Не случайным выглядит совпадение года завершения книги – 1964 – и года выхода последнего тома второго издания Большой медицинской энциклопедии, в известном смысле оставившей в прошлом

первое издание 1928–1936 гг. и одновременно целый период. Одни истории болезни отправляются в архив, другие открываются.

Список литературы

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 416 с.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М. Прогресс, 1992. 528 с.
3. Вайндлинг П. Тиф, паразиты и поиски вакцины в годы Второй мировой войны // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2008. С. 8–40.
4. Григорьев П.С. Учебник венерических и кожных болезней. М.–Л.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1938. 740 с.
5. Дей К.А. Чахоточный шик. История красоты, моды и недуга. М.: НЛО, 2022. 272 с.
6. Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2003. 752 с.
7. Зонтаг С. Болезнь как метафора. М.: Ad marginem, 2016. 176 с.
8. Кроль М.Б., Маргулис М.С., Проппер Н.И. Учебник нервных болезней. М.; Л.: Биомедгиз, 1937. Т. 2. 594 с.
9. Лебедев В.Ю. Влияние антропологического дискурса на систему художественных жанров // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2020. № 2 (65). С. 134–139.
10. Лебедев В.Ю., Федоров А.В., Безруков А.Л. Медицина и болезнь в современной социальной мифологии. Тверь: Альфа-Пресс, 2020. 336 с.
11. Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2008. С. 260–293.
12. Юдин С.С. Воспоминания. М.: Издательский Дом ТОПУЦ, 2012. 688 с.

HISTORIA MORBI AND THE CULTURAL ANTHROPOLOGY OF CHILDHOOD AND YOUTH

V.Y. Lebedev

Tver State University, Tver

The early XX century marked the boost in natural science research and medicine, supported by the social trends for singling out childhood as a period of life. Those in turn could not but trigger changes in cultural practices and cultural semiosis. A whole new field for medical praxis emerged focusing on childhood and youth bringing along the shaping of a corresponding segment in cognition and semiotics. The singling out of pediatric medicine was accompanied by a fast development of the childhood theme in art, literature in particular. The inversion effect allows to see such semiotic reflections as illustrations created through languages of culture. At the same time, this artistic

discourse generates interpretation frames for text reception. Both variants of semiotic relations are used in cultural anthropology discourse.

Keywords: *age, childhood, illness, narrative, semiotization, culture.*

Об авторе:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии, Институт педагогического образования, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru

Author information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD (Philosophy), docent, Professor, Professor Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2024.

УДК 111.62 : 159.922.1 : 316.423.6

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.107

ЖЕНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВЕТСКОМ СОЦИУМЕ: ГЕНЕЗИС И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Е.В. Синицына-Солодка

ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», г. Москва

В статье в рамках гендерного подхода рассмотрены компоненты социальной, экономической, политической программы постреволюционного российского государства, оказавшие влияние на трансформацию женской идентичности в советский период. Проанализирована специфика и динамика данных трансформационных процессов. Сделаны выводы о фактической нецелесообразности и нереализуемости идеи абсолютного равенства полов в нашем обществе, однако названы и конструктивные итоги попыток ее воплощения.

Ключевые слова: *социальная идентификация, идентичность, половая идентичность, женская идентичность, советская женщина, освобождение женщины, эмансипация, женская субъектность, равенство полов.*

В рамках социальных исследований ученые обращаются к прошлому, чтобы выявить те механизмы, какими оно влияет на наше настоящее. Рассматривая историю как события, происходящие с мужчинами и женщинами, и их реакции на эти события, т. е. используя гендерный подход, мы можем проанализировать, каким образом складываются собирательные понятия о мужчинах и женщинах как категориях социальной идентификации и философского анализа [12, р. 1053–1075]. В данной статье нас будут интересовать изменения в общественном сознании представлений о женщине, ее предназначении и идентификации в эпоху Советского Союза, «истоки и особенности современных российских дискуссий о “женском” и “мужском”, общественных и семейных ролях мужчины и женщины» [1].

Социальная идентификация – это процесс самоотождествления индивида с каким-либо человеком, группой, образцом [7, с. 167], результатом ее является актуализация набора профессиональных, полоролевых и идеологических самоназваний – идентичности [1]. Время СССР уникально тем, что новая государственная идеология способствовала формированию не столько мужской или женской, сколько коллективной советской идентичности, которая у представителей старших поколений, интериоризировавших соответствующую систему ценностей, сохраняется вплоть до сегодняшнего дня (и зачастую эта «идентификация по принципу бывшего прошлого оказывается куда важнее и целостнее настоящей» [1]). Ведущим компонентом такой идентичности являлась гражданская составляющая: когда индивид в первую очередь отождествляет себя и свои интересы со

страной, государством, классом, профессиональной группой, затем – с семьей, друзьями, близкими, и только потом он обращает взгляд на собственное «я». Соответственно, гражданский и классовый уровни идентичности претендовали на преобладание над локальной, малогрупповой идентичностью, а коллективная идентичность – над индивидуальной.

Половая идентичность как один из аспектов личностной идентичности – в норме сущностное, т. е. заданное «по умолчанию», анатомо-физиологически детерминированное ощущение индивида – в идеологии Советского Союза лишь определяла некоторую специфику его гражданской жизни и деятельности, по ряду параметров отличную от индивидов другого пола. Однако, как пишет Ю.В. Градскова, именно это «обращение к несовпадающим характеристикам советской мужской и советской женской идентичности существенно изменяет взгляд на перспективы трансформации “советского человека” в постперестроечном обществе» [1].

На наш взгляд, основным моментом, характеризующим изменение женского бытия в постреволюционной России XX в., стало оперативно реализованное на практике идеологическое перемещение женщины из преимущественно частной сферы семьи в публичную сферу трудовой и социальной активности. Для решения задач модернизации и ускорения индустриального роста государству требовалось включить в производство не только мужское, но и значительную долю женского населения. Решение данной задачи коррелировало с большевистским марксистским лозунгом о равенстве полов – предоставлении женщинам равных прав¹ с мужчинами, возможности получения образования, профессиональной квалификации и последующего участия в жизни страны как активных субъектов политики, экономики, социальной сферы. Достижение подобного равноправия, согласно первоначальной концепции, предполагало освобождение женщины от «домашнего рабства» [9], включающего бытовую и эмоциональную заботу о своем ближайшем круге – семье, и приобщение к реализации более широких производственных и общественных интересов.

Центральной проблемой идеи абсолютного равенства оказалась репродуктивная особенность исключительно женского организма – способность вынашивать и рожать детей. Однако с раннего возраста детей планировалось передавать под государственную опеку с обеспечением их питанием, воспитанием и образованием. Подобная социальная политика препятствовала развитию привязанности между матерью и ребенком, предполагая отчуждение социальных и психологических функций материнства, и этим существенно ограничивала содержание материнской идентичности

¹ Сегодняшнее определение гражданских (личных) прав включает такую формулировку, как «права человека как биосоциального существа вне зависимости от пола и социального положения» [3], делая тем самым отсылку к прошлому, поскольку единый социально-правовой статус мужчин и женщин как порядок вещей существовал в нашем обществе не всегда.

женщины. Социальная функция отцовства в рассматриваемой модели равенства изначально оказывалась минимальной. Согласно ранней советской идеологии 1920-х гг., как мужской, так и женской идентичности следовало формироваться преимущественно в рамках трудового процесса и активной работы по преобразованию общества.

Социалистические революционные преобразования имели следующий план: ликвидировать замкнутую буржуазную семью и заменить ее свободным союзом равных в политических и социальных правах мужчины и женщины – «отношениями солидарности трудящихся индивидов разного пола» [1], упразднить домашнее хозяйство и ограничить материнство этапами вынашивания и родов, на последующих этапах заместив его государственной системой коллективного воспитания и содержания детей.

В.И. Ленин говорил о необходимости «полного освобождения женщины», «переделке ... заскорузлых, окостенелых порядков» [5, с. 67, 103], проявления женской пассионарности в строительстве нового социалистического мира. По-видимому, лидеры большевизма ожидали того, что, во-первых, женская активность окажется логически закономерной в результате получения образования и политического просвещения, а во-вторых – что прочтение политических деклараций приведет женщин трудящегося класса к отождествлению своих интересов с пропагандируемыми задачами. Однако к середине 1920-х гг. женщины в СССР составляли 75 % неграмотного населения [10, р. 169], а участие представительниц трудящихся классов в пролетарском движении было минимальным. Как отмечает Ю.В. Градскова, освободительная направленность пролетарского движения в отношении женщин, расширение их возможностей, прав и свобод не означали априорного знака равенства с осознанием ими собственной субъектности [1].

Ставшая после революции главой Народного комиссариата социального обеспечения Александра Коллонтай (практически единственная на тот момент женщина, пользовавшаяся авторитетом в среде высшего политического руководства) имела сомнения в легкости и однозначности программы решения «женского вопроса». В политике партии большевиков она видела как возможности, так и препятствия к женскому освобождению, связанные не только с представлениями о природе «женского», которые веками формировались в коллективном сознании, но и с особенностями непосредственно женской самоидентификации. По мнению Коллонтай, в новых социальных условиях женщинам предстояло преодолеть не только более высокий по сравнению с мужским уровень неграмотности, но – главное – осознать собственную субъектность: пройти сложный процесс трансформации самоидентичности, связанный с увеличением как возможностей проявления и реализации себя, так и личной ответственности. Такого рода задача требовала не только изменений в мире «снаружи», но и внутренних интенций! Так, одним из типичных свойств женщины прошлого, являвшимся одновременно ее украшением и недостатком, по

наблюдению Коллонтай, была эмоциональность. Это свойство не могло автоматически исчезнуть в результате получения женщинами статуса работниц. При выходе из частного, домашнего, бытового в публичное, трудовое и деловое, ранее по преимуществу мужское пространство, женщина, желая реально и конструктивно участвовать в реализации политического управления, оказывалась перед необходимостью «совершать над собой гораздо большую воспитательную работу, чем мужчина» [8, с. 15].

Данное обстоятельство, показывая психологические сложности, культурно обуславливало противоречивость внедрения равноправия на обозначенных началах, поскольку «основное направление изменений “женского” сводилось прежде всего к отказу от качеств, считавшихся традиционно “женскими” и замене их “мужскими”, без упоминания необходимости сколько-нибудь серьезных изменений стереотипов маскулинности» [1]. В рамках нового социального порядка мужчины представлялись существами более совершенными, в то время как женщины – до поры не способными к принятию самостоятельных решений, а потому нуждающимися в руководстве. Чтобы обрести субъектность, сделаться акторами общественного пространства, им следовало радикально изменить свою сущность, стать похожими на мужчин.

В период с 1920-х до начала 1930-х гг. повышение самосознания женщин осуществлялось путем привлечения к работе в женотделах² – организациях, призванных, в частности, обучить активисток навыкам действий в публичной сфере, дать опыт осуществления властных и контролирующих полномочий. Новая, непривычная деятельность не могла не сказаться на представлении женщин о самих себе и окружающей социальной реальности. Однако мужчины – их мужья – зачастую не были довольны подобным смещением направления женского внимания.

Таким образом, условие сохранения традиционной ячейки общества в контексте новых вводных в большинстве случаев выполнялось путем появления у женщины стабильной «двойной нагрузки» – совмещения нового опыта и традиционных повседневных задач в быту.

Отметим, что работа женотделов велась относительно локально и была сосредоточена на привычных для женщины проблемах распределения продуктов питания и одежды, воспитания и заботы о близких. При всей важности и ответственности этих задач их уровень не был сопоставим с решением финансовых, производственных, идеологических вопросов в масштабах страны, остававшихся преимущественно в ведении мужчин. Кроме того, с мужской стороны коммунистки нередко встречали неприятие: ведь классическая женская модель поведения – скромность, уступчивость, предоставление права решающего голоса мужчине – не всегда была характерна для участниц партийной среды.

² Их деятельность до 1930-х гг. освещалась в журналах «Делегатка» и «Коммунистка». Ее исследованию посвящены работы зарубежных авторов Г. Лapidус, Р. Стайтса.

В 1930 г. деятельность женотделов ВКП(б) упраздняется, к 1934 г. прекращается также деятельность всех делегатских собраний³. «Женщину пора уже начать выдвигать не как женщину, а как работника, полноправного, выросшего, развившегося» [1], – утверждает Л.М. Каганович. В связи с началом ускоренной индустриализации и необходимостью массового вовлечения населения, в том числе женского, в промышленное производство государственная политика вновь обращается к тезису марксизма о том, что трудовая деятельность для женщины – главное условие достижения ее равенства с мужчиной. Однако потребность сравниться с мужчинами в труде, принятая за аксиому, для различных категорий советских женщин на деле не была однозначной. Параллельно с ищущими своего призвания в сферах медицины, науки, образования и других отраслях многие работницы по найму, даже при наличии успешной профессии, видели в труде и занятости главным образом вынужденную меру по улучшению финансового положения и определяли ценность работы не реализацией себя в любимом деле и не включенностью в коллектив, а уровнем дохода.

В социальном и идеологическом отношении советские женщины представляли отнюдь не гомогенную страту. Городское женское население 1920–30-х гг. включало представительниц бывшего господствующего класса, новой партийной элиты, работниц, жен рабочих, советскую интеллигенцию и т. д. Работницы составляли всего лишь порядка 10 %. Процессы индустриализации и коллективизации стимулировали миграцию в города бывших крестьян, постепенно увеличивая этот показатель. К концу 1930-х гг. он превысил 40 %, а в середине 1970-х женщины составляли порядка 50 % всех рабочих и служащих страны [11, р. 96].

Фасадная презентация «советской работницы», которая активно велась советскими медиа (кинематограф, фоторепортажи и т. д.), представляла контраст женщины старого быта, в домашних делах, среди корыт и кастрюль, и женщины «освобожденной» – на фабрике-кухне, в механической прачечной и т. д. Существовали даже сюжеты, иллюстрирующие оставшееся на попечении мужа хозяйство, в то время как «партийка» (супруга, состоящая в партии) ушла на собрание [2]. Статус домохозяйки, единственной функцией которой была забота о доме, муже и детях, постепенно переставал рассматриваться как безусловно привлекательный. Идеальная представительница будущего репрезентируется как женщина-партнер в строительстве социализма. Свидетельствами успешности становятся маркеры «член комсомола», «отличная общественница», а также различные показатели трудовой эффективности и сверхпроизводительности.

Наиболее существенные изменения за время сталинских пятилеток претерпевает идентичность женщин-крестьянок, переехавших из деревни в город и повысивших свой профессиональный статус, войдя в рабочую среду. В то же время психологические тестирования женщин по-прежнему по-

³ Новые женсоветы появятся только в годы перестройки при М.С. Горбачёве.

казывают их повышенную (по сравнению с мужчинами) эмоциональную неустойчивость, характерную в целом пассивность и более низкий уровень развития. Вследствие чего не рекомендовано привлекать их к наиболее сложным и ответственным (а соответственно, высокооплачиваемым) участкам работы. В промышленных отраслях женщинам куда реже удавалось достичь высших разрядов и категорий. Тенденция к низкой квалификации женщин-работниц сохранялась и в последующие десятилетия. В начале 1980-х гг. женщин, относящихся к высококвалифицированным рабочим, было примерно в четыре раза меньше, чем мужчин [6]. Вопреки марксистскому тезису о полном профессиональном равенстве, сохранился ряд характерно мужских профессий, где представительство женщин на протяжении всей истории СССР было минимальным или отсутствовало вообще.

Исходя из сказанного выше, специфика женского труда в СССР (как в городской, так и в сельской местности) нередко выражалась в низкой квалификации, в существовании потолка перспектив профессионального роста, в тяжелых условиях и при этом в его обязательности либо вынужденности. Подобные обстоятельства формировали у значительной части женщин чувство недореализованности. А сферой, где осуществлялась возможность реализовать и найти себя, становилась семья, та самая семья, которой классики марксизма во имя освобождения женщины прочили упразднение.

В связи с включенностью в процесс индустриализации, «двойной загруженностью» и в среднем меньшим, чем у мужчин, количеством свободного времени для самообразования и саморазвития женщины получают от государства новую установку: подождать с освобождением до тех пор, когда будут решены более важные задачи. Женский «долг перед государством» перестает уравниваться с мужским – при сохранении принципа работы «на благо социализма».

Что касается структуры городского женского населения, то к 1940-м гг. она становится более однородной. Ведущим типом идентификации предстает советская женщина, работающая на производстве вместе с мужчинами, занимающаяся общественной деятельностью и организацией домашнего быта. Конечно, не стоит забывать о том, что в деревнях, селах, колхозах и совхозах, где проживала на тот момент половина населения страны, а также у народов Севера, Сибири, Кавказа – там, где гендерный порядок сохранял свою первозданность [4, с. 153–155], женская идентичность менялась куда медленнее.

Таким образом, направленная на достижение равенства полов (через уравнивание в трудовой и социальной активности) политика советской власти: не разрешила полностью проблему «женского вопроса», актуализировавшуюся еще до революции; не привела к эмансипации большинства женщин; ярко высветила противоречия между профессиональной и семейно-бытовой женскими ролями, реализацией себя в публичной и частной сферах жизни; обозначила перспективы развития женской субъектности;

добровольно-принудительно предоставила женщинам возможности самоактуализации в общественной активности, науке, труде и других публичных областях.

Список литературы

1. Градскова Ю.В. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М.: Компания Спутник+, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaznu.kz/content/files/pages/folder18187/Ю.В.%20Градскова%20-%20Обычная%20советская%20женщина%20.pdf> (дата обращения: 11.01.2024).
2. Журнал «Работница». 1926. № 19.
3. Капушак М. Права и свободы человека и гражданина. Корпорация Российский учебник. 08.12.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/prava-i-svobody-cheloveka-i-grazhdanina/> (дата обращения: 11.01.2024).
4. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1999. 188 с.
5. Ленин В.И. Ленин о трудящейся женщине. М.: Новая Москва, 1925. 33 с.
6. Сидорова Т.Н. Труд и современная женщина. М.: Профиздат, 1981. 143 с.
7. Словарь по обществознанию / под ред. Ю.Ю. Петрунина. М.: Издательство «КДУ», 2006. 512 с.
8. Успенская В.И. А. Коллонтай: радикальный проект женской эмансипации // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики: материалы международной научной конференции. Тверь, 11 марта 2002 года. Тверь: Золотая буква, 2003. С. 11–28.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: АСТ, 2023. 288 с.
10. Kingsbury S. *Factory, Family and Woman in the Soviet Union*. New York, 1935. 334 p.
11. Lapidus G. *Women in Soviet society*. Berkeley: University of California Press, 1978. 381 p.
12. Scott J.W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91, № 5. P. 1053–1075.

WOMEN'S IDENTITY IN SOVIET SOCIETY: GENESIS AND PROBLEMS OF FORMATION

E.V. Sinitsyna-Solodkaya

Russian University of Transport, Moscow

The article examines the components of the social, economic, and political program of the post-revolutionary Russian state, which influenced the transformation of women's identity in the Soviet period, within the framework of a gender approach. The specifics and dynamics of these transformational processes are analyzed. Conclusions about the actual inexpediency and unreal-

izability of the idea of absolute gender equality in our society are made however constructive results of attempts to implement it are also mentioned.

Keywords: *social identification, identity, sexual identity, female identity, Soviet woman, liberation of woman, emancipation, female subjectivity, gender equality.*

Об авторе:

СИНИЦЫНА-СОЛОДКАЯ Екатерина Владимировна – ассистент кафедры «Философия, социология и история» ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», г. Москва. E-mail: solodkaya.ekaterina@yandex.ru

Author information:

SINITSYNA-SOLODKAYA Ekaterina Vladimirovna – Assistant Prof. of the Department Philosophy, Sociology and History, Russian University of Transport, Moscow. E-mail: solodkaya.ekaterina@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2024

УДК 177

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.115

МНОЖЕСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРИМИРЕНИЕ

В.В. Буланов, Е.Г. Токарчук

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь

Авторы статьи доказывают, что человек с множественной идентичностью не способен к гармоничному существованию. По мнению авторов, такой человек страдает от своей неспособности к примирению как с самим собой, так и со своим оппонентом в дискуссии. Выход из этой ситуации видится авторам статьи в ориентации на ценностную установку диалогичности. Следствием этой ориентации должно стать сглаживание внутриличностных противоречий и научение вести агональный диалог с оппонентом.

Ключевые слова: *идентичность, множественная идентичность, диалог, диалогичность, примирение.*

Длительное время, измеряемое веками, идентичность оставалась цельной, потому что «люди рождались в культуре с достаточно определенными границами и реализовывали культурные образцы, характерные для данного общества» [10, с. 110]. Поэтому идентичность до 1940-х гг. (именно тогда было введено это понятие) не была объектом философского исследования. Но с тех пор тематика идентичности активно разрабатывается, так как возникают и осмысливаются новые формы идентичности. Началась рефлексия и над феноменом множественной идентичности.

В эпоху Всемирной глобальной сети значение информационного бытия не оспаривается, оно неизмеримо, поэтому обретение человеком цельной идентичности стало предельно трудной задачей. Как верно отмечает А.П. Краснополяская, в представителе современного общества, «погруженном в динамически меняющийся поток информации, ... реализовываются множество идентичностей», это мешает обретению единой, непротиворечивой идентичности. Такой человек неизбежно утрачивает возможность, которую имели его предки, – иметь «устойчивый набор ценностей, установок, культурных паттернов и стереотипов поведения» [10, с. 110], т. е. знать, «кто я есть», «кто мы есть», «для чего мы». И поскольку множество социальных институтов, отвечающих за формирование и сохранение идентичности, трансформируются и разрушаются, они не могут больше играть своей роли и исполнять функции.

Содержание понятия идентичности, т. к. оно обуславливает поиск тождества через сопоставление (вещи по своему образцу), а человека с самим собой (кто я?) и с другими людьми (на кого я похож?), предполагает интерес к ее внутренним и внешним измерениям. В частности, «заметно

акцентируется понимание идентичности как отношения индивида к самому себе в ... рамках дихотомий «Эго – Альтер» и «Я (Мы) – Другой (Другие)» [4, с. 33]. Соответственно, идентичность правомерно рассматривать в качестве перспективного методологического инструмента исследований коммуникативной проблематики. Если же анализировать феномен идентичности в коммуникативном измерении, то первоначально важно отметить, что лишь редко идентичность бывает цельной, единой, чаще всего же – расщепленной, множественной. Цельная идентичность являет собой перманентную самоидентичность, на основе которой личность формулирует непротиворечивый образ своего «Я», при множественной идентичности такая целостность утрачена, а личность фрагментирована и потому не имеет цельного образа собственного «Я» [5, с. 203]. И чем выше степень расщепленности идентичности, тем реже человек пребывает в примирении с самим собой, то есть ощущает себя психически здоровым. Недаром проблема множественной идентичности в последнее время стала столь актуальной. Согласимся с мнением Е.Н. Костиной, которая отметила, что для современного человека свойственно стремление к забвению своего исторического прошлого, к отказу от долга памяти судьбы, ценностей и традиций своей Родины, это чревато расщеплением целостности связки прошлое – настоящее – будущее, а следовательно, трагической потерей представлений о цельности и связности своего существования [9, с. 88]. Трагизм этой потери не в последнюю очередь обусловлен тем, что человек, утративший такую связку, не способен занять какую-либо устойчивую позицию в диалоге по мировоззренчески значимым вопросам, а потому испытывает дискомфорт и раздражение при встрече с любым весомым контраргументом своего собеседника. Соответственно, размышления о цельной и множественной идентичности человека подводят к выводу о наличии двух видов примирения: с самим собой и с контраргументом партнера. Оба эти вида примирения не отделимы от участия в диалоге.

По наблюдению В.Г. Борботько, диалог является важнейшей и самой древней формой речевой деятельности человека [2, с. 37]. Значимость участия людей в диалоге сложно недооценить еще и потому, что она проявляется в практиках осмысления, хранения, трансляции и создания знания [8, с. 130]. Ориентированность на равноправность участников диалога, на их совместное искание истины, стремление к взаимопониманию, готовность к приложению усилий для достижения компромисса – это оптимальная ценностная установка участников диалога, которую вслед за В.М. Библером можно назвать диалогичностью [1, с. 232, 287–289, 299]. Именно это дало основание М.С. Кагану понимать под диалогичностью цельность и неделимость взаимодействия участников диалога [7, с. 153].

Антиподом диалогичности является монологичность – стремление навязать собеседнику свою точку зрения, не принимая его возражений. При монологе нет никакой цельности и неделимости взаимодействия участников общения: субъект монолога противопоставлен объекту моно-

лога и односторонне влияет на него. При этом пребывание в диалогической коммуникации и участие в диалоге – не всегда одно и то же. Диалог может быть лишен диалогичности и представлять собой движение навстречу другому, но без «обретения другого и пребывания в другом». Такая форма коммуникации точно названа М. Бубером квазидialogом, то есть монологом, замаскированным под диалог [3, с. 140–142]. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить лишь о подлинном диалоге, то есть о диалоге, оба участника которого склонны к диалогичности.

На наш взгляд, так как диалогичность является ценностной установкой, содействующей конструктивному общению во имя совместного достижения истины, она может стать средством по достижению примирения человека, которому присуща множественная идентичность, как с самим собой, так и с оппонентом по общению, при помощи подлинного диалога.

Человек с множественной идентичностью пребывает в разладе с самим собой, потому что ценностные установки, присущие одной его идентичности, вступают в противоречие с ценностными установками, свойственными другой его идентичности. Как невозможен подлинный диалог между воинствующим атеистом и верующим человеком, между правозащитником и террористом [13, с. 52], так и нельзя пребывать в гармонии с самим собой, в одних случаях одобряя преследование всех религиозных верующих, а в других молясь Богу, или одновременно уважать права человека и оправдывать террористические акты против отдельных людей или их групп. Как такому человеку обращение к диалогичности может помочь достичь примирения с самим собой? Полагаем, что диалогичности чужд дух раздора, олицетворением которого является монологическое предпочтение одного другому как лучшего худшему (Г.С. Померанц) [12, с. 382]. Ведь пока человек с множественной идентичностью будет стесняться и пытаться игнорировать в самом себе те или иные ценностные установки как глупые, устаревшие или порочные, он не достигнет гармонии с самим собой.

Участие в подлинном диалоге может помочь человеку с множественной идентичностью достичь примирения с собеседником-оппонентом, если они оба обучатся методике агонального диалога. Хотя агональный диалог характеризуется наличием ценностного конфликта между его участниками, но он не переходит в ссору. Ведь оба его участника в первую очередь избегают неконтролируемых проявлений негативных эмоций и со своей стороны, и со стороны собеседника, и понимают, что убедить собеседника в своей точке зрения можно лишь при достижении взаимопонимания [11]. А это, в свою очередь, возможно лишь при совместных усилиях по устранению ряда коммуникативных затруднений, каждое из которых может привести к ситуации, когда один человек «слагает мысли в ряд», но его с трудом или вообще не может понять его собеседник, особенно если он является представителем другого народа [6, с. 37]. К таким затруднениям могут относиться несовместимость логик

смыслообразования, стилей ведения диалога, различие соотношений вербальных и экспрессивных элементов в стратегиях участников диалога. Совместные усилия партнеров по диалогу, стремящихся к улучшению взаимопонимания, уже сами по себе будут улучшать их отношение друг к другу, а тем самым создавать предпосылку для их быстрого примирения в возможной конфликтной ситуации.

Таким образом, множественная идентичность существенно осложняет человеку жизнь. Во-первых, она мешает ему добиться гармонии с самим собой, во-вторых – установить взаимопонимание с партнерами по общению. На наш взгляд, эту проблему человек может решить посредством своей ориентации на такую ценностную установку, как диалогичность. Следование диалогичности позволяет преодолеть внутриличностные противоречия и осуществлять агональный диалог с оппонентом, то есть достичь примирения как с самим собой, так и с партнером по общению. Ориентация на антипод диалогичности – монологичность – не позволит человеку достичь примирения ни в том, ни в другом случае.

Список литературы

1. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 412 с.
2. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: УРСС, 2007. 286 с.
3. Бубер М. Диалог // Два образа веры. М.: АСТ, 1999. С. 122–161.
4. Буденкова В.Е., Савельева Е.Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1. С. 31–44.
5. Волков В.Е., Курбатов В.И. Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы // Социология. 2022. № 5. С. 202–212.
6. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Академия, 1998. 433 с.
7. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.
8. Карпов А.О. Дискурс и смысл // Человек. 2007. № 5. С. 130–136.
9. Костина Е.Н. Помнить или забывать: размышляя над романом Милана Кундеры «Забвение» // Ученые записки Казанского университета. Т. 155. Кн. 1. Гуманитарные науки. 2013. С. 83–89.
10. Краснопольская А.П. Становление множественной идентичности и принципы коммуникативной рациональности // Вестник МГУКИ. 2015. № 5. С. 109–116.
11. Краснопольская А.П. Агональный диалог и постнеклассическое образование // Вестник МГУКИ. 2015. № 4. С. 64–71.
12. Померанц Г.С. Диалог культурных миров // Лики культуры: Альманах: в 2 т. М.: Юрист, 1995. Т. 1. С. 445–455.
13. Федотова В.Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 45–53.

MULTIPLE IDENTITY AND RECONCILIATION

V.V. Bulanov, E.G. Tocarchuk

Tver State Medical University, Tver

The authors of this article prove that a person with multiple identities is not capable of a harmonious existence. According to the authors, such a person suffers from his inability to reconcile both with himself and with his opponent in the discussion. The authors of the article see a way out of this situation in focusing on the value setting of dialogicality. The consequence of this orientation should be the smoothing of intrapersonal contradictions and the learning to conduct an agonal dialogue with an opponent.

Keywords: *identity, multiple identity, dialogue, dialogicality, reconciliation.*

Об авторах:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail – althotas3111978@mail.ru

ТОКАРЧУК Елена Григорьевна – ассистент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail – mglenchik@mail.ru

Authors information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – PhD, Assoc. of Prof., Assoc. of Prof. of Dept Philosophy and Psychology with courses of Bioethics and History of Russia, Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru

TOCARCHUK Elena Grigorievna – assist. of Dept Philosophy and Psychology with courses of Bioethics and History of Russia, Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2024

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2024

УДК 1(091):316.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.120

ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ И НАРРАТИВЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Н.Н. Равочкин

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет
имени В.Н. Полецкого», г. Кемерово

В современном научном знании повышается внимание к языку и его потенциалу. Вышедшие на первый план вследствие лингвистического поворота личные истории и нарративы позволили исследователям сфокусироваться вокруг новых репрезентативных возможностей и эвристических граней в восприятии, объяснении и структурировании социокультурной реальности. Вполне правомерно говорить об осознании значимости повествований в жизнедеятельности, сосредоточенных не в специализированных текстах, но в обыденном языке. Кроме этого, следует констатировать, что в современных условиях акценты смещаются именно на перформативную природу личностного конструирования и моделирования действительности в самых различных сообществах. Стало быть, структурный и функциональный потенциал личных историй и нарративов перманентно расширяется. Настоящая статья посвящена рассмотрению личных историй и нарративов в современных реалиях. Автор фиксирует активную нарративизацию научного знания, сосредоточиваясь на репрезентативных возможностях этих социальных феноменов и проводя дифференциации между нарративами как таковыми, выражающими авторское осмысление каких-либо фактов через призму своего жизненного опыта и их последующее изложение, и личными историями как рассказами ментальных субъектов непосредственно о своих жизненных событиях. На основе анализа различных подходов уточнены сущностные характеристики рассматриваемых социальных феноменов. В работе также изучены стадии формирования личных историй и нарративов. В заключение подведены итоги исследования.

Ключевые слова: *личная история, нарратив, автор, общество, смысл, субъективность, образ, дискурс, жизненный мир.*

Начнем с того, что одним из следствий произошедшего в прошлом столетии «лингвистического поворота» стало активное вхождение в предметное поле целого ряда наук таких феноменов, как «дискурс», «история» и «нарратив» [12]. Нельзя не отметить, что сегодня свое внимание на эти конструкты мыслительной и речевой деятельности обращают не только социально-гуманитарные, но и естественные науки: «В медицине, праве,

© Равочкин Н.Н., 2024

истории, историографии, антропологии и психотерапии нарративы составляют продукты научной деятельности; в философии, культурологии, теологии – скорее поглощаются и перемалываются в жерновах вдумчивой аналитической деятельности» [28, р. 518].

Активно осуществляемая нарративизация знания проходит в связи с учетом детерминационных и объяснительных возможностей обозначенных когнитивных объектов, создаваемых ментальными субъектами. Для нас отличие нарративов от личных историй состоит в том, что первый из феноменов – это, по сути, любое повествование, осуществляемое через личностное переосмысление каких-либо хроник или событий, в которых автор мог вовсе не находиться физически, например, расстановка акцентов на произошедших в эпоху модерна фактах и их изложение. В свою очередь, личная история всегда непосредственно связана с жизнедеятельностью самого рассказчика. Через аналитику личных историй и нарративов весьма удобно схватываются предпочтения авторов по восприятию, структуризации, сохранению и транслированию знаний об окружающей действительности в форме вербальных сообщений, позволяющих создавать определенный мир, в котором одновременно репрезентированы и драматургия происходящего с человеком, и реализуемые ими коммуникативные интенции. Таким образом, изучение историй и нарративов открывает возможности к пониманию функционирования различных наук и областей знания через учет их повествовательной природы.

В рамках обществоведения нарративизацию одним из общепринятых вариантов раскрытия ее сути полагает перенос исследовательского интереса с анализа объективных социальных явлений на осмысление субъективности. Так, в реалиях современной общественной жизни индивидуальные судьбы и интерпретации сознания любого человека, предстающего как совокупность текстов, напрямую указывают на неизбежность наличия множественных, а вполне возможно, и на допущение существования ошибочных трактовок текста, как и на признание влияния личных историй и нарративов на моделирование практик и реалий повседневности [7].

Однако невзирая на достаточно продолжительный период изучения личных историй и нарративов, их воздействие на формирование миропонимания, которое впоследствии находит свою репрезентацию в выборе поведенческих стратегий, характере взаимодействий личности с социокультурной окружающей средой, моделировании повседневности, по сегодняшний день интерпретация личных историй и нарративов в научной литературе неоднозначна. Механизмы взаимодействия между данными социальными феноменами современности и их влияние на формирование повседневности остаются малоизученными и требуют фундаментального рассмотрения. По сути, данная логика укладывается в ту перспективную исследовательскую нишу, в которой можно было бы понять значение личных историй и нарративов при построении объяснений происходящих социальных процессов и событий. Несомненно, смена характера использова-

ния знания позволит обнаружить ту линзу, благодаря которой можно увидеть ранее неучтенные результаты intersубъективных взаимодействий и тем самым обнаружить новые смыслы.

Хотелось бы отметить, что обращение к использованию личных историй и нарративов для анализа тех или иных граней социальной жизни связано с именами У. Томаса и Ф. Знанецки, которым еще столетие назад удалось обратить внимание на потенциал биографий, или «документов жизни», в процессе изучения и интерпретации социальных явлений и процессов и их роли в развитии общества. Интенсивность развития социологической науки хоть и привела к утрате интереса к биографиям, но позднее на авансцену вновь были выдвинуты новые формы таких документов – личные истории и нарративы, что привело к расширению эмпирической базы. Получается, что обращение к новому материалу исследований ознаменовало «методологический поворот», в результате чего наука сосредоточила свое внимание на идеографическом поиске, а именно на признании необходимости изучения уникальных жизненных траекторий отдельных людей и их судеб во всем богатстве смыслов, которые конституируются неповторимыми комбинациями ее повседневных практик, особенностями построения личного опыта и его вербализации, что де-факто способно привести к поворотным моментам в истории. Можно согласиться с А.С. Готлиб в том, что отдельный индивид с его жизненным миром и мировоззренческими установками, без всякого преувеличения, становится агентом исторического процесса, «повседневные решения и взаимодействия которого вплетаются и одновременно создают живую, постоянно воспроизводящуюся социальную ткань» [3, с. 10].

Укоренение восприятия личной истории как отражения истории общечеловеческой во многом связано с именем А. Тойнби, который, как пишет Е.В. Пилюгина, одним из первых «легитимировал понимание человеческой истории как повествования о событиях, фактически осуществив коннотацию истории как науки о прошлом и “историй” как событийных представлений этого прошлого в форме текстов и дискурсов» [10, с. 89]. В таком ключе история воспринимается как нарратив, впоследствии в связи с широким функционированием указанного термина и также ростом научного интереса к изучению повседневности сама жизнь человека начинает восприниматься как нарратив.

В одной из первых дефиниций нарратив представляет собой «текстопорождающую конфигурацию двух рядов событийности: референтного и коммуникативного» [25, с. 8]. В структуре нарратива можно выделить два вида событийности: референтную, имеющую отношение к тем или иным событиям, процессам социальной среды; коммуникативную, отражающую особенности интерпретации, оценивания, восприятия личностью этих событий или процессов. Получается, что личные истории и нарративы становятся одновременно и реалистичными, поскольку содержат правдоподобные высказывания, и субъектными, поскольку любые относящиеся

к этому классу объекты выступают продуктом социальной и общей культуры авторов, которые стремятся соединить разрозненные сюжетные линии воедино [6, с. 296]. В современных реалиях с оформлением многозначности концептов личные истории и нарративы обладают «множеством семантических ракурсов, позволяющих накладывать <...> как рамку на самые разные фрагменты социальной и психической жизни людей, вычленив в них имманентные <...> смысловые черты» [10, с. 89].

В рамках данного исследования хотелось бы остановиться на позиции И.В. Троцук, которая считает, что данные феномены – это «повсеместный, исторически локальный, социально инструментальный и прагматический механизм организации человеческого опыта и обретения человеком своей идентичности» [22, с. 12] или «способ темпорального и логического конструирования, а не описания нашего опыта» [22, с. 10]. Указанные определения подчеркивают именно регуляторный характер личных историй и нарративов применительно к социальному бытию, утверждая, что они являются не отражением накопленного личностью экзистенциального опыта, но средством логического и темпорального конструирования действительности. Любопытно, что на «истинность» личных историй оказывает влияние реальность фактического переживания, особенности памяти и процесса коммуникативного взаимодействия. Т.е. личная история – это не вербальное описание пережитого, не слепок конкретной ситуации, но нарратив, на формирование которого оказывают влияние коммуникативные особенности, а также особенности памяти. Сами по себе абсолютно любые события являются лишь так называемой «совокупностью ресурсов для нарративной обработки». Говоря иначе, имеющийся в распоряжении автора набор действий, персонажей, ситуаций и фактов выступает «исходным материалом для отбора, результатом которого является история» [26, с. 150]. В основании любой личной истории и нарратива лежит событие, которое по тем или иным причинам приобрело для рассказчика особую значимость, или событийный статус. Говоря более предметно, событийность всегда зависит от ценностной интенциональности сознания и наделения тех или иных эпизодов различными релевантными такому статусу смыслами. Никакие, даже наиболее масштабные, инциденты не являются событиями, пока не обретают ту смысловую значимость, которая определяется принадлежностью к повествовательной «картине мира, дающей масштабы того, что является событием» [9, с. 283].

Нарратив всегда субъективен, нацелен не на историю или на внешнее событие, но на саму личность: «Нарративные практики рассказывания о случившемся суть механизмы формирования, хранения и ретрансляции событийного опыта присутствия человеческих “я” в мире» [24, с. 34]. В условиях динамичного развития современной цивилизации задача сохранения «я» приобретает особую актуальность, приводит к формированию все новых и новых нарративов, личных историй.

В понимании Р. Барта и его последователей любую личную историю и/или нарратив можно представить как: 1) «относительно замкнутую модель событийной цепи, связанной пронизывающей ее логикой, организующей не только последовательность событий, но также их отбор» [18, с. 114]; 2) «отбор и монтаж элементов событийного ряда, при помощи которого автор достигает реализации своего пафоса косвенным путем – посредством рассказывания истории, создающей определенную точку зрения на предмет речи, т. е. его образ» [14, с. 119–120]. Таким образом, постмодернистская традиция подчеркивает, что истории и нарративы всегда отражают определенную событийную цепь, имеют связь с референтом, реальным событием и процессом, но при этом в процессе создания данных речевых конструкторов последовательность эпизодов может меняться, а в нарративе, отражающей личный опыт и особенности описаний, могут сохраняться далеко не все из них.

В.Н. Сыров при осмыслении нарративов и личных историй указывает на синтез этими социальными феноменами двух важнейших тем современной философии – времени и языка. Имея дело с повествованием как совокупностью знаковых систем в трехчастной структуре «начало – середина – конец», темпоральность сопряжена с интерпретацией и пониманием времени. Время и язык формируют условия конституирования плюрализма проявлений человеческой жизни и схватывают объекты в целостности, репрезентируя самые различные и неповторимо устроенные миры, а также предлагая способы описания организованного бытия [15; 17]. В свою очередь, вербальная сторона не только демонстрирует усиление роли языка в моделировании повседневности, но трансформирует личные истории и нарративы в «один из способов репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, которые передают временную последовательность событий» [21, с. 44]. Рассмотренные определения позволяют выделить такие сущностные характеристики данных социальных феноменов, как событийность, вербальную основу, упорядоченность, а также обращенность к личному опыту, или субъективность.

Заслуживает внимания позиция Д. Силвермена, который предлагает останавливаться не столько на интерпретации содержательной части рассматриваемых социальных феноменов современности, сколько на «способах и методах, при помощи которых люди, рассказывающие “свои истории”, объясняют события своей жизни, а также придают им конкретные значения» [29, р. 124]. В данном понимании именно факторы, которые формируют значимость событий для авторов и аудитории, являются куда более важным объектом изучения, нежели достоверность и соответствие истории реальности. Действительно, особенности вербализации всегда отражают личностные особенности продуцента, ведь одно и то же социальное событие или процесс будут неодинаково восприниматься рассказчиками, обладающими различными ценностями. Как не вспомнить, что лишь пятая часть любого текста несет в себе смысловую нагрузку, тогда как

остальное маркируется не иначе как «словесная мишура», не выполняющая сколь-либо важных смысловых функций [21, с. 45]. Любые описанные рассказчиком события и факты всегда преломляются через призму мировосприятия и миропонимания личности.

Дополнительные трудности при постижении личных историй и нарративов связываются с тем, что абсолютно любое прошлое – это сугубо избирательная реконструкция, создавая которую, автор будет стремиться исключить практически любой опыт, так или иначе угрожающий и допускающий разрушение артикулируемой им идентичности. Необходимо признать, что внутри заявленных феноменов весьма проблематично провести демаркационные линии между вымыслами и действительными фактами. Это объясняется тем, что любое событие, ставшее референтом для создания истории, претерпевает интерпретативную работу, при этом каждое истолкование имеет свое субъективное обоснование, и уже в силу этого данные обстоятельства будут являться истинными [1, с. 78]. Иными словами, события, процессы, описанные в личной истории, всегда истинны для рассказчика, даже в той ситуации, когда они имеют мало сходства с произошедшим.

Формирование личных историй и нарративов представляет собой поэтапный процесс, стадии которого были выявлены П. Рикером [13]. А.С. Терехов показывает, что в основании концепции лежит понимание этих социальных феноменов в качестве инструментов объективации и репрезентации человеческого опыта:

1. Префигуративная стадия. Составляющие истории и нарративы события еще не связаны и не упорядочены автором между собой, однако уже наделены смыслами для маркирования их целостности.

2. Конфигуративная стадия. Рассказчик осуществляет отбор событий, в определенной логике упорядочивает имеющиеся «в опыте» события и факты, выстраивает сюжетные линии – все это в целях создания имеющих общий знаменатель связей и подчинения их некоторой единой мысли, что позволяет заложить базис для последующих интерпретаций.

3. Рефигуративная стадия. Воспроизведение, реконструкция и интерпретация адресатом смыслов, заложенных в рассказ повествователем [18, с. 114].

Итак, отчетливо видно, как на каждой стадии создания жизненных историй и нарративов происходит переплетение объективного и субъективного. Вышесказанное позволяет выделить в структуре рассматриваемых социальных феноменов нарратива три взаимосвязанных компонента: (1) последовательность происшествий, обладающих статусом событийности, значимостью для рассказчика; (2) наррация – повествовательный акт как таковой; (3) устный или письменный дискурс как форма бытования [4, с. 284]. Обратим внимание на другой имеющийся вариант представления архитектуры личных историй и нарративов, который отображает их шестичастную структуру: (1) интеграция исходной ситуации; (2) дескрипция

времени, места, персонажей; (3) обозначение некоторой проблемной ситуации; (4) выражение рассказчиком своего отношения к ней; (5) разрешение коллизии; (6) построение референсов к актуальному [5, с. 15]. Подчеркнем, что перечисленные исследовательские позиции к пониманию структуры личной истории и нарратива не противоречат друг другу, но позволяют по-разному взглянуть на них как на целостные феномены. При синтезе приведенных подходов структура может быть представлена следующим образом (рис. 1):

Рисунок 1. Структура личной истории и нарратива

При реализации такого подхода в структуру последовательности событий включается описание исходной ситуации, конфликт и его разрешение; наррация, содержащая описание места, времени и действующих лиц, а также средства авторской оценки описываемых событий, дискурс отражает отнесенность личной истории к современности, сохраняющуюся важность, значимость организованных и упорядоченных событий прошлого для настоящего. Разумеется, представленная структурная модель выступает весьма условной, осуществляется исключительно в академических целях.

Характерно, что личные истории и нарративы могут анализироваться исследователями не только как свидетельства «встроенной» социальности, но и, к примеру, как языковые игры. В этом контексте следует дополнить, что смена соответствующих репертуаров позволяет исследовать процесс обретения индивидом своей идентичности и схватить значимые этапы ее конструирования в динамике жизни [3, с. 12]. Аксиологичность, интенциональность и интересубъективность – вот выделяемые В.Л. Лехциером сущностные свойства личных историй и нарративов, которые, на наш взгляд, позволяют схватить субъективность конкретной ситуации [8, с. 6]. Каждый из этих феноменов может рассматриваться как «чрезвычайно изменчивая форма посредничества между личностными и обобщенными канонами культуры, то есть является одновременно моделью мира и моделью собственного “я”» [2, с. 38]. В рамках данного исследе-

дования личные истории и нарративы понимаются как ментальные структуры, направленные на осознание и упорядочивание окружающего мира, конструирование реальности и понимание своего места в ней.

Требует уточнения, что рассматриваемые типы высказываний будут отличаться от перформативных и итеративных. Напомним, что первые из них представляют собой разновидность «автореферентных дискурсов», которые выступают не чем иным, как исполнением некоторых действий. В свою очередь, во второй совокупности актов говорения «референтное содержание речи лишено событийности, но взамен наделено стабильностью и закономерностью естественных (природных) или нормированных (культурных) состояний и процессов» [14, с. 120]. Как известно, любые итерации сводятся к повторениям. Они репрезентируют жизнь через регулярное совершение тех или иных «архетипических деяний». Данная группа высказываний также не связана с событиями, но соотносится с категориями. Нарратив всегда связан с событием, но при этом может включать в себя элементы итеративного и перформативного повествования, всегда выступает средством репрезентации накопленного личностью экзистенциального опыта [16; 27].

Перформативные высказывания нацелены на совершение действий, итеративные же позволяют формировать теоретические знания, рассматриваемые социальные феномены открывают возможности для фиксации событийной памяти. В полной мере соглашаемся, что «сообщения о жизни – полные, насколько возможно, представляют собой лучший тип социологического материала» [20, с. 57]. Инструментальное значение личных историй и нарративов состоит в их включенности и конгруэнтности контекстам «большой истории». Именно конкретизация и насыщение ранее не известными интересантам подробностями и штрихами позволяют не просто оживить ее, но прочувствовать и де-факто прожить рассказываемое прошлое как современное. По меткому замечанию В.П. Потамской, нарратив выступает как «условие создания истории как таковой» [11, с. 3].

Получается, что обращения к личным историям и нарративам всегда связаны с ее значимостью для рассказчика, которая к тому же не утрачена в актуальных реалиях. И.В. Троцук подчеркивает, что данные социальные феномены дают возможность конструировать «первоначальное многообразие точек зрения и более реалистичную картину прошлого, которая может подставить под сомнение официальную версию событий» [23, с. 42]. Однако следует сказать, что «большая» история суммативно не сводится к набору «мемуарных» историй. Можно сказать, что в процессе повествования формируется целая палитра семантических реальностей. Наконец, потребность апеллирования к личным историям и нарративам актуализируется тогда, когда исследователи вынуждены осуществлять переход с «высоты исторической теории» «к неуклюже индивидуальным человеческим жизням, лежащим в их основе» [19, с. 23].

На основании проведенного анализа в современных реалиях резонно полагать наличие множества подходов к пониманию личных историй и нарративов. В общем виде они укладываются в логику двух магистральных направлений – узкого и широкого. В соответствии с первым личные истории и нарративы связаны с повествованием и специфическим способом изучения и объяснения в гуманитарных науках; в свою очередь, на наиболее полное, суть философское, прочтение двух рассмотренных феноменов претендует их дефинирование как особых ментальных образований, т. е. схем или фреймов, при помощи которых субъекты объясняют и упорядочивают процессы и события социокультурной реальности, конструируя и моделируя ее. Представленные подходы не противоречат друг другу, более того, плюрализм исследовательских оптик обусловлен сложностью и вариативностью рассмотренных феноменов, которые также входят в инструментарий познания и помогают структурировать и описывать окружающую действительность. В личных историях и нарративах переплетено субъективное и объективное, индивидуальное и коллективное, универсальное и национальное. В их основании всегда происшествие, которое по тем или иным причинам приобрело для рассказчика высокую ценность и статус событийности, было осмыслено им и положено в основу сюжета повествования. Восприятие события и отбор событий для последующей драматургии происходит под влиянием личностных особенностей рассказчика, его аксиологических модусов, мировоззрения и потребностей. Однако описание события может и чаще всего не обладает фактической достоверностью, но при этом является реалистичным для самого рассказчика.

Список литературы

1. Божков О.Б. Биографии и генеалогии: ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 74–87.
2. Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
3. Готлиб А.С. Нарративный поворот // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 9–14.
4. Женетт Ж. Фигуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
5. Иовва Н.И. Нарративные ресурсы публицистического высказывания: Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. 162 с.
6. Козлов А.С. Некоторые свойства поведения исторического нарратива в современности // Документ. Архив. История. Современность. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 296–301.
7. Крокинская О.К. Слово как единица повествования. Познавательные возможности дискурса и нарратива в социологической анкете // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 15–29.
8. Лехциер В.Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 5–8.

9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
10. Пилогина Е.В. Нарративное прочтение истории: ретроспектива и перспектива // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 6. С. 89–93.
11. Потамская В.П. Проблема исторического нарратива в англо-американской аналитической философии истории: Автореферат дисс. ... канд. филос. наук. Москва, 2018. 23 с.
12. Равочкин Н.Н. Лингвистический поворот: социально-философский потенциал // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 8. С. 70–74.
13. Рикер П. Время и рассказ: в 2 т. М.; СПб.: Унив. книга, 2000. Т. 1. 313 с.
14. Салиева Л.К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2012. № 3. С. 116–128.
15. Сыров В.Н. К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 39–52.
16. Сыров В.Н. Нарратив в историческом познании: о перспективах использования нарратологии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4, № 3. С. 113–135.
17. Сыров В.Н. Тема нарратива в современной западноевропейской философии истории // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. № 7 (23). С. 14–18.
18. Теребков А.С. К вопросу о трактовке феномена нарратива в современном гуманитарном знании. Сущность и истоки // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 114–117.
19. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь Мир, 2003. 368 с.
20. Томпсон П. Гуманистическая традиция и жизненные истории в Польше // Биографический метод. История, методология, практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. 147 с.
21. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. № 1 (6). С. 41–53.
22. Троцук И.В. Нарративный анализ в социологии (Возможности практического применения): Автореферат дисс. ... канд. соц. наук. Москва, 2005. 24 с.
23. Троцук И.В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Уникум-центр, 2006. 207 с.
24. Тюпа В.И. На пути к исторической нарратологии // Новый филологический вестник. 2020. № 3 (54). С. 32–54.
25. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 58 с.
26. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
27. Fludernik M. Towards a «Natural» Narratology. London: Routledge. 1996. 454 p.
28. Framosi R Narrative analysis - or why (and how) sociologists should be interested in narrative // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 517–554.
29. Silverman D. Doing qualitative research. London: Sage publications, 2006. 395 p.

PERSONAL STORIES AND NARRATIVES AS SOCIAL PHENOMENA OF MODERN TIME: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

N.N. Ravochkin

Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev
Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov, Kemerovo

In modern scientific knowledge, attention to language and its potential is increasing. Personal stories and narratives that came to the fore as a result of the linguistic turn allowed researchers to focus on new representational possibilities and heuristic facets in the perception, explanation and structuring of sociocultural reality. It is quite legitimate to talk about the awareness of the significance of narratives in life, concentrated not in specialized texts, but in everyday language. In addition, it should be noted that in modern conditions the emphasis is shifting precisely to the performative nature of personal construction and modeling of reality in a variety of communities. Therefore, the structural and functional potential of personal stories and narratives is constantly expanding. This article is devoted to the consideration of personal stories and narratives in modern realities. The author captures the active narrativization of scientific knowledge, focusing on the representative capabilities of these social phenomena and differentiating between narratives as such, expressing the author's understanding of any facts through the prism of his life experience and their subsequent presentation, and personal stories, as stories of mental subjects directly about their life events. Based on the analysis of various approaches, the essential characteristics of the social phenomena under consideration are clarified. The work also examines the stages of formation of personal stories and narratives. In conclusion, the results of the study are summarized.

Keywords: *personal history, narrative, author, society, meaning, subjectivity, image, discourse, life world.*

Об авторе:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; профессор кафедры педагогических технологий ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкова», г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Author information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – Phd (Philosophical Sciences), associate professor, professor of history, philosophy and social sciences dept., Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev; professor of pedagogical technologies dept., Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.02.2024
Дата принятия рукописи в печать: 15.03.2024

УДК 130.2+821.161

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.131

ИНИЦИАЦИЯ И ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ПОВЕСТИ ЕЛЕНА ХАЕЦКОЙ «ЛЕТАЮЩАЯ ТЭКЛА»

Н.С. Ищенко

ФГБОУ ВО «ЛГАУ имени К.Е. Ворошилова», г. Луганск

Исследуется трансляция мифов в эстетической коммуникации в современном обществе на примере фэнтезийной повести современной русской писательницы Елены Хаецкой «Летающая Тэкла» (2007). Научная значимость работы заключается в решении вопроса о способности жанра фэнтези сохранять традицию в информационном пространстве, транслирующем идеи трансгуманизма и отказа от христианской антропологии. Методология исследования основана на структурно-семантическом анализе литературных произведений и коммуникативном подходе к художественным произведениям в философии культуры. В работе показано, что образы леса и дороги в фэнтезийной повести Хаецкой сохраняют связь с ритуалом инициации, отмеченную Владимиром Проппом. Испытания в ходе пути делают героя свидетелем конфликта двух систем ценностей: бессмертная жизнь идеального тела без души и смысла или короткая тяжелая жизнь искаленного тела, одухотворенного любовью к людям. Этот конфликт решается с позиций христианской антропологии. В работе показано, что русское фэнтези может транслировать архаичный инициационный миф и христианские антропологические идеи, что практически значимо для сохранения православной культуры в информационном пространстве, параметры которого задаются западной цивилизацией.

Ключевые слова: эстетическая коммуникация, фэнтези, инициация, трансляция мифа, христианская антропология, трансгуманизм, Елена Хаецкая.

Сохранение традиций в современной России является одной из приоритетных задач государственной политики, актуальность которой возросла после 2022 г., когда Россия оказалась в ситуации острого противостояния с частью стран западной цивилизации, активно использующей методы воздействия на культуру и способы трансформации культурной идентичности посредством межкультурной коммуникации.

В современных обществах коммуникация и обмен личным опытом носят глобальный характер. В те или иные коммуникационные потоки вовлечен каждый человек. Коммуникационные каналы регулируются модой и транслируют все новые модели поведения, нормы и образы, детерминирующие образцы социального действия. Эти нормы задает экспансивная западная культура, нормализующая посредством искусства разрушение

© Ищенко Н.С., 2024

традиции, отказ от традиционных религий, а также идеи трансгуманизма – достижение бессмертия человека путем генной инженерии. Может ли сохраниться традиция в этом информационном потоке? Существуют ли какие-то сюжеты и образы, способные оформить личный опыт и сохраниться в новых пространствах эстетической коммуникации в течение нескольких столетий? Одним из бурно растущих пространств коммуникации в современной русской литературе является жанр фэнтези, активно развивающийся в постсоветский период. Способен ли этот жанр сохранить традиционное наследие русской культуры?

Для ответа на этот вопрос изучим образы, содержащие в свернутом виде архаичные фольклорные сюжеты в фэнтезийной повести современной писательницы Елены Хаецкой «Летающая Тэкла» (2007), центральный конфликт которой строится вокруг идеи трансгуманизма – искусственного бессмертия.

Эстетическую коммуникацию, ее закономерности и характерные особенности изучает О.В. Костина. Архаические мифы и ритуалы в волшебной русской сказке исследованы известным советским этнографом В.Я. Проппом. А.М. Фирсова рассматривает социокультурное значение ритуала инициации в обществах модерна. Отражение этого ритуала в русской литературе модерна изучено автором данной статьи в работах последних двух лет. Образ дороги в русской культуре исследован этнографом О.А. Черепановой, а концепт дороги и леса как испытания изучен К.З. Островской. Место дороги в мифологическом пространстве определил В.Н. Топоров, а роль леса в средневековой литературе рассмотрел Д.А. Бачурин. Психологическое и социальное значение инициации в мифе о пути героя проанализировал Дж. Кэмпбелл. Философский анализ христианской антропологии сделан А.М. Ершовой. На основе полученных этими авторами результатов исследуется образ дороги и леса в данной работе.

Материалами исследования являются повесть современной российской писательницы Елены Хаецкой «Летающая Тэкла», а также существующие в общественном сознании идеи трансгуманизма и архаические мифы. Методологической основой исследования является постмодернистский подход к конструированию элементов общественного сознания, структурно-семантический анализ литературы и коммуникативный подход к литературному произведению, построенному на мифологических сюжетах.

Онтологию коммуникации исследует философ Ольга Костина. Она показывает, что коммуникация связывает две сферы: мир определенных регионов человеческого бытия и сингулярность бытия, построенного на событийной основе [5, с. 13]. Трансформация личного опыта в эстетический происходит посредством создания образов, представляющих собой несущую конструкцию коммуникации. Образ способен объединять смыслы разных уровней общения и различных культурных регионов. Образ имеет собственную онтологию, основанную не на точности передаваемой информации, а на постоянном самовозрастании и выходе за свои границы

[5, с. 14]. Такая онтология образа дает возможность выражать, сохранять и транслировать смыслы, появившиеся в традиционных обществах и дожившие до наших дней. Проанализируем основные образы, оформляющие сюжет в повести «Летающая Тэкла».

«Летающая Тэкла» – фэнтезийное произведение о постапокалиптической истории. Действие происходит в мире после ядерной катастрофы, в результате которой многие люди мутировали, а телесную форму Адама смогли сохранить только некоторые патрицианские семьи. Сюжет разворачивается в Арденнском лесу, который является частью Римской империи. В империи сохранился социальный строй, соответствующий первым векам христианской Римской империи нашего мира (IV–V вв.), а в Арденнском лесу проживают разнообразные готские мутантские племена. Путь патриция Альбина Антонина через Арденнский лес, его встреча в лесу с мутанткой Тэклой и составляют сюжет повести. Столкновение в лесу с мутантом Метробиусом, который мечтает достичь бессмертия, переселяя свою душу в разные тела, является кульминацией повести.

И лес, и путь-дорога являются семантически нагруженными образами в архаических культурах. Рассмотрим, как эта семантика раскрывается в повести.

Лес занимает важное место в мифах тех народов, которые исторически обитали в лесах. Мифологические представления этнографы находят в волшебной сказке, отражающей древние обряды и ритуалы после того, как они утратили сакральность. В сказках всех народов мира находят инициационный ритуал. Русские сказки в этом аспекте изучал советский ученый Владимир Пропп, написавший книгу «Исторические корни волшебной сказки». Исследователь обнаружил, что классический сюжет русской сказки следует ритуалу инициации [8, с. 64]. Изучив роль леса в волшебной сказке, Владимир Пропп показал, что всякое попадание героя в лес означает начало инициации [2, с. 69].

Инициация – это ритуал культа предков, сопровождающий переход между социальными группами в родоплеменном обществе. Классическая инициация проводилась в мужских воинских союзах, куда в племенах входили все взрослые мужчины. Инициация представляет собой переход из возрастной группы детей в возрастную группу мужчин, символическую смерть человека в одном качестве и рождение в другом (смерть мальчика, рождение мужчины). Для мифологического мышления символом смерти может быть только смерть, то есть жестокое испытание, в ходе которого человек рискует жизнью. Такие ритуальные испытания устраивались в родоплеменных обществах для мальчиков.

Элементы инициационных ритуалов сохраняются до наших дней, в том числе в литературе модерна. Так, в русской литературе элементы инициации исследованы на примере повести А.П. Чехова «Степь» [4] и новеллы Л.Н. Андреева «Он (рассказ неизвестного)» [3]. Литература модерна способна сохранить традиционный архаичный миф и использовать его для

оформления материала. Можно ожидать, что на это способна и литература в жанре фэнтези, в которой волшебство, магия и религия являются важным элементом сюжета.

Культуролог Анна Фирсова в кандидатской диссертации «Социокультурная трансформация ритуалов и обрядов инициации в мировой традиции» (2005) показывает, что «инициация в традиции рассматривается в исследовании как доступный человеку магический инструмент, позволяющий ему умереть по одну сторону от границы миров и возродиться по другую – в другом качестве, в другой категории лиц» [11, с. 6].

Движение через границу миров жизни и смерти символизирует дорогу. Как пишет русский этнограф и фольклорист Ольга Черепанова в докладе «Путь и дорога в русской ментальности и древних текстах» (1999), образ дороги – это универсалия мировой культуры, играющая огромную роль и в культуре русской. Для русского этноса передвижения всегда играли заметную роль в жизни, процесс расселения и освоения огромных территорий не закончен и в настоящее время. Русские – движущийся этнос с самосознанием оседлого. Образ дороги присутствует на различных уровнях культуры старой и новой, традиционно-народной и интеллектуально-элитарной [13].

Как показывает филолог Ксения Островская, анализируя волшебные сказки, в путь-дорогу герой может пускаться как с определенной целью (добыть волшебный предмет, найти суженую), так и в поисках себя. «М.М. Бахтин пишет: “Можно прямо сказать, что дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути; выбор дороги – выбор жизненного пути...”». В полном смысле слова можно утверждать, что путь-дорога для сказочного героя – его судьба, и выбирая, по какому пути идти, а главное – как идти по выбранному пути, герой проходит главное испытание в своей жизни» [7, с. 580].

Исследователи современного фэнтези указывают, что мотив Пути-Дороги из волшебной сказки, попадая в новый жанр фэнтези, становится самостоятельным полноценным сюжетом Поиска (квеста) [9, с. 228].

Путь-дорога структурируется концом, целью путешествия. Конец хранит «высшие сакральные ценности» и в то же время – это «основное препятствие, опасность, угроза, которые, будучи преодолены или устранены, непосредственно открывают доступ к этим сакральным ценностям и связанному с ними изменению статуса» [10, с. 259]. Для психологической специфики инициации характерно разрушение и потеря героем самого сокровенного, аксиологического значимого, когда герой лицом к лицу встречает свой главный страх [6, с. 202–204].

В сказках «путь-дорога может выступать связующей нитью между реальным миром, в котором живет герой, и миром иным, для достижения которого необходимо преодолеть множество преград, в метафорическом смысле являющих собой испытания... Особое место среди этих преград занимает лес, представляющий собой оппозицию не только профанному

миру, который герой покинул, но и сакральному центру, в который герой стремится... Он одновременно выступал и в роли прибежища духов, демонов и загадочных зверей, и в роли места аскезы и священного отшельничества» [7, с. 581]. В средневековой немецкой литературе лес также выступает как символ преграды, стоящей перед человеком. Лес всегда влияет на менталитет местных жителей. Разные приключения в лесу символизируют ловушки нечистого, который материализуется в образе Короля Леса [1, с. 122].

Таким образом, инициация является в обществе одним из механизмов сохранения, воспроизводства и межпоколенческой трансляции культуры. В ритуале инициации биологические процессы преобразуются в социальные категории [11, с. 12]. Инициация в литературе может быть представлена как путь через лес, причем приключения героя на пути определяются его конечной целью. Такой целью может быть поиск невесты. Достижение цели невозможно без преодоления главной опасности пути, которой часто является встреча с Королем Леса. Рассмотрим, какие элементы инициационной схемы присутствуют в повести Хаецкой «Летающая Тэкла».

В повести Хаецкой патриций Альбин Антонин из Болоньи движется через Арденнский лес, чтобы принять наследство в Лютеции. Он вступает в лес в сопровождении своих телохранителей, шести близнецов-карликов, выросших в его семье, для которых он является патроном. В начале пути они встречают домину Тэклу, которая живет в маленькой готской деревне мутантов. Тэкла просит патриция проводить ее через лес в Могонциак. Альбин следует кодексу чести патриция и не может отказать даме. Вместе они выходят в путь.

По ходу своего пути Альбин и Тэкла встречаются с разными обитателями леса. Это мутантские племена, по-разному приспособившиеся к жизни в лесу. Тэкла объясняет Альбину свое понимание антропологии патрициев и мутантов: патриции являются высшим родом человека по сравнению с мутантами, потому что патриций может выжить в любых природных и погодных условиях, патриций может одинаково свободно жить и в большом городе, и один в пещере, с равным достоинством быть царем и рабом, а мутант приспособлен только к одной среде обитания. Поэтому патрицию доступно бытие во всей его полноте, а мутанту только часть спектра [12, с. 404]. Такие обломки человеческого бытия в виде разных мутантских племен Альбин с Тэклой и встречают в лесу.

Альбин, являясь патрицием, должен использовать свое преимущество антропологической цельности ради помощи страдающему человечеству, в каком бы телесном виде оно ни оказалось. Эта решимость Альбина подвергается проверке на практике, когда он сталкивается с трибой (племенем) домины Аракакоры, людьми-белками, и с бандой мутанта Метробиуса, включающей клонов Суллы.

Люди-белки Аракакоры помогли Альбину в пути. Аракакора, как глава трибы, решила, что встреча с настоящим патрицием дает ей шанс

восстановить честь трибы, пострадавшей от действий Метробиуса, использовавшего ее сотрибутов для генетических опытов. Аракаора устраивает столкновение Альбина и Метробиуса, которое становится кульминацией сюжета.

Метробиус – летальный мутант, создавший в лесу лабораторию для решения проблемы телесного бессмертия и сохранения сознания. Как говорит сам Метробиус, «голый разум создает индустрию тела» [12, с. 433]. Финальным локусом движения Альбина, последним препятствием и главной опасностью на пути через лес оказывается встреча с Королем Леса – Метробиусом.

Подручные Метробиуса похищают людей в лесу, а Метробиус использует их генетический материал для создания бессмертного тела, куда он мог бы поместить свое сознание. Попутно решится и проблема бессмертного человечества с заданными телесными параметрами. Опыты оказались успешными только частично. Метробиусу удалось создать клонов Корнелия Суллы, несколько линий идеальных людей, чей срок жизни, однако, ограничен немногими годами. Клоны лишены детства и юности, но обладают совершенным телом. Для решения проблемы долговечности Метробиус и Суллы хотят использовать Альбина, генетический материал которого может стабилизировать клонов.

В столкновении с Метробиусом и Суллами Альбин встречается с иной системой ценностей, с людьми, для которых важнее всего жизнь, и ради своей жизни они готовы на преступления. Генетические опыты над людьми в их системе ценностей оправданны, поскольку результатом будут стабильные формы жизни, которые позволят им сохраниться в веках. Отсутствие детства, оторванность от других людей, исключение из социума для клонов и Метробиуса небольшая цена за вечную стабильную жизнь, однако для Альбина эти ценности составляют суть жизни, и сохранять форму, отказавшись от содержания, он считает преступлением против человека. Телесное бессмертие без духовного опыта общения с людьми и Богом для Альбина неприемлемо, и он отказывается сотрудничать с Метробиусом.

Инициация Альбина целенаправленно помещается автором в духовную плоскость. В физическом мире, как замечает сам Альбин, ему ничего не пришлось делать: не он спасал, а его спасали. Инверсия классического инициационного сюжета заключается в том, что не Альбин сражался ради суженной, Тэклы, а Тэкла организовала спасательную операцию по освобождению плененного Альбина, заручившись помощью братьев и сестер из Ордена воинствующего милосердия летальных мутантов во имя прокаженных королей [12, с. 458]. Орден создан Кафолической Церковью Готфского Обряда для того, чтобы дать возможность летальным мутантам совершать добрые дела, заменяющие им детей.

В отличие от телесно идеальных клонов Суллы, братья Ордена уродливы телесно. Противостояние двух идеалов строится на христианской концепции телесности.

В христианском богословии тело отличается от плоти. Плоть понимается как материя человеческого тела, а тело является формой организации этой материи. Плоть тесно связана с душой и без нее немыслима, то есть плоть – это живая материя. Плоть в православном христианстве никогда не оценивается негативно. Существует и второе понимание плоти – как испорченности природы человека. В этом смысле плоть понимается церковным сознанием как рассадник греха, имеющего духовную природу и возникающего из-за плоти – испорченной природы человека. Как подчеркивает М.А. Ершова, «плоть в значении испорченности природы человека православной антропологией в целом и аскетикой в частности не отождествляется с телом или материей» [2, с. 138].

В православной антропологии тело достойно соединения с Богом, что подтверждает воплощение Христа. Православие признает тело человека достойным соединения с Богом и обожения, преображения. Также в православии смерть рассматривается как явление, не заложенное в природу человека при творении, то есть чуждое человеку, приходящее извне. Поскольку смерть есть разлучение души с телом, такое разлучение в православной антропологии неестественно. Душа и тело человека изначально предназначены для совместного существования в вечности. В Царство Небесное человек войдет целиком [2, с. 139].

Итак, тело человека само по себе не греховно, однако в силу грехопадения является орудием греха. Лишившись духовного руководства, тело обуреваются страстями, и освобождение от греха включает восстановление духовной иерархии: тело должно управляться душой, а душа – Богом. Только гармоничное сочетание духовного делания и телесных подвигов позволяет восстановить утраченную иерархию и утраченную целостность человека [2, с. 145].

Итак, с точки зрения христианской антропологии достижение бессмертия путем переселения души в разные тела – заведомо порочный путь, аналог не бессмертия, а смерти, поскольку включает в себя разлучение души и ее тела при переселении. Этот путь, выбранный Метробиусом, никуда не ведет.

Созданные Метробиусом клоны Суллы имеют идеальное тело, но полностью исключены из духовной иерархии: они не принадлежат церкви, не управляют телом, подавляя свои страсти, идут на преступление ради собственного бессмертия, то есть эталонное тело не уберегает их от греха. Создание собственного общества для них также оказывается невозможным: всю свою короткую жизнь они проводят в страхе, ссорах и интригах. Для них нет ничего важнее жизни, что и разрушает всякую социальность.

Братья из Ордена воинствующего милосердия, победившие в решающей битве с Метробиусом, представляют собой живую альтернативу

тому бездуховному бессмертию, которое Метробиус мечтает осуществить. Их столкновение с Метробиусом символизирует конфликт двух принципов духовной организации человека: вечное совершенное тело без души или короткая жизнь в искаленном теле, одухотворенном любовью к людям. Альбин переживает этот конфликт внутренне и выходит из него обновленным и повзрослевшим. На развалинах генетической лаборатории Метробиуса Альбин делает предложение Тэкле, поскольку видит в ней ту духовную силу, которая важнее телесного совершенства, и осознает свою любовь к девушке как восстановление, а не нарушение божественного закона человеческой жизни.

Таким образом, Арденнский лес предстает в повести как место инициации. Дорога Альбина через лес – это путь героя, который сталкивается с Королем Леса, психологически меняется в финале и обретает новый статус в конце пути. Сюжет инициации в повести позволяет автору сохранить в эстетической коммуникации мифологический пласт культуры, связав мифологические универсалии леса и дороги с идеей христианской духовной иерархии тела и духа.

Итак, фэнтезийная повесть Елены Хаецкой «Летающая Тэкла» посредством образов леса и дороги транслирует в эстетической коммуникации архаичный ритуал инициации. Личный эстетический опыт автора и читателя заключен в этой повести в форму древнего инициационного мифа, существующего не одну сотню лет. Литература жанра фэнтези оказывается способна сохранить архаичный слой русской традиции в постоянно меняющейся системе межкультурной коммуникации современного общества, испытывающей влияние современных западных идей трансгуманизма и переделки человека. Инициация в повести инвертирована и происходит на духовном уровне. Это решение позволяет автору подчеркнуть христианскую идею иерархии тела и духа в христианской антропологии. Таким образом, фэнтези может транслировать не только архаичный инициационный миф, но и христианскую концепцию телесности, что особенно важно для русской православной культуры в современном культурном противостоянии. Дальнейшее исследование может идти в направлении выявления других семантических пластов текста, философских идей и литературных образов, интегрированных в художественное целое фэнтезийного произведения в современном пространстве эстетической коммуникации.

Список литературы

1. Бачурин Д.А. Особенности средневекового мышления в немецкой легенде «белый всадник» // Гуманитарное образование: история, традиции, перспективы: сборник научных трудов. Т. 4. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2016. С. 76–78.
2. Ершова М.А. Брат тело: проблема тела в православной антропологии // Вестник Гуманитарного университета. 2022. № 3 (38). С. 136–147. DOI 10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).13.

3. Ищенко Н.С. Инициация в повести А.П. Чехова «Степь» // Научный вестник Луганского государственного аграрного университета. Луганск: ГОУ ВО ЛНР ЛГАУ. 2022. № (16). С. 372–377.
4. Ищенко Н.С. Неудавшаяся инициация в новелле Леонида Андреева «Он (рассказ неизвестного)» [Электронный ресурс] // Философско-культурологические исследования. 2023. № 13. URL: <https://fki.lgaki.info/2023/05/31/неудавшаяся-инициация-в-новелле-леон/> (дата обращения: 20.02.2024).
5. Костина О.В. Онтология коммуникации: автореферат диссертации ... доктора философских наук. Саратов, 2005. 32 с.
6. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: РЕФЛ-бук; Киев: АСТ, 1997. 378 с.
7. Островская К.З. Концепт путь-дорога как эквивалент концепта испытание в концептосфере народной волшебной сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 12 (90). Ч. 3. С. 579–583.
8. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 544 с.
9. Сафрон Е.А. Поэтика городского фэнтези в русской литературе XX – начала XXI веков: дисс. ... доктора филологических наук. Саранск, 2021. 437 с.
10. Топоров В.Н. Пространство и текст // В.Н. Топоров. Текст: семантика и структура / ответ. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
11. Фирсова А.М. Социокультурная трансформация ритуалов и обрядов инициации в мировой традиции: автореф. дисс. ... канд. философских наук. Нижний Новгород, 2005. 26 с.
12. Хаецкая Е.В. Летаящая Тэкла / Елена Хаецкая. Лисипп, или Песнь козлов (роман). Летаящая Тэкла (повесть) (С. «Большая Фантастика»). Луганск: Максим, Шико; М.: Снежный Ком М, Вече, 2013. С. 381–510.
13. Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах [Электронный ресурс] // Мастер и народная художественная традиция русского севера (доклады III научной конференции «Рябининские чтения – 99»): сб. научных докладов. Петрозаводск, 2000. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html> (дата обращения: 20.02.2024).

INITIATION AND CHRISTIAN ANTHROPOLOGY IN ELENA KHAYETSKAYA'S NOVEL «THE FLYING TEKLA»

N.S. Ishchenko

Lugansk Agrarian State University named by K. E. Voroshilov, Lugansk

The paper focuses on the translation of myths in aesthetic communication in modern society using the example of the fantasy novel by the modern Russian writer Elena Khayetskaya «The Flying Tekla» (2007). The scientific significance of the work lies in solving the question of the ability of the fantasy genre to preserve tradition in the information space, broadcasting the ideas of

transhumanism and the rejection of Christian anthropology. The research methodology is based on a structural and semantic analysis of literary works and a communicative approach to works of art in the philosophy of culture. The work shows that the images of the forest and the road in Khayetskaya's fantasy story retain a connection with the initiation ritual, noted by Vladimir Propp. The trials along the way make the hero witness the conflict of two value systems: the immortal life of an ideal body without a soul and meaning, or the short hard life of a crippled body, inspired by love for people. This conflict is solved from the standpoint of Christian anthropology. The paper shows that Russian fantasy can broadcast archaic initiation myth and Christian anthropological ideas, which is practically significant for the preservation of Orthodox culture in the information space, the parameters of which are set by Western civilization.

Keywords: *aesthetic communication, fantasy, initiation, myth translation, Christian anthropology, transhumanism, Elena Khayetskaya.*

Об авторе:

ИЩЕНКО Нина Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет имени К.Е. Ворошилова», г. Луганск. Email: ninaofter@yandex.ru

Author information:

ISHCHENKO Nina Sergeevna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Lugansk Agrarian State University named by K. E. Voroshilov, Lugansk. Email: ninaofter@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2024

Дата принятия рукописи в печать: 16.03.2024

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.141

Т.Н. ГРАНОВСКИЙ: ФАКТЫ И МИФЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ (статья первая)

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Цель статьи – на примере лекций российского историка-медиевиста Т.Н. Грановского, прочитанных в Московском университете в середине XIX в., рассмотреть возможность синтеза исторических фактов и мифов. С социокультурной точки зрения миф представлен как живой источник прошлого, помогающий погрузиться в изучаемую эпоху. В историческом повествовании Грановского обнаружена возможность гармоничного сочетания фактов и мифов. Сделан вывод о том, что столь разные источники не противоречат друг другу, а наоборот, взятые воедино, производят на выходе особый исследовательский эффект – симбиоз научно-критического и «живого» знания. Для наглядности в первой статье представлен исторический портрет Жанны д'Арк, вышедший из-под пера Грановского.

Ключевые слова: *Т.Н. Грановский, история, культура, средневековая культура, исторический факт, миф.*

Российский историк, профессор Московского университета Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855) оставил нам важное интеллектуальное наследие: курс лекций по средневековой культуре. И вот уже почти два столетия эти тексты дают повод исследователям размышлять над концепцией «единого человечества» [6], оценивать возможности философско-исторического подхода к объяснению законов истории [1], типологизировать социальные и культурные следы прошлого [4], углубляться в истоки культурного диалога Запада и Востока [7], оценивать соотношение фактов и мифов в политической культуре Средневековья [8].

После окончания Санкт-Петербургского университета (1835) Грановский был командирован за границу для подготовки к званию профессора кафедры всеобщей истории. Во время стажировки в Берлинском университете Грановский, исходя из своих интересов, прослушал курс лекций ведущих профессоров. В их число вошли К. Риттер (география), Л. Ранке (новая история), К. Вердер (история новой философии), Э. Ганс (государственное право), Ф. Савиньи (историческая школа права), Ф. Раумер (история), А. Тренделенбург (логика) и другие. На таком широком академическом фоне выделились два мастера, оказавшие особое влияние на взгляды

© Михайлова Е.Е., 2024

ды Грановского, – это Леопольд фон Ранке и Карл Вердер. Первый демонстрировал «живые, поэтические взгляды на науку», второй – гегелевскую логику и метафизику [3, с. 471]. Благодаря Ранке Грановский стал воспринимать историю как процесс, охватывающий все культуры в едином потоке событий, а вслед за Вердером проникся пониманием значимости философии истории и пытался впоследствии, причем весьма небезуспешно, находить общие пересечения предмета философии истории и всеобщей истории.

После научной стажировки в Берлинском университете и самостоятельных поездок по городам Европы Грановский вернулся в Россию с уже готовым курсом лекций по истории западноевропейского Средневековья и стал читать его студентам Московского университета. Лекции Грановского по Средневековью, изложенные доказательным и одновременно образным языком, демонстрируют понимание истории как процесса взаимодействия политических, правовых, религиозных, хозяйственных и ментальных элементов развивающихся самобытных культур. Следуя принципам своей профессии, Грановский опирается на факты, т. е. на события и явления, зафиксированные, описанные и подтвержденные разными источниками. При этом одновременно автор использует в историческом повествовании так называемые следы «живого» знания, среди которых мифы, легенды, верования, переживания данного народа, рассказы очевидцев, индивидуальные судьбы, чувствительные темы отдельного народа или целой эпохи. В научном плане миф и свидетельство для историка не являются достоверными источниками, однако с социокультурной точки зрения они важны для погружения в эпоху, для понимания «чужой одушевленности» и поиска собственной идентичности [5].

Исходя из таких наблюдений, цель предстоящих двух статей – рассмотреть, как сочетаются в текстах Грановского факт и миф и какой исследовательский эффект приобретают такие столь разные источники на выходе. Для наглядности в первой статье проанализируем факты и мифы, вкрапленные Грановским в исторический портрет Жанны д'Арк, во второй статье в таком же ракурсе рассмотрим образ Карла Великого.

Грановский отмечает, что противоречивость сведений об Орлеанской деве стала наблюдаться сразу же в ходе искомым событий Столетней войны, достигнув своего апогея в XVIII в. Сначала Жанна д'Арк представлялась в сознании людей как реальное воплощение слухов о том, что Францию обязательно спасет непорочная дева. Затем ее стали считать колдуньей и обманщицей дофина Шарля, или, наоборот, простой пастушкой, запутавшейся в своих видениях и попавшей под влияние противников при дворе будущего короля. Наконец Вольтер, по мнению Грановского, своим поэтическим слогом «затемнил» ее образ «безнравственным произведением» [речь действительно идет о скабрезном сочинении Вольтера «Орлеанская девственница», 1777 год – *авт.*] [2, с. 11]. Подобная контрастность мнений в оценке образа Жанны д'Арк сохранялась несколько веков: на од-

ной стороне – пророк, святая, библейский пастух, хранитель веры, на другой – слепое орудие придворных, колдунья, самозванка, еретик.

Некая позитивная определенность во взглядах исследователей стала проявляться только после выхода 5-томного сочинения Жюль Кишра «Процесс проклятия и оправдания Жанны д'Арк» (1841–1849). Французскому историку удалось собрать воедино большинство сохранившихся материалов следствия и составить комментарии к ним. Особую роль в реабилитации Орлеанской девы, на взгляд Грановского, сыграл еще один французский историк – Жюль Мишле. Популяризатор истории Жанны д'Арк скомпоновал ряд оценочных суждений в отношении ее личности и объяснил природу их появления. Первое суждение – она не была обманщицей или слепым орудием придворных интриг. Второе – ее появление на пике событий Столетней войны совпало с особым духовным настроением населения, уставшего от долгой войны [заметим, что впоследствии в исторической науке укреплится тезис «народ ждал героя» – *авт.*]. Третье и, возможно, самое главное соображение Мишле, по мнению Грановского, – к середине XV в. «общего энергического движения не заметно было ни в каком сословии»: рыцарство нравственно деградировало в бесконечных войнах; горожане погрузились в свои частные локальные заботы; духовенство примкнуло к англичанам; король готов был отказаться от коронации, а его приверженцы ощущали безнадежность ситуации. «И среди такого порядка вещей вдруг выступает девушка из крестьянского сословия – и выступает с мыслью освободить Францию. Можно сказать, в деве Орлеанской все сословия пришли к осознанию своего единства», – такими словами описывал Грановский Жанну д'Арк в качестве своеобразного магнита, собирающего французскую нацию воедино [2, с. 373].

Рассмотрим, какие именно факты вписаны Грановским в исторический портрет Жанны д'Арк? Очевидно, что с самого рождения девушка наблюдала бедствия войны – толпы поселенцев, спасающихся от врага, зарева пожаров, распри между жителями соседних деревень и городов. Подвергая сомнению распространенный в литературе рассказ о якобы личном свидании будущего короля Франции с девушкой из низкого сословия, Грановский все же признает, что это могло быть. До дофина доходили известия о мистической силе крестьянской дочери, поэтому он решил устроить ей проверку, выделив войско и отправив освобождать осажденный англичанами Орлеан. После победы Жанна д'Арк приезжает в город Реймс, где по традиции того времени короновали монархов, и участвует в коронации Карла VII. Это событие Грановский описывает как подтвержденный факт [2, с. 12]. Кроме того, видно, что историк-медиевист доверяет записям суда инквизиции и переписке судей с теологами Парижского университета о том, какой вынести вердикт: подсудимая ведьма или еретик? «Процесс Орлеанской девы издан в наше время», – не без удовольствия отмечает Грановский [2, с. 11]. Как главный оплот веры, Парижский университет в XIV–XV вв. имел большую власть над деятельностью Собо-

ров и владел умами своих слушателей, число которых временами достигало тридцати тысяч человек. «Доколе не было книгопечатания, он должен был играть большую роль; идеи сообщались с кафедр; в число слушателей университета входили не одни любознательные юноши, но люди зрелых и преклонных лет, приходившие сюда знакомиться с новыми идеями», – такими мыслями объясняет Грановский тот факт, что Парижский университет стал главным экспертом церковной деятельности в целом и одной из финальных инстанций по вынесению вердикта о судьбе Жанны д'Арк в частности [2, с. 16].

Из текста лекций Грановского по средневековой культуре видно, что историк относился к мифологии как к «живому знанию», исходя из принципа «есть цельная картина, но мы ее не видим; нет цельной картины, но мы ее рисуем». Рассмотрим, какие мифические черты вкраплены в исторический портрет Жанны д'Арк. Во-первых, историк видит в действиях героини Столетней войны фатальные следы Провидения, согласно которым в юном возрасте судьба ей предназначала скорбеть о бедствиях своей страны и вдохновлять воинов на победу. Во-вторых, историк включает в свои лекции слухи и толки молвы об особых личностных свойствах Орлеанской девы – о живости ее ума, загадочности, женственности, способности сопереживать страданиям других людей, об умении воодушевлять их на победу. В-третьих, историк не подвергает критическому анализу рассказы очевидцев о том, как быстро разносилась по всей Франции слава о деве-спасительнице, а, наоборот, относится к ним с пониманием, объясняет появление таких известий готовностью людей верить в любое чудо на фоне усталости от долгой войны.

Показательно, что тот же симбиоз из достоверных фактов и «живых» источников наблюдается в текстах Грановского, когда он излагает страницы французской истории, следующие за подвигом Жанны д'Арк. Так, обоснованная фактологическая канва видна в изложении государственных деяний Карла VII. Монарх привел в порядок финансы государства благодаря введению регулярных отчетов – по аналогии с правилами, которыми руководствовались купеческие дома; подписал конкордат с католической церковью, ослабив влияние Папы Римского на французское духовенство; из массы наемников, оставшихся не у дел после Столетней войны, составил регулярную армию и для ее содержания ввел систему постоянных налогов; ослабил власть Парижского парламента, организовав работу еще одного муниципального округа – Тулузского; из тех же соображений основал целый ряд провинциальных университетов, чтобы погасить огонь знаниевого влияния Парижского университета.

На фоне фактических деяний Карла VII, зафиксированных и подтвержденных разными источниками, Грановский использует потенциальные возможности «живых» источников. Так, в тексты лекций историка попадают суждения об Орлеанской деве, несущие на себе флер народной молвы, например, «король был покорным исполнителем ее велений» или

король «проснулся от дремоты» [2, с. 12]. Излагая обстоятельства распри Карла VII со своим сыном, будущим королем Людвигом XI, Грановский считает нужным привести свидетельства очевидцев, рассказывающие о том, как король-отец умер от голода, «... он отказывался принимать пищу, опасаясь отравы от сына» [2, с. 17].

В изложении деятельности Людвига XI фактический материал так же, как и в истории с Карлом VII, гармонично соседствует с мифами. Сначала Грановский подробно перечисляет значительное собрание источников, в которых заложена информация об этом монархе. Среди имен – французский дипломат и историк Филипп де Коммин, французские историки Жюль Мишле и Анри-Жан Мартен, швейцарский экономист и историк Жан де Сисмонди. Затем в русле общепризнанных изложений Грановский рассказывает, с каким трудом, через длинную череду побед и поражений, король противостоял сложившимся ранее сильным центрам феодальной власти – Бретани, Бургундии, дому Валуа (Анжу, Мен, Прованс и Лотарингия), герцогам Бурбонским и другим французским династиям. Но наблюдениям Грановского, Людовик XI оказался на гребне перелома средневековой политической культуры, когда противостояние феодалов и короля наблюдалось по всей Европе. В случае с Людвигом XI, по словам Грановского, «феодализм проиграл свое дело в споре с королем» [2, с. 374]. В итоге самостоятельность городов резко упала: король оставил среднему сословию свободу по ведению дел в промышленности и торговле, но отнял у городских общин институт выборных начальников.

На взгляд Грановского, Людовик XI оказался типичным представителем политической власти своего времени, он органично вписался в галерею большей части государей, среди которых, например, Генрих VII в Англии или Фердинанд Католик в Испании. «Религиозных верований у них мало, зато они суеверны...» – такую характеристику дает средневековым правителям Грановский. И приводит примеры из жизни Людвига I, связанные с преданиями и мифами. Однажды, по свидетельству очевидцев, король подослал крепкого мясника выступить на рыцарском турнире в качестве незнакомого гостя и потом забавлялся, глядя из окна своего дворца, как тот страшно избивал своих противников [2, с. 18]. По другим слухам, памятуя, как в юности сам строил козни отцу, король удалил от двора малолетнего сына, будущего Карла VIII, «дав ему одну только книгу для воспитания», пишет Грановский [2, с. 27].

На примере лекций российского историка-медиевиста Т.Н. Грановского, прочитанных в Московском университете в середине XIX в., рассмотрена возможность синтеза исторических фактов и мифов. В историческом повествовании Грановского обнаружена возможность гармоничного сочетания фактов и мифов. Сделан вывод о том, что столь разные источники не противоречат друг другу, а наоборот, взятые воедино, производят на выходе особый исследовательский эффект – симбиоз научно-критического и «живого» знания. Завершая первую статью по теме

«Т.Н. Грановский: факты и мифы средневековой культуры», отметим, что высвечена двойственная позиция историка по отношению к фактологическим и «живым» источникам. В профессиональном отношении для историка Грановского миф и свидетельства очевидцев не являлись достоверными источниками, однако с социокультурной точки зрения они виделись важными для понимания атмосферы, в которую были погружены персонажи: в частности, Жанна д'Арк – в обстановку сражений с англичанами за сохранение независимости Франции, а Карл VII и Людвиг XI – в диспозицию войн с феодалами за единое государство и сохранение королевской власти. «Живые» источники у Грановского не искажают фактологическую канву исторического повествования, а делают ее более живой, занимательной, даже в какой-то мере узнаваемой, поскольку сознанию самих слушателей/читателей имманентно присущи иллюзорные надежды и ожидания.

Список литературы

1. Безлепкин Н.И. Философско-исторический дискурс всеобщей истории Т.Н. Грановского // *Россия в глобальном мире*. 2015. № 7 (30). С. 632–638.
2. Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья / отв. ред. Е.В. Гутнова, С.С. Дмитриев. М.: Наука, 1986. 427 с.
3. Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма / сост. А.А. Левандовский, Д.А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. 672 с.
4. Косарская Е.С. Социокультурная типология: предельные границы многофакторного анализа // *Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки*. 2016. № 2. С. 24–30.
5. Михайлова Е.Е. А.С. Лаппо-Данилевский: социокультурное значение «живых» источников прошлого // *Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества. Сборник статей / отв. ред. В.В. Козловский, А.В. Малинов*. СПб.: Интерсоцис, 2019. С. 179–194.
6. Репина Л.П. Концепция «единого человечества» и «общего прошлого» в интеллектуальном наследии русской исторической школы // *Запад – Восток*. 2019. № 12. С. 13–28.
7. Соболева Н.А. Н.И. Кареев об истоках культурного диалога Запада и Востока // *Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах. Десятый ежегодный сборник научн. трудов преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов факультета управления и социальных коммуникаций ТвГТУ, приуроченный к 100-летию вуза: в 2 ч. Тверь, 2022. С. 52–60.*
8. Тогоева О.И. Короли и ведьмы: колдовство в политической культуре Западной Европы, XII–XVII вв. // *Ser. Mediaevalia: Средневековые как историко-культурный феномен*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 328 с.

T.N. GRANOVSKY: FACTS AND MYTHS OF MEDIEVAL CULTURE

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The purpose of the article is to consider the possibility of synthesizing historical facts and myths using the example of lectures by the Russian historian–medievalist T.N. Granovsky, delivered at Moscow University in the middle of the XIX century. From a sociocultural point of view, the myth is presented as a «living» source of the past, helping to immerse oneself in the era under study. Granovsky's historical narrative reveals the possibility of a harmonious combination of facts and myths. It is concluded that such different sources do not contradict each other, but, on the contrary, taken together, produce a special research effect at the output – a symbiosis of scientific-critical and «living» knowledge. For clarity, the first article presents a historical portrait of Jeanne d'Arc, which came from the pen of Granovsky.

Keywords: *T.N. Granovsky, history, culture, medieval culture, historical fact, myth.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.02.2024.

УДК 1(091)+130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.148

ПРОБЛЕМА «ЕВРОПЕЙНИЧАНИЯ»: ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИСТОРИОСОФИИ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

А.В. Гурьянова*, А.В. Тимофеев**

*ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»,
г. Самара

**ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика
С.П. Королева», г. Самара

В статье через призму цивилизационной историософии Н.Я. Данилевского рассматривается проблема «европейничания», актуальная как для России XIX века, так и для нашей современности. Цивилизационная историософия Н.Я. Данилевского и ее базовые принципы – множественности и разнообразия культурно-исторических типов, невозможности сведения мировой истории к германо-романскому типу и др. – интерпретируются в качестве мировоззренческого основания современной модели многополярного мира. При этом анализируемая проблематика фокусируется на России в плане ее вовлеченности в мировой исторический процесс, взаимодействия с цивилизацией Запада, преодоления веками тормозившей ее развитие «болезни европейничания». Рассматриваются проблемы взаимоотношений России и Европы, причины враждебности западного мира по отношению к нашей стране, намечаются пути будущего развития России в качестве самобытного славянского культурно-исторического типа.

Ключевые слова: европоцентризм, «болезнь европейничания», историософия, культурно-исторический тип, цивилизация, Россия, Европа, Запад.

Уже более полутора столетий прошло с того момента, как известный русский философ Николай Яковлевич Данилевский анонсировал проблему «европейничания», подразумевающую жизненно важную для современной ему России потребность отказа от проведения подражательной политики заимствований из стран западного мира. Философ провозгласил приоритетность для России выбора собственного пути развития, независимого от европейского. Эта идейная установка, совершенно не близкая по духу общей направленности развития российского общества второй половины XIX в., нашла отражение в классической работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому». Ее первые главы начали публиковаться в журнале «Заря» еще в 1869 году. На сегодняшний день книга выдержала десятки переизданий на русском языке и переведена на многие языки мира. В работе Н.Я. Данилевский целенаправленно анализировал проблематику, актуальную для России XIX в. Однако, что следует особен-

© Гурьянова А.В.,
Тимофеев А.В., 2024

но отметить, многие выдвинутые им гипотезы и сформулированные идеи не утратили своей экзистенциальной значимости в социокультурных условиях нашей современности [8, с. 93]. Многие из поднятых Н.Я. Данилевским вопросов и проблем демонстрируют ярко выраженный прогностический потенциал, идеально вписываясь в общий контекст и направленность современной геополитики [2]. К таковым можно отнести размышления философа над фундаментальными мировоззренческими вопросами: «Цивилизация европейская тождественна ли общечеловеческой?» «Европа ли Россия?» «Почему Европа враждебна России?» «Права или не права Европа в том, что считает нас чем-то для себя чуждым?» «Гниет ли Запад?» «Вероятно ли в настоящее время появление новой (славянской) культуры?» [6, с. 807–809] и др.

Исходя из приведенного перечня вопросов, можно заключить, что «Россия и Европа» имела ярко выраженную историософскую направленность, являясь, по существу, особой цивилизационно-ориентированной историсофией. Будучи одним из основных разделов философско-исторического знания, «историсофия осуществляет философскую тематизацию, исследование и осмысление исторического процесса как некоей бытийной сферы... Она стремится выявить его общую природу, основные закономерности и движущие силы его развития» [4, с. 9–10]. Важнейшей исследовательской задачей при этом выступает целенаправленная проработка хронологической и процессуальной градации исторического процесса, сопровождающаяся его структурированием, то есть вычленением в нем разных этапов, периодов, ступеней, стадий и пр., а также выявлением некоей общей формы протекания истории, установлением свойственной ей целевой направленности, миссии, смысла и конечного предназначения ее течения и развертывания.

Работа Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» содержит последовательную и многостороннюю рефлексию историософской по своей сути проблематики. Речь идет о предложенной и обоснованной мыслителем концепции восприятия мировой истории как совокупности различных культурно-исторических типов (цивилизаций); представлении о подобии этих типов живым биологическим организмам, проходящим последовательные стадии развития от рождения до смерти; о несводимости друг к другу различных культурно-исторических типов, сложности и неравновесности развертывающихся между ними контактов и взаимодействий. При этом вся анализируемая проблематика оказывается сфокусирована на России в плане вовлеченности нашей страны в мировой исторический процесс и ее взаимодействия с западноевропейской цивилизацией.

В ходе последовательной рефлексии указанной проблематики «...сформировались методологические принципы анализа проблемы “Россия – Европа”, были предложены идеи, философско-мировоззренческие смыслы которых [...] соотносятся с ключевыми вопросами сегодняшних моделей и проектов российского национального развития» [10, с. 48]. В целом, анализ взаимоотношений России и Запада, заявленный Н.Я. Данилевским в качестве приоритетной темы его исследовательской

деятельности, по праву считается «...одним из важнейших и сложнейших в истории отечественной мысли» [7, с. 47]. «Своими трудами... Данилевский заложил основы цивилизационной историософии мировой истории, которая сегодня является теоретическим обоснованием идеи многополярного мира, потому что "...ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтобы она представляла высшую точку развития..."» [3, с. 6].

В качестве историософской цивилизационная концепция Н.Я. Данилевского ставит целью «...разрушить представления о европейской культуре как об общечеловеческой, но не столько через ее критику, сколько через утверждение своеобразия и жизнеспособности славянства» [4, с. 20]. Философ подчеркивает принципиальную разницу, все ярче проявляющуюся между находящимся на стадии своего становления славянским культурно-историческим типом и уже в полной мере состоявшимся и реализовавшим себя типом германо-романским. Исходя из этого, он с максимально критической точки зрения оценивает мировоззренческую позицию «европеизма» или, современным языком, европоцентризма, ориентированного на то, чтобы «судьбы Европы, или германо-романского племени, были отождествлены с судьбами всего человечества» [6, с. 102].

Согласно Н.Я. Данилевскому, мировая история не может быть ни единообразной, ни, тем более, линейно-направленной. Подобное видение не выдерживает критики, поскольку отрицает полифонию культурно-исторических типов, ориентирует на унификацию культур, а также их интерпретацию и оценку в контексте и параметрах исключительно европейской культуры. Такой подход категорически не устраивает русского философа, придерживающегося прямо противоположной точки зрения на ход развертывания мировой истории. Н.Я. Данилевский «...делит человечество на замкнутые культурно-исторические типы, человечество не имеет у него единой судьбы... Нет общечеловеческой цивилизации, нет общечеловеческой истории» [1, с. 99]. В силу этого становится очевидным, что «...европейская культура не есть единственно возможная культура, что возможны другие типы культуры» [1, с. 100].

Следует отметить, что к вопросу о сущности и специфике германо-романского культурно-исторического типа философ подходит не с географической, а с более емкой – цивилизационной точки зрения. Характеризуя западный мир в целом, Н.Я. Данилевский справедливо указывает, что «Европа есть поприще германо-романской цивилизации – ни более ни менее; или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация» [6, с. 74]. И эта цивилизация ни в коей мере не может претендовать на то, чтобы считаться «общечеловеческой» или, иначе говоря, глобальной. Если же господство единственного культурно-исторического типа начинает распространяться по всему миру, это тождественно постепенной, но неуклонной деградации и самого этого «избранного» типа, и мира в целом.

Весьма актуальным для автора «России и Европы», как, впрочем, и для нашей современности выступает вопрос о взаимной соотнесенности германо-романского и славянского культурно-исторических типов. «Евро-

па ли Россия?» – задается вопросом Н.Я. Данилевский и сразу же дает на этот вопрос однозначный ответ: Россия не является Европой. «К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью... она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки... Она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу; как же может она принадлежать к Европе? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой...» [6, с. 75–76]. Именно поэтому попытка «переноса» на российскую почву институтов и ценностей европейской цивилизации в их неизменном и гипертрофированном виде обречена на провал.

По Н.Я. Данилевскому, подобное «европейничание» не может квалифицироваться иначе как препятствие, стоящее на пути формирования самобытного славянского культурно-исторического типа, тормозящее процесс его становления и самореализации. Философ был убежден в том, у России должен быть собственный, отличный от германо-романского путь развития, учитывающий ее территориальную специфику, социокультурные особенности, а также историю и традиции всех многочисленных населяющих ее народов. Он не сомневался в высоком культурно-историческом предназначении и великой будущности России, распространяемой, в том числе, и на формирующийся на ее основе «всеславянский союз».

При этом он ни в коей мере не настаивал на изоляции России, – ее контакты с Европой, разумеется, должны быть сохранены и продолжены. При необходимости они могут быть даже довольно тесными, но никак не родственными. Следует отметить, что, постулируя подобное, Н.Я. Данилевский не мнил себя ни критиком, ни идейным противником европейской государственности. Его принципиальная позиция – различие славянского и германо-романского культурно-исторических типов и, как следствие, необходимость обособления России от западного мира, отказ от разделяемых его адептами политических приоритетов, неприятие геополитического «равновесия», выстраиваемого по европейскому образцу и поведенческой модели культурного «европейничания» в самой России.

В понимании Н.Я. Данилевского, «европейничание» есть бездумное копирование и последующая искусственная «пересадка» на российскую «почву» историко-культурного наследия народов Европы без его критического осмысления и сопутствующих адаптационных процедур. «Европейничанье» – это обширная «болезнь русской жизни» [6, с. 315], глубоко укоренившаяся в ней и имеющая многочисленные формы своего проявления. Таковыми являются, в частности, искажение форм народного быта путем их замены на формы чуждые, исторически нам не присущие, перенос на русскую почву различных иностранных учреждений и институтов путем их точного копирования без какой бы то ни было адаптации к новым для них российским реалиям, а также однозначную и категоричную оценку всех вопросов и отношений русской действительности исключительно с европейских позиций, искажающих их истинное значение и подчас меняющих их смысл на прямо противоположный.

Исторически значимыми в плане перехода России на путь «европейничания» считаются, по общему признанию, реформы Петра Великого. Преобразовательная деятельность российского самодержца, нашедшая отражение в обновлении государственных структур и институтов, включая административные, военные и промышленные инновации, получила у Н.Я. Данилевского, в целом, положительную оценку [8, с. 91]. Чего нельзя сказать об изменениях в сфере жизненных устоев, нравов и обычаев самого русского народа. Н.Я. Данилевский максимально критически отзывается об утвердившейся во времена Петра, а впоследствии получившей еще большее распространение подражательности в бытовой среде: «К чему было брить бороды, – вопрошает философ, – надевать немецкие кафтаны, загонять в ассамблеи..., искажать язык, вводить в жизнь... иностранный этикет, менять летоисчисление, стеснять свободу духовенства? К чему ставить иностранные формы жизни на первое, почетное, место и тем накладывать на все русское печать низкого и подлого...?» [6, с. 319].

Тем самым в петровскую эпоху «русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный лад» [6, с. 319], – резюмирует мыслитель. Причем с течением времени это привнесенное извне искажение самой сути русского бытия, сознания и духа становилось все более обширным и всепоглощающим. В результате некритического, «слепого» копирования европейского опыта, не только положительного, но и отрицательного, от которого впоследствии сознательно отказывались даже сами европейские страны, развитие России все более замедлялось и затруднялось: инородные заимствования контрастировали с ее самобытными первоосновами, вступали в конфликт с «русской душой» и «русской идеей» [5, с. 287], противоречили самой природе славянского культурно-исторического типа, создавая все новые очаги напряженности на пути ее социально-экономической и политической эволюции.

На страницах «России и Европы» Н.Я. Данилевский последовательно обосновывал идею специфики и своеобразия нашей страны, засидевшейся в «европейской школе», куда ее некогда отдал на обучение Петр Великий. Философ прекрасно осознавал экзистенциальную значимость для России тактики дистанцирования от западного мира с его многочисленными мировоззренческими соблазнами и девиациями. Уже через полтора столетия после бурной реформаторской деятельности Петра, привнесшей в Россию полноценных дух европеизации, русский историософ во всеуслышание требовал обособления России от Европы, прекращения «европейничания» во всех сферах и формах его проявления, а также отказа от европоцентричных геополитических приоритетов, будучи убежден в великой будущности славянского культурно-исторического типа.

Устранение пагубных для нашей страны последствий «болезни европейничания» представляется тем более важным, что по существу своему «Европа враждебна России». Любопытно, что свойственная русским «болезнь европейничания» не только не ослабила этой враждебности, но даже, напротив, ее интенсифицировала. Этот вывод Н.Я. Данилевского, относящийся ко второй половине XIX в., содержит ярко выраженный прогностический потенциал, в

полной мере подтвердившийся реалиями и конкретным событиями современной геополитики. Философ прозорливо предостерегал Россию от излишней восприимчивости к влиянию Запада, призывал дистанцироваться от исходящей с его стороны культурной, политической и идеологической экспансии.

Как следствие, Н.Я. Данилевским отвергался и такой важный принцип построения межгосударственных отношений, как весьма популярный среди стран западного мира (в том числе, и современных) принцип поддержания геополитического европейского равновесия. Реализация данного принципа, согласно Н.Я. Данилевскому, выгодна только и исключительно самим пропагандирующим его европейским странам, которые всегда успешно приходят к консенсусу в своих действиях, направленных против России. По отношению же к России современная Н.Я. Данилевскому Европа неизменно руководствовалась (и продолжает эту практику в XXI в.) так называемой политикой «двойного стандарта».

При ее последовательной реализации единственной гарантией безопасности для России могут выступать только разобщенность и несогласованность в действиях самих держав европейского мира. Это особенно наглядно прослеживается в условиях нашей современности, когда большинство стран Запада солидарно объединились против России в своей санкционной политике и совместном финансировании ведущихся против нашей страны военных действий. С одной единственной разницей: во времена Н.Я. Данилевского США, естественно, не играли роль вершителя судеб человечества, гегемона международной и, в первую очередь, европейской политики (как мы это наблюдаем сегодня). Однако впоследствии (вторая половина XX-го – XXI вв.) цели США мало чем отличались от тех, которые исторически реализовывала в отношении России колониальная Европа.

На страницах «России и Европы» Н.Я. Данилевский впервые поднял и детально проанализировал столь актуальный для нашей современности вопрос о причинах враждебного отношения к нашей стране европейской цивилизации. Причем им сразу же было опровергнуто расхожее мнение об агрессивности России и исключительно завоевательном характере ее интересов. «...состав Русского государства, войны, которое оно вело, цели, которые преследовало <...> – все показывает, что Россия не честолюбивая, не завоевательная держава, что в новейший период своей истории она большею частью жертвовала своими очевиднейшими выгодами, самыми справедливыми и законными, европейским интересам...», – указывает мыслитель [6, с. 58]. Более того, в отличие от стран западного мира, Россия никогда не совершала в отношении присоединявшихся к ней народов ни национального увечья, ни национального убийства, не была для них «гасительницей света и свободы» [6, с. 58].

Россия также не препятствовала развитию самого европейского мира, неизменно предъявлявшего ей претензии в агрессивности. Почему же тогда Европа настроена по отношению к России столь враждебно? Особенно, принимая во внимание исторически свойственную нашей стране «болезнь европейничания», когда ее деятели с восторгом взирали на Европу и всеми силами

стремились выступать проводниками ее интересов. Несмотря на это, «...Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды... – материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему» [6, с. 65–66]. Получается, что Европа уже очень давно, на уровне некоего заложенного в ней «исторического инстинкта» воспринимает Россию как «нечто ей чуждое», глубоко враждебное, вызывающее опасения и страх.

Специфика и самобытность России, ее экзистенциальная неевропейскость и географическая азиатскость, а также потенциально осуществимая для нее возможность (а в настоящее время, и желание) быть вне Европы, выходить за рамки традиционных европейских мировоззренческих ориентиров, исправно подпитывают веками формировавшуюся неприязнь европейского мира по отношению к нашей стране. Это подтверждают следующие слова Н.Я. Данилевского: «Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный, выветрившийся и обратившийся в глину слой, все же Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, которое имеет и силу и притязание жить своей независимой, самобытной жизнью» [6, с. 66].

В современном мире, когда европейские государства, сплотившись в едином порыве, демонстрируют (и словом, и делом) удивительную солидарность в своем показном презрении и ненависти к России и всему славянскому (феномен русофобии), Россия встала на путь сознательного дистанцирования от судеб европейского мира и давно уже предначертанного ему «заката» [11, с. 1]. Современная Россия отказывается отождествлять себя с Европой, во всеуслышание заявляет о необходимости самоопределения, постулирует свою инаковость, избрав собственный, отличный от западного путь развития. Тем самым она последовательно реализует исторически заложенный в ней потенциал самореализации в качестве нового, самостоятельного культурно-исторического типа.

Размышляя о перспективах будущего развития России в контексте разработанной им историософской концепции, Н.Я. Данилевский справедливо указывает на наличие двух диаметрально противоположных точек зрения по этому вопросу. Первая из них была привнесена в Россию извне, сформулирована для нее Европой в полном соответствии с привитой ей «болезнью европейничания». Согласно данной стратегии, историческим предназначением России является ее неуклонное продвижение по пути европеизации, а также транслирование идеалов и ценностей европейского мира в направлении Азии, всех населяющих ее народов. Н.Я. Данилевский подчеркивал неизменную заинтересованность Европы в том, чтобы Россия несла на Восток западную цивилизацию. Такая заинтересованность имела в своей основе свойственную западному миру убежденность в превосходстве всего европейского над азиатским и цивилизационной отсталости последнего.

Опровергая эту распространенную мировоззренческую иллюзию Запада, Н.Я. Данилевский приводит в качестве примера цивилизацию Китая с ее невероятной производительностью труда, впечатляющим развитием таких областей знания как медицина и философия, колоссальными успехами в области литературного творчества и пр. К этим неоспоримым достижениям китайской цивилизации, которые еще в XIX в. справедливо отметил Н.Я. Данилевский, можно также прибавить прорывной рост экономики Китая, быстро превративший его в крупнейшую экономическую державу нашей современности, от которой в значительной степени начинает зависеть благосостояние европейских стран. Так что европейский культурно-исторический тип вовсе не является доминирующим в мире, как бы на этом ни настаивали сами его представители. Для России осознание этого факта является отправным пунктом для преодоления «болезни европейничания», долгие годы (например, сразу после развала СССР) выступавшей ведущим трендом развития страны.

Н.Я. Данилевский в этой связи специально подчеркивал явную бессмысленность для России «тысячу лет строиться, обливаясь потом и кровью, и составить государство в восемьдесят миллионов... для того, чтобы потчевать европейской цивилизацией пять или шесть миллионов кокандских, бухарских и хивинских оборванцев, да, пожалуй, еще два-три миллиона монгольских кочевников...» [6, с. 79]. Абсурдность понимаемого таким образом будущего «великого назначения» России вполне очевидна, несмотря на веками транслировавшееся Западом убеждение в приемлемости именно такой модели цивилизационного развития. Европа настойчиво предписывала России всемирно-историческую роль «носительницы европейского просвещения».

В соответствии с историософской концепцией Н.Я. Данилевского, историческая миссия нашей страны абсолютно иная. По мнению философа, Россия призвана раз и навсегда избавиться от навязываемых ей Европой мировоззренческих предпочтений, излечиться от веками изматывавшей и ослаблявшей ее «болезни европейничания» и сконцентрировать максимум усилий на сознательном культивировании, последующем сохранении и развитии собственного, славянского культурно-исторического типа. При этом, по мнению автора «России и Европы», перед славянским миром отнюдь не стоит задача обновления или перестройки всей человеческой цивилизации, как не стоит и задача разрешения общечеловеческих проблем (языком нашей современности, проблем глобальных).

Россия – это особый культурно-исторический тип, имеющий полное право на самовыражение и самостоятельность развития, наряду и наравне с которым (в духе цивилизационной историософии Н.Я. Данилевского и согласованной с ней современной модели многополярного мира), имеют право существовать и полноценно развиваться иные культурно-исторические типы, в том числе и германо-романский. При этом тактика «заискивания милости Европы», равно как и «балансирование перед общественным мнением Европы» [9], должны быть признаны изжившими себя анахронизмами и решительно отвергнуты Россией, наряду со спровоцировавшей их «болез-

нию европейничания». Именно об этом полтора столетия тому назад удивительно прозорливо писал русский философ Н.Я. Данилевский, впервые наметивший конкретные пути обретения нашей страной самостоятельности от Запада: «...сама борьба с Германо-Романским миром, без которой невозможна славянская независимость, должна послужить лекарством для искоренения той язвы подражательности и рабского отношения к Западу, которая въелась в славянское тело и душу путем некоторых неблагоприятных условий их исторического развития» [6, с. 610].

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271.
2. Бунин А. Ю., Емельянова Е. И., Черников А. В. Актуальность геополитических идей Н.Я. Данилевского в условиях глобализации [Электронный ресурс]. URL: <https://danilevsky.ru/dokladyi-konferentsiy/aktualnost-geopoliticheskikh-idey-n-ya-danilevskogo-v-usloviyah-globalizatsii/?ysclid=lructhnmjw806899214> (дата обращения: 15.01.2024).
3. Буренков А.В. Философ, которого цитирует Путин: какие из идей Данилевского воплотились в современной России? // Регионы России: Национальные проекты. Специальный номер. 2021. С. 2–9.
4. Гурьянова А.В. Историческая эпистемология: проблемное поле и эволюция представлений. Самара: СамЛюксПринт, 2009. 238 с.
5. Гурьянова А.В., Выжлов А.В. Русская идея как основа духовно-нравственного воспитания личности // Российская наука: актуальные исследования и разработки: Ч. 1. Самара: Изд-во СГЭУ, 2022. С. 287–290.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 816 с.
7. Заложных Ю.С. «Россия и Европа»: постановка проблемы в общественном сознании (XI – 1 п. XIX вв.) // Вестник Калужского ун-та. 2016. № 3. С. 47–57.
8. Кулиев Ф.М.о., Кулиева Н.В. «Европейничанье» как болезнь русской жизни // Вестник экспертного совета. 2020. № 4(23). С. 90–93.
9. Лантух Н. Европейничанье как «детская болезнь» русского общества // Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность. [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2011/12/15/evropejnichane_kak_detskaya_bolezn_russkogo_obwestva (дата обращения: 15.01.2024).
10. Сиземская И.Н. «Россия – Европа» в зеркале отечественной философской мысли (первая половина XIX века) // Vox. Философский журнал. 2021. Вып. 33. С. 48–71.
11. Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. М.: Мысль, 1998. Т. 1. Гештальт и действительность. 663 с.

THE PROBLEM OF «EUROPEANIZATION»: THE PROGNOSTIC POTENTIAL OF N.Y. DANILEVSKY'S CIVILIZATIONAL HISTORIOSOPHY

A.V. Guryanova*, A.V. Timofeev**

*Samara State University of Economics, Samara

**Samara National Research University, Samara

In the article, through the prism of N.Y. Danilevsky's civilizational historiography, the problem of «Europeanization», relevant both for Russia of the XIX century and for our modernity, is considered. The civilizational historiography of N.Y. Danilevsky and its basic principles – the multiplicity and diversity of cultural-historical types, the impossibility of reducing world history to the Germanic-Roman type, etc. – are interpreted as the worldview basis of the modern model of a multipolar world. At the same time, the analyzed problems focus on Russia in terms of its involvement in the world historical process, interaction with the civilization of the West, overcoming the «disease of Europeanization» that has been hindering its development for centuries. The problems of relations between Russia and Europe, the reasons for the enmity of the Western world towards our country are considered, the ways of the future development of Russia as an original Slavic cultural-historical type are outlined.

Keywords: *eurocentrism, the disease of Europeanization, historiography, cultural-historical type, civilization, Russia, Europe, the West.*

Об авторах:

ГУРЬЯНОВА Анна Викторовна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», г. Самара. E-mail: annaguryanov@yandex.ru

ТИМОФЕЕВ Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных систем и технологий ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара. E-mail: timofeev_av@list.ru

Authors information:

GURYANOVA Anna Viktorovna – PhD (Philosophy), Prof., Head of Philosophy and History Dept. of Samara State University of Economics, Samara. E-mail: annaguryanov@yandex.ru

TIMOFEEV Alexander Vadimovich – PhD (Pedagogy), Assoc. Prof. of Information Systems and Technologies Dept. of Samara National Research University, Samara. E-mail: timofeev_av@list.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 16.03.2024.

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.158

КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: К СПОРУ Н.А. БЕРДЯЕВА И Г.П. ФЕДОТОВА

П.А. Домнинский

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается полемика, развернувшаяся между Н.А. Бердяевым и Г.П. Федотовым – двумя мыслителями русского зарубежья. Главным образом эта дискуссия интересна тем, что она произошла между идейно близкими представителями христианского персонализма. В центре внимания оказываются две статьи седьмого номера журнала «Новый град» (1933): критическая Н.А. Бердяева и ответная со стороны Г.П. Федотова. Концептуальной точкой разрыва стала проблематика капитализма и либеральной свободы. Однако подробный анализ данной полемики приводит к тому, что это было не просто ситуативное разногласие, а принципиально отличные друг от друга взгляды по ряду фундаментальных вопросов. Особое же внимание отводится проблематике культуры как производству Социального, которая подробно раскрывается в контексте спора.

Ключевые слова: Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев, культура, свобода, капитализм.

Введение

Говоря о значимых фигурах русской эмиграции первой волны, мы непременно вспоминаем ее ключевых представителей: Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, И.А. Ильина, В.В. Зеньковского, С.Н. Булгакова, П.Н. Савицкого. Одной из таких фигур философской и публицистической жизни зарубежья был религиозный мыслитель и историк культуры Георгий Петрович Федотов (1886–1951).

В последнее время его творчество все больше привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Этому во многом способствовало издание двенадцатитомного собрания сочинений, в котором собраны многочисленные публицистические работы Федотова, затрагивающие обширный спектр проблем и вопросов как политико-социального, так и историко-культуроведческого характера. Особенно стоит отметить его богословские труды («Святой Филипп, митрополит Московский», «Святые древней Руси», «Русская религиозность»), которые не остаются без внимания исследователей, а также эпистолярный корпус его работ, к сожалению, еще не представленный во всей его полноте, однако и в этом направлении ведется активная работа.

© Домнинский П.А., 2024

Особый интерес представляет тема публичных дискуссий и споров, в центре которых оказался Федотов. Безусловно, центральным в этом ряду является его конфликт с Правлением Богословского института в 1939 г. Как известно, спусковым крючком стал ряд критических публикаций в газете «Возрождение», содержащих язвительные нападки как на Федотова, так и на институт, профессором которого он тогда был. Сразу же стоит отметить, что данный конфликт имеет довольно сложный характер. Более того, в исследовательской литературе можно отметить две различные позиции, главным образом выраженные А.В. Антощенко и А.А. Войтенко.

Однако хотелось бы отойти от этого эпизода биографии русского мыслителя. Несомненно, что Федотов был ярким публицистом, обладающим острым аналитическим умом и имеющим свой взгляд на многие как злободневные, так и более фундаментальные проблемы, что неминуемо вызывало полемические отклики, периодически вспыхивающие на страницах эмигрантской прессы. Помимо этого, стоит упомянуть его весьма непростые отношения с главным редактором «Современных записок» М.В. Вишняком, следствием которых стали критические заметки о «советскости» Федотова, или разногласие в понимании византизма со своим давним оппонентом по Богословскому институту Г.В. Флоровским.

Как несложно заметить, большинство оппонентов, очевидно, не были идейно близки и в политическом, и в мировоззренческом плане Федотову. В свою очередь, представляет интерес эпизод, связанный с двумя статьями в журнале «Новый град» (1933, № 7). Здесь Федотову пришлось оппонировать близкому как идеологически, так и по духу Н.А. Бердяеву. Предметом спора стала автономия культуры и хозяйства от морали и тесно связанная с этим проблема капиталистического производства и либеральной свободы.

Две статьи одного номера

В июльском номере журнала «Новый град» была опубликована статья Н.А. Бердяева «О социальном персонализме», а в качестве реакции на нее – статья Федотова «Ответ Н.А. Бердяеву». В центре внимания публикаций оказались ключевые для обоих философов темы.

Свою критику Бердяев начинает с несогласия по поводу позиции, разделяемой многими авторами «Нового града», согласно которой политика и экономика обладают автономией от морали и этики в целом. Подобного рода воззрение рассматривается им как угроза подрыва христианского начала в жизни, венчающего иерархическую структуру ценностей, пронизывающую все бытие человека [2, с. 44–45].

Однако, обращаясь к «Ответу...» Федотова, надо отметить весьма значимую деталь. В своих работах он не раз касался темы ценностной иерархии. Буквально в том же 1933 г. в «Вестнике Русского Студенческого Христианского Движения» была опубликована конспективная запись доклада Г.П. Федотова, где, рассуждая о национализме, он отмечал следую-

щее: «...всякая духовная ценность, утверждающая себя изолированно от всей системы ценностей, обращающаяся против ценности Духа, становится началом разрушительным» [9, с. 260–261].

И в ответе Бердяеву он соглашался с тем, что секуляризация непременно приводит к девальвации абсолютных (христианских) ценностей, связанных с Богом, результатом которой станет не спасение, а напротив, выпадение в небытие. Однако мораль хоть и оказывает непосредственное влияние на политику и экономику, но не поглощает эти сферы. Более того, они утверждаются как неотъемлемая часть культуры, являющейся воплощением ценностей в падшем материальном мире [11, с. 49].

Для начала необходимо взглянуть на исторический процесс, выстраиваемый Федотовым, в парадигме которого формируется вся остальная общественно-философская система мыслителя. Мир делится на две составляющие: метаисторическую (трансцендентную) и объективированную (имманентную). Однако герметичность последней неполная: несмотря на отчуждение, процессы, происходящие в объективированной действительности, в той или иной степени связаны с божественной (трансцендентной) реальностью. Главная роль здесь отводится человеку как субъекту сугубо историческому, становящемуся во времени. Становление же вовсе не предопределено. Несмотря на исследовательский интерес Федотова к учению св. Августина о двух градах, история понимается им не в духе провиденциализма. Напротив, в своих взглядах он как никогда близок к воззрениям Бердяева, для которого исторический процесс есть драма и трагедия, исход которой совершенно не предрешен.

Однако есть и довольно значимая деталь, которую не стоит упускать из виду. Свобода и разнонаправленность движения истории все же не снимают полностью метаисторический элемент в имманентной действительности. Важной оказывается цель исторического процесса, которая носит ярко выраженный эсхатологический характер. В 1938 г. в одной из своих программных статей, посвященной анализу культуры, Федотов писал: «В небесном Иерусалиме, который (Откр., гл. 21) завершает эсхатологическую драму, человечество должно увидеть плоды своих трудов и вдохновения очищенными и преображенными. Другими словами, этот Град, хотя и нисходит с неба, строится на земле в сотрудничестве всех поколений» [13, с. 219].

Таким образом, ключевую роль в историко-эсхатологических воззрениях мыслителя приобретает деятельность самого человека в мире, причем деятельность творческая и в то же время свободная от вмешательства трансцендентных сил. Как указывает один из зарубежных исследователей русской философии К.И. Мьёр, подобного рода взгляд близок рассуждениям протестантского богослова П. Тиллиха, для которого религия не приходит «свыше», не лежит «по ту сторону», а является результатом реакции человека на бытие [15, с. 19], осознание им «безусловного» (абсолютного) [7, с. 251–252]. Подтверждение данной мысли можно увидеть и у самого Федотова в работе 1933 г. «Движение и современность», опублико-

ванной в вестнике РСХД: «Человек как будто бы случайно ставит себе новые цели, но потом для исторического взгляда открывается разумность и последовательность в видимой случайности. Мы вслед за Гегелем признаем и утверждаем провиденциальный смысл истории...» [8, с. 254].

Безусловно, при такой интерпретации напрашивается параллель с Н.О. Лосским, который видел мир как творчество субстанциональных деятелей [5, с. 26]. Именно принципиально разное понимание творческой активности, а также труда и культуры становится камнем преткновения между авторами рассматриваемой полемики.

Культура как объективированная форма метаисторического

Оба мыслителя рассматривали творчество как возможность человека приблизиться к Богу, однако для Бердяева важен творческий акт сам по себе. Более того, он и вовсе не видит возможности выхода за границы имманентного в рамках культуры, что идет вразрез с философской мыслью Федотова. Результаты культурной деятельности оказываются не то, чтобы вторичными, они вовсе отвергаются главным русским экзистенциалистом как пораженные грехом.

Позиция же Федотова, напротив, далека от понимания социальной действительности (в самом широком смысле слова) как примера поврежденного состояния самого материального мира. Культура, несмотря на свою порочность, имеет трансцендентальный источник [6, с. 132]. И как весьма точно подмечает А.В. Чернышева, культура у Федотова неразрывно действует в двух изводах: в человеческом и в то же время эсхатологическом [14, с. 4–5].

Именно разное восприятие «конца истории» обозначает точки расхождения между двумя мыслителями. В своей критической статье Бердяев прямо декларирует необходимость в «персоналистической революции» [2, с. 46]. Без принципиального разрыва с объективированным миром, со всеми «испорченными» его продуктами, в том числе и результатами человеческой деятельности, невозможно достижение Царства Божьего, «ни в чем не похожего на наши общества, государства и нации» [2, с. 53]. Именно этого революционного жеста и не делает Федотов. Его «небесный Иерусалим» строится на земле, являясь в конечном итоге результатом труда множества поколений [13, с. 219]. В подобного рода трактовке эсхатологии труд как культурное производство [15, с. 21] занимает центральное место.

Таким образом, исторический процесс в работах Федотова описывается как некий поток множества единичных форм социального. Они, в свою очередь, могут быть выражены и субъективно-личностными, и этнонациональными единичностями. Более того, не стоит забывать, что эти социально-культурные формы являются темпоральной локализацией метаисторической реальности в объективированном мире. Однако трансцендентное хоть и раскрывается в этих единичностях, но делает это не полностью из-за ограниченности конечного бытия перед абсолютным.

В связи с этим и возникает проблема построения единства из множества единичностей в конкретный момент и в истории в целом. Последнее приводит Федотова к пристальному взгляду на социальные институты, будь это формальные законы или же негласные традиции, поддерживаемые индивидуальными практиками.

Этим объясняется его неоднозначное отношение к аристократии, особенно в поздних работах. В статьях и газетных очерках середины 1930-х гг. Федотов если и затрагивал тематику свободы, то делал это в рамках демократической традиции. Однако уже с публикации статьи «Польша и мы» (1939) начинается сдвиг в сторону либерально-элитистского понимания происхождения и становления данного общественного феномена. Здесь-то и выходит на первый план аристократия как субъект культурного производства. Устанавливая связь между онтологической категорией свободы и социальной свободой как формой ее проявления в объективированном мире, Федотов прямо указывал на поэтапность ее формирования в историческом процессе: «Боярская свобода в средневековье обеспечила бы нам дворянскую конституцию в XIX веке и всенародную — в XX» [12, с. 302].

Подобную логику генезиса свободы, ее становления как части социальной действительности можно более подробно увидеть в статье «Рождение свободы» (1944). По иронии судьбы такое понимание раскрытия истории во времени весьма близко к мыслям главного объекта критики русского философа – Гегеля. Мало того, что он рассматривает объективированный мир как реализацию в нем абсолютного духа, так и эта реализация оказывается постепенной, когда дух поэтапно познает сам себя.

Отсюда проистекает и схожий взгляд на капитализм, трактуемый Федотовым как одну из исторических форм хозяйственного производства. Однако в своей критической статье Бердяев переводит вопрос в этическую плоскость [2, с. 47–48]. Капитализм рассматривается им как система эксплуатации, преодоление которой возможно только при освобождении человека «от экономики» [2, с. 51]. В свою очередь, Федотов отмечает, что именно при капиталистическом производстве стала возможной постановка самой проблемы «культура для всех» [11, с. 54]. Отныне это вопрос не отдельных элитарных групп, а масс. Кроме всего прочего, весьма ясно прорисовывается здесь и разное понимание труда. Для Бердяева это наказание за грехопадение, с чем, в принципе, согласен и Федотов. И все же труд у последнего оказывается ключевым фактором культурного производства, посредством которого возможно преодоление человеком своей падшей природы.

Подобное различие во взглядах наглядно демонстрирует революционность мысли Бердяева и явную консервативность Федотова. Во многом это связано с характером вопросов, волнующих представителей христианского социализма. Яркой демонстрацией этого являются журналы «Путь» Бердяева и собственно «Новый град», главным редактором которого был Федотов. Если первый скорее разрабатывал линию религиозно-метафизического обоснования христианского социализма, то второй, со-

храняя метафизическую повестку, все же больше внимания уделял выяснению практической значимости и применимости идей персонализма в конкретных социально-политических и культурных процессах [1, с. 169].

Революционность Н.А. Бердяева идет дальше критики капиталистического хозяйственного устройства и ставит под удар всю либеральную общественную систему. В центре этой проблематики оказывается категория свободы. Взамен, как он пишет «формальной», «лживой» и «фиктивной» свободы должна прийти «реальная» [2, с. 50]. Подобный сюжет уже наличествует в его статье 1931 г. «Парадоксы свободы в социальной жизни», в которой он более детально раскрывает свою мысль. Свобода у него представлена в оппозиции «реальной» и либеральной, «формальной». Опорой же данного размежевания становится этика ближнего и этика дальнего соответственно [3, с. 62–63].

Ответ Федотова выглядит консервативно и вновь отсылает к проблеме единства множества единичностей. Непосредственно в седьмом номере «Нового града», на страницах которого и разворачивалась полемика, главный редактор журнала апеллирует к фактам, что может быть не столь убедительно. Более развернутый ответ Г.П. Федотов дает спустя три года в статье «О свободе формальной и реальной» в «Новой России», отвечая сразу на все предыдущие публикации своего оппонента.

Прежде всего, он раскрывает смысл формальной свободы как таковой. В публикации 1936 г. Федотов не просто принимает этику дальнего, ставившуюся ему до этого в упрек, но и продолжает развивать свою мысль в ее логике, понимая свободу, как выражается Бердяев, в декламационно-риторическом ключе. И это дает весьма существенный результат. Он заявляет о свободе как некой ценности в рамках должного и сущего, реализуя ее в историческом процессе через право, являющееся «реальной сферой культуры, не менее реальной, чем хозяйство и быт» [10, с. 271], которое в этом качестве становится пространственной и временной конкретностью, выраженной в тех или иных формах социальной действительности, будь это феодальные привилегии баронов, особые статусы вольных городов или же конституции национальных государств эпохи модерна.

Как видно, именно из множества различных правовых, а значит, и культурных форм и слагается целостное понятие свободы в своем практическом выражении. И если во временной перспективе уже было указано на важность институтов, в которых сначала в качестве декларируемой нормы, а затем в ее реализации существует формальная свобода, то остается открытым вопрос, непосредственно затрагивающий актуализацию множества в конкретном моменте времени. Здесь Федотов обращается к идее негативной свободы, которая была довольно точно описана И. Берлином и заключается в ответе на вопрос «каково пространство, в рамках которого человек может делать что угодно» [4, с. 124]. Подтверждение этому можно найти как в статьях французского периода, так и в поздней публицистике,

вышедшей из-под пера русского мыслителя, уже жившего за океаном, вдали от ужасов мировой войны.

В подобном восприятии реализации свободы в социальной действительности Федотов добивается ухода от тотальности единичного и случайного. В конструируемом им пространстве всегда есть место для «другого», для множества «других» культурно-социальных форм. Причиной же служит невозможность полноценно раскрыть истину через конкретную единичность, что, в свою очередь, преодолевается их совокупностью, в которой и раскрываются разные аспекты истины. Эта же логика используется им и при обсуждении универсализма все в том же седьмом номере «Нового града».

* * *

Полемика двух мыслителей завершается на весьма значимой ноте. В центре ее оказывается общество, которое, по мнению Бердяева, не должно строиться на грехе, пусть даже в хозяйственной сфере [2, с. 59]. Оппонируя ему, Федотов отмечает, что «хорошее общество» – это общество, дающее возможность для становления «хорошего человека», но оставляющее личности свободу не идти по этому пути [11, с. 58]. Различие между ними очевидно: если Бердяев мыслит явно в революционно-утопическом ключе, то Федотов весьма консервативен, не идя на разрыв в том числе с пороками объективированного мира. Отсюда важность культурных форм, которые он признает, а также их многообразие во временной протяженности и конкретном моменте, поскольку именно они и выступают воплощением моральных идеалов в социальной действительности. Более того, человек, согласно Федотову, не дан изначально, а есть результат культурного производства, личных и общественных практик. И именно этот человек будущего, являющийся результатом исторического развития, построит «небесный Иерусалим» или же канет в небытие.

Список литературы

1. Ананьев О.В., Ермичев А.А. «Новый град»: проект духовного и социального переустройства мира // *Философия и общество*. 1999. № 1. С. 154–172.
2. Бердяев Н.А. О социальном персонализме // *Новый град*. 1933. № 7. С. 44–60.
3. Бердяев Н.А. Парадоксы свободы в социальной жизни // *Новый Град*. 1931. № 1. С. 59–66.
4. Берлин И. *Философия свободы*. Европа / предисловие А. Эткин. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 448 с.
5. Ермишин О.Т. Эстетика и концепции творчества в философии русского зарубежья // *Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии*. 2022. № 1. С. 21–32.
6. Савинцев В.И. Типологическая характеристика культуры в философии Г.П. Федотова // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2012. № 12. С. 131–138.
7. Тиллих П. *Избранное: Теология культуры*. М.: Юрист, 1995. 479 с.

8. Федотов Г.П. Движение и современность // Собрание сочинений в 12 т. М.: Sam & Sam, 2012. Т. 4. С. 248–259.
9. Федотов Г.П. Национализм // Собрание сочинений в 12 т. М.: Sam & Sam, 2012. Т. 4. С. 260–271.
10. Федотов Г.П. О свободе формальной и реальной // Собрание сочинений в 12 т. М.: Sam & Sam, 2011. Т. 5. С. 270–274.
11. Федотов Г.П. Ответ Н.А. Бердяеву // Собрание сочинений в 12 т. М.: Sam & Sam, 2013. Т. 6. С. 48–58.
12. Федотов Г.П. Польша и мы // Собрание сочинений в 12 т. М.: Sam & Sam, 2014. Т. 7. С. 299–303.
13. Федотов Г.П. Эсхатология и культура // Собрание сочинений в 12 т. М.: Sam & Sam, 2014. Т. 7. С. 217–227.
14. Чернышева А.В. Г.П. Федотов о культуре в человеческой и эсхатологической перспективе // Гуманитарный вестник. 2018. № 2. С. 1–11.
15. Mjor K.J. Georgii Fedotov as a Theologian of Culture // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 1. С. 15–29.

CULTURE AS A SOCIAL PRODUCTION: THE DISPUTE BETWEEN N.A. BERDYAEV AND G.P. FEDOTOV

P.A. Domninskii

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

The article deals with the controversy between two philosophers of the Russian immigration, N.A. Berdyaev and G.P. Fedotov. This discussion is mainly interesting because they both take a position of Christian personalism. The focus of attention is on two articles in the seventh issue of the «Novyi grad» («New City») magazine (1933): a critical one by N.A. Berdyaev and a response from G.P. Fedotov. The conceptual point of the gap was the problem of capitalism and liberal freedom. However, a detailed analysis of this controversy leads to the fact that it was not just a situational disagreement, but fundamentally different views on a number of fundamental issues. Special attention is paid to the problem of culture as a social production, which is revealed in detail in this context.

Keywords: *G.P. Fedotov, N.A. Berdyaev, culture, freedom, capitalism.*

Об авторе:

ДОМНИНСКИЙ Павел Анатольевич – аспирант кафедры русской философии и культуры ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург. E-mail: paweldomninski@gmail.com

Author information:

DOMNINSKII Pavel Anatolevich – PhD student of the Department of Russian Philosophy and Culture, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. E-mail: paweldomninski@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.02.2024.

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: **ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.166

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЛАНХОЛИИ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ З. ФРЕЙДА И Ж. ЛАКАНА

К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь.

В статье рассматривается феномен меланхолии как особенный способ человеческого бытия во времени. Психоаналитический ракурс Фрейда и Лакана, исследовавших данное явление, предлагает специфическое рассмотрение устройства психического пространства: Я и интроецированный объект желания/утраты, процесс, похожий на скорбь, но невозможный для её работы. В контексте работы проводится последовательный сравнительный анализ подходов к меланхолии Фрейда и Лакана. Выявляются существенные черты их исследовательских стратегий. Проблематизируются и обсуждаются их выводы в плане значимости и эвристических возможностей.

Ключевые слова: либидо, Я, Сверх-Я, объект, утрата, желание, нарцизм, амбивалентность, меланхолия, печаль, скорбь.

Меланхолия – особый экзистенциальный феномен психической стороны человеческого бытия, по-разному содержательно фиксировавшийся в процессе трансформации историко-культурной традиции: *от атрибута человека-мыслителя до специфической формы депрессивного состояния субъекта психиатрического дискурса*. Современное рассмотрение меланхолии едва ли позволит отнести её к самостоятельной клинической единице: всё чаще таковую можно встретить при нозологическом описании разнообразных клинических форм, например, биполярно-аффективного расстройства. Тем не менее, рассмотрим, как проблематизируется меланхолия в психоаналитической традиции З. Фрейда и Ж. Лакана.

Ещё до специальной статьи, посвященной непосредственно меланхолии и определению таковой через сходство и различие со скорбью («Печаль и меланхолия», 1917), Фрейд рассуждает о ней в письме к В. Флиссу (1895), и в работе «Преходящее» (1916). Также, наиболее полное рассмотрение меланхолии Фрейдом представлено в «О введении понятия «нарцизм» (1914), «Влечения и их судьбы» (1915), и «Я и Оно» (1923). В письме к Флиссу в 1895 году Фрейд, при определении меланхолии, намекал на Эдипов комплекс, описывая враждебные импульсы против родите-

лей, которые составляют неотъемлемую часть невроза. Эти импульсы временами вытесняются, когда пробуждается сочувствие к родителям из-за их болезни или смерти. В таких случаях печаль по ним проявляется в виде склонности винить себя в их смерти (меланхолия) или по логике идеи расплаты – наказывать себя истерическими симптомами, копирующими болезни, от которых они страдали. И в рамках данной работы Фрейд понимал меланхолию как траур, спровоцированный утратой либидо.

Среди концептов, позволяющих раскрыть содержание меланхолии в рамках психоаналитического подхода наиболее полно, необходимо отметить *либидо, Я, объект, утрата, желание, нарцизм, амбивалентность*.

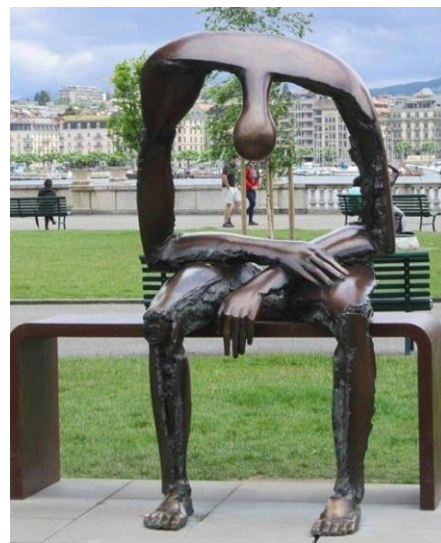
Меланхолия имеет отношение к каждому субъекту, так как субъект психоанализа – это субъект, в основании которого лежит *фигура утраты*. Впервые упоминание о печали вследствие утраты, о печали, обесценивающей наслаждение прекрасным, встречается в работе «Преходящее». Причём подобное состояние, по заверению Фрейда, кажется обычному человеку естественным. Несомненно, важным для понимания образования этого состояния является роль либидо, которое в самом начале развития обращено на собственное Я. Позднее либидо отворачивается от Я и обращается на объекты, которые мы включаем в наше Я. Но если объекты разрушаются/утрачиваются, наше либидо освобождается, берёт взамен другие объекты или временно возвращается к Я [3, с. 226–227]. Проблема заключается в том, что отделение либидо от объектов, как правило, болезненное: «либидо цепляется за свои объекты и не хочет отказываться от потерянных, даже если есть замена» [там же]. Это и есть, с точки зрения Фрейда, печаль. И здесь стоит упомянуть и Карла Абрахама, показавшего связь оральной фазы развития либидо со скорбью (печалью).

Работа «Скорбь и меланхолия» начинается с выявления структурного сходства печали и меланхолии, которые изначально связываются с утратой любимого человека, занявшей его место абстракции, Родины, свободы, идеала и т. д. Но интерес вызывает тот факт, что при одинаковых воздействиях у иных людей вместо печали, преодолеваемой со временем, проявляется вызывающая беспокойство меланхолия.

По большей части, характеристика меланхолии осуществляется Фрейдом с экономической точки зрения (в «Я и Оно» через агрессивную работу Сверх-Я Фрейд будет различать меланхолию и невроз навязчивости). Итак, меланхолия в его описании будет сопровождаться: очень болезненным, дурным настроением; потерей интереса к внешнему миру; утратой способности любить; торможением всякой дееспособности. Всё это присуще и печали. Но в работе печали победу одерживает принятие реальности и утраченный объект более не удерживается с помощью галлюцинаторного психоза-желания. И по завершении данной работы, Я снова становится свободным и ничем не стесненным. В отношении же меланхолии, Фрейд связывает таковую с недоступной сознанию утратой объекта. Он подчёркивает, что утрата любимого объекта здесь носит скорее во-

ображаемый характер, и имеет парадоксальную особенность: «когда он знает, кого, но не знает, ЧТО он при этом потерял» [2, с. 175]. В рамках данного рассуждения, резонно говорить об учреждении функции испытания реальности, описываемую через экзистенциальные суждения (суждения существования). Функция таких суждений относится к возможности нахождения в реальности существующего представления в Я. Фрейд далее полагает мысль относительно того, что мышление способно редуцировать в представлении то, что однажды было воспринято, но при этом существование объекта вовне вовсе не обязательно. Функция испытания реальности, по его мнению, состоит в том, чтобы *вновь* (*эффект новизны: повторение никогда не есть повторение того же самого*) найти соответствующий представлению субъект, убедиться, что он *всё ещё* существует, что отсылает нас к регистру повторения – сути основополагающего принципа функционирования психического аппарата – пульсации влечения в навязчивом повторении вновь найти исчезнувший объект.

В этой логике, утрата – то ключевое условие появления представления и разворачивания судьбы влечения при обнаружении нового объекта в погоне за первичным. Фрейд отмечает специфическое конституирование Я меланхолика, сопровождающееся противопоставлением одной части Я другой – критически её оценивающей и превращающей в объект, что в конечном итоге через снижение чувства собственной значимости, выражаемое посредством самообвинений, самобичевания, усиливающихся до бредового ожидания кары, приводит к моральному недовольству собственным Я, главным образом, за обнищание. А страх обнищания произрастает из «вырванной из своих взаимосвязей и регрессивно преобразованной анальной эротики» [2, с. 183]. Анальная эротика, будучи преобразованной оральной, связана с удержанием объекта без возможности его потерять. Меланхолический комплекс, таким образом, рассматривается как открытая рана, подобная чёрной дыре, притягивающая катектическую энергию, опустошающая Я до полного оскудения. Это состояние внутренней пустоты было гениально воплощено в скульптуре румынского художника Альберта Джёрджи «Меланхолия», установленной в Женеве в 2012 году [см. иллюстр.]. Я теперь исключительно недостойное, недееспособное, эгоистичное, неискреннее, морально предосудительное и унижающееся через любым другим (см. сравнение с Гамлетом). И если при печали утрачен объект и пуст мир, то при меланхолии пусто и утрачено Я. Картина «моральной мании унижения» может дополняться бессонницей, отка-

зом от пищи, преодолением влечения, которое заставляет всё живое держаться за жизнь. При этом Фрейд отмечает, что здесь «нет соответствия между степенью самоуничтожения и реальными основаниями такового» [2, с. 177].

Категория утраты, которую отмечал Фрейд, у Лакана обретает звучание в контексте желания: именно через утрату у субъекта возникает чувство подлинного желания потерянного субъекта, она непрерывно восполняет *объект а*, которого меланхолику никогда не хватает: то, чем он обладает в самой утрате, подавляет желание.

Лакан, проводя аналогию с отлучением от груди, дав изначально посылку, что грудь – это часть ребенка, имплантированная на мать, говорит о фундаментальном разложении изнутри, и грудь здесь окажется утраченным объектом-причиной желания. Это и есть то, что именуется пустотой – разложением пространства, связанным с вырезанием объекта, порождающим оральное влечение в бесконечном огибании утраченного объекта, который у Лакана предстает как присутствие лакуны, заполнить которую может любой объект. Но, если посмотреть глубже, то становится очевидным, что самообвинение здесь следует трактовать как упреки в адрес объекта любви, которые перекалываются с него на собственное Я меланхолика. Соответственно, жалобы превращаются в обвинения (*Klagen = Anklagen*), и тогда становится понятным отсутствие стыда, ибо всё уничижительное, сказанное про себя, с незначительными изменениями относится к другому, кого он любил.

Таким образом, меланхолический процесс складывается следующим образом. После выбора объекта, либидо связывается с определённым человеком, под влиянием реальной обиды/разочарования со стороны этого объекта изменяется отношение, приводящее к ненормальному отвлечению либидо и смещению его на новый объект. Но нагрузка объекта оказалась неустойчивой и прекратилась, в результате чего свободное либидо не сместилось на другой объект, а вернулось в Я в виде идентификации Я с потерянным объектом. «Тень объекта упала таким образом на Я, которое могло бы быть оценено особой инстанцией как покинутый объект» [2, с. 179]. Утрата объекта трансформировалась в утрату Я, а конфликт Я и любимого объекта – в таковой между критикой Я и Я, изменившимся в результате идентификации. Когда на некоторое время удастся освободиться от «тени объекта», наступает состояние мании (не всегда и не у всех), но власть объекта настолько велика, что человек неизбежно возвращается в тоску.

Возвращаясь к мысли о том, что меланхолия случается у иных людей вместо печали, Фрейд отмечает для таковых сильную фиксацию на объекте любви, низкую сопротивляемость объектной нагрузки. Упоминание ранее оральной фазы развития либидо в этом контексте обретает определенный смысл, поскольку идентификация – это предварительная ступень выбора объекта, и связана с его поглощением, что дает некоторое обоснование отказа от пищи при тяжелых формах меланхолии. Таким об-

разом, Фрейд под влиянием О. Ранка приходит к гипотезе, что предрасположенность к меланхолии связана с преобладанием нарциссического выбора объекта. И определение меланхолии звучит как болезнь желания, организованная вокруг нарциссической потери.

Безусловно, содержание меланхолии больше обычной печали. Не оставляет без внимания Фрейд и свойство амбивалентности, присущей любовным отношениям и, наряду с утратой объекта, регрессией либидо в Я, признает ее еще одной предпосылкой меланхолии. При меланхолии внутри ведётся множество отдельных поединков за объект, в которых борются любовь и ненависть: утвердить позицию либидо или избавить либидо от объекта. Всё это происходит в бессознательном – «царстве следов реальных воспоминаний», где травмирующие переживания могут активировать другое вытесненное. Бегство в Я означает, что любовь не уничтожена, в то время как в сознании это явлено в виде конфликта Я и критической инстанции. Если любовь к потерянному объекту, от которой нельзя отречься, нашла спасение в нарциссической идентификации, то отношение к этому суррогату превращается в ненависть: бранить, унижать, заставлять страдать и получать от этого страдания садистское аутоудовольствие. Это месть первоначальному объекту через самонаказание, избавляющая от необходимости показывать свою враждебность непосредственно. Соответственно, через садизм, по мнению Фрейда, раскрывается загадка самоубийства: Я может убить себя только когда в результате возвращения объектной нагрузки оно может обращаться с собой как с объектом, когда оно может направить на себя враждебность, относящуюся к объекту [2, с. 183]. Для Лакана суицид меланхолика связан с несостоятельностью дискурса, где более невозможна речь. Интересно то, как Лакан связывает в данном контексте любовь (*l'amour*) и смерть (*mourir* – умереть), подводя к выводу, что меланхолия – это состояние, в котором субъект ничтожен в сравнении с объектом любви, а сама любовь связывается с влечением к смерти.

Для Лакана меланхолия – несуществующая структура, это страсть бытия, которую он размещает среди психозов, выделив при этом особо категорию боли существования. По его мысли, диалектика лишения возникает лишь вокруг того, что субъект может символизировать. И, вероятно, конституирование меланхолического субъекта происходит иным образом и связано это с первичной символизацией, вводящей субъекта в подчиненную позицию по отношению к материнскому закону. Всё это неизбежно отсылает нас к стадии зеркала (аналогия с игрой в катушку как фазе первичного нарцизма, (*Fort/Da*), которую описывал в своей работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) Фрейд), первым логическим тактом Эдипа (ребенок – объект материнского желания), что связано с образованием инстанции идеального я. Это идеальное я, вероятно, предполагает обретение образа социального идеала, позволяющего меланхолику вписываться в сеть социальных отношений. Любое несовершенство – триггер распада нарциссического образа вплоть до финального уничтожения. Это

отвержение собственным идеалом, которое организует такое положение для субъекта, когда всякое возможное значение для субъекта оказывается исключенным. Меланхолия, по Лакану, – это отказ от первичной символизации, принципиальная невозможность символизировать пустоту, связанную с уходом матери.

Рассуждение о причинах отнесения Лаканом меланхолии к психозам, может быть обосновано механизмом отбрасывания Имени-Отца. И общим здесь является невозможность произвести операцию метафоризации желания Другого. При этом, стоит обозначить и различие, когда психотический субъект пребывает в позиции объекта материнского Другого, а меланхолический субъект отбрасывает Другого вместе с наслаждением, от которого он отказывается быть зависимым и замещает ненавистный объект частью Я.

По прошествии времени меланхолия проходит. Вероятно, это связано с тем, что каждый конфликт амбивалентности ослабевает фиксацию «липучего» либидо на объекте, унижая, обесценивая и, в конечном итоге, «убивая» его, а Я наслаждается тем, что признает себя лучше, чем объект. Однако, обращаясь к «Я и Оно», можно заметить, что тема расщепления Я и тема смерти, а конкретно самоубийства меланхолика звучит у Фрейда всё настойчивее. И если скорбь позволяет субъекту отречься от утраченного объекта, то меланхолия говорит об отречении от Я: «в Сверх-Я отложился и обратился против Я деструктивный компонент. То, что теперь господствует в Сверх-Я является чистой культурой влечения к смерти, если только до этого оно не защитилось от своего тирана, превратившись в манию» [2, с. 295]. Лакан говорит, что объект меланхолии берет верх, что вынуждает «пройти сквозь собственный образ, разрушить его, чтобы там, внутри, достичь, наконец, того *объекта а*, который выходит за его пределы, справиться с которым он бессилен» [1, с. 417]. Страх смерти при меланхолии, по мнению Фрейда, имеет лишь единственное объяснение, связанное с тем, что отказ Я от самого себя происходит по причине того, что Сверх-Я его ненавидит. Жить для Я – быть любимым Сверх-Я, которое здесь выступает представителем Оно. Я ощущает себя покинутым и позволяет себе умереть. Распад Я приводит к разоблачению того *объекта а*, с которым субъект воссоединяется/идентифицируется в моменте самоубийства, отбросом символического порядка. Сообразно представлениям Лакана, меланхолику в этом моменте присуща механичность, автоматизм и отчуждение самого акта суицида. «Выход в окно» как один из распространенных вариантов этого акта, с точки зрения Лакана, также не случаен. Окно – это «рамка фантазма», возвращающая в состояние «принципиальной изъятости из мира» [1, с. 137].

Подводя итог, можно заключить, что психоаналитическое рассмотрение феномена меланхолии подразумевает специфическое рассмотрение устройства психического пространства: Я и интроецированный объект желания/утраты, процесс, похожий на скорбь, но невозможный для её рабо-

ты. Меланхолия – это особенный способ проживания человеческого бытия во времени, имеющий определенные предпосылки психосексуального становления субъекта, связанный со своеобразным уходом от реальности, непризнанием утраты, чувством бесконечной внутренней пустоты при одновременном тотальном заполнении истинного Я объектом-фантазмом, невозможна в своем изнеможении, но находящая свое неповторимое художественное воплощение в творчестве.

Список литературы

1. Лакан Ж. Тревога. Семинар, Кн. X (1962/63) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис, Логос, 2010. 424 с.
2. Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. СПб.: ВЕИП, 2020. Т. 13. Статьи по метapsихологии. Т. 14. Статьи по метapsихологии 2 / пер. с нем. Андрея Боковикова. 384 с.
3. Фрейд З. Хрестоматия: в 3 т. / пер. с нем. Андрея Боковикова. М.: Когито-Центр, 2016. Т. 3: Изобразительное искусство и литература. 312 с.

ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF MELANCHOLIA IN THE PSYCHOANALYTIC DISCOURSE OF S. FREUD AND J. LACAN

K.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The article examines the phenomenon of melancholy as a special way of human existence in time. The psychoanalytic perspective of Freud and Lacan, who studied this phenomenon, offers a specific consideration of the structure of psychic space: the Self and the introjected object of desire/loss, a process similar to grief, but impossible for it to work. In the context of the work, a consistent comparative analysis of the approaches to melancholia of Freud and Lacan is carried out. The essential features of their research strategies are revealed. Their findings are problematized and discussed in terms of significance and heuristic possibilities.

Keywords: *libido, ego, superego, object, loss, desire, narcissism, ambivalence, melancholy, sadness, mourning.*

Об авторе:

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru.

Author information:

ANUFRIEVA Karina Victorovna – PhD (Philosophy), Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carina-oops@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 15.02.2024.

УДК 1(091):930.1

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.173

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ К. СКИННЕРА: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются представления К. Скиннера – одного из самых известных представителей интеллектуальной истории Кембриджской школы. Отмечается, что для Скиннера любое осознанное высказывание подразумевает под собой не только определенный смысл, но и иллокутивную силу, понимание которой эквивалентно пониманию основных намерений, двигавших автором текста. Указывается, что истинное историческое понимание, по Скиннеру, состоит в изучении намерений автора текста посредством анализа лингвистического контекста.

Ключевые слова: интеллектуальная история, речевой акт, понимание, иллокутивная сила, язык.

В центре внимания К. Скиннера, представителя Кембриджской школы интеллектуальной истории, стоят проблемы интерпретации исторических текстов, изучения формирования и изменения идеологии, анализ отношений идеологии и политического действия. Вполне обоснованной выглядит позиция Д. Талли, сводившего методологию Скиннера к ответам на пять вопросов: (а) Что делает или делал автор, когда писал свой текст, по отношению к другим доступным текстам, составляющим идеологический контекст? (б) Что делает или делал автор, когда писал свой текст, по отношению к наличным и проблематичным политическим действиям, составляющим практический контекст? (с) Как следует идентифицировать идеологии, а также исследовать и объяснять их формирование, критику и изменения? (г) Какая связь между политической идеологией и политическим действием позволяет лучше всего объяснить распространение определенных идеологий и какое влияние это оказывает на политическое поведение? (д) Какие формы политической мысли и действий вовлечены в распространение и конвенционализацию идеологических изменений? [14, р. 8]. Другие исследователи отмечали, что контекст для Скиннера носит прежде всего не идеологический, а лингвистический характер, и вполне обоснованно характеризовали его подход как лингвистический контекстуализм [2], выражаемый в представлении, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при помещении их в соответствующий контекст, который может быть понят только с позиции языка, доступного авторам. Язык выступает при этом и как структурное условие, которое ограничивает действия конкретного автора, и как ресурс для действия, обеспе-

чивающий автора различными возможностями [3]. Данный подход позволяет увидеть, как мы «захвачены» собственным специфическим языковым контекстом, и понять, что наши концепции не являются самоочевидными интерпретациями реальности [4]. Поскольку лингвистический контекст состоит из унаследованной культуры и традиций политического мышления, преобладающих в данном обществе, автор действует только в рамках словарей, устанавливаемых специфическим языковым контекстом. Значения слов и высказываний варьируются в зависимости от того, в каком историческом и лингвистическом контексте используется утверждение [6].

Общая направленность работ Скиннера определяется позицией Л. Витгенштейна, согласно которой язык представляет собой интерсубъективно разделяемое множество инструментов, применяемое для различных целей, а некоторые его элементы открыты для субъективной критики, модификации и изменения. Разделяя позицию, озвученную в «Философских исследованиях», – *слова* есть также *действия*, Скиннер объединяет общую лингвистическую прагматику Витгенштейна с теорией речевых актов, разработанной Дж.Л. Остином. Его внимание привлекла следующая позиция: понимание утверждений предполагает схватывание не только значения данного высказывания, но также и предполагаемой иллокутивной силы [11, р. 47]. Чтобы проиллюстрировать уточнения Остина, внесенные в предложенный Витгенштейном анализ, Скиннер предлагает следующий пример. Полицейский видит на пруду фигуриста и говорит: «Там очень тонкий лед». Полицейский произносит что-то, и эти слова что-то значат. Чтобы понять происходящее, с одной стороны, нужно знать значение слов. Но, с другой стороны, также необходимо знать, «что полицейский делал при помощи того, что он сказал». Например, полицейский мог предупреждать фигуриста, и в этом случае высказывание могло быть произнесено с иллокутивной силой предупреждения. При этом он мог спровоцировать некоторые (перлокутивные) последствия своих слов, например, возможно, ему удалось убедить, напугать или просто развлечь фигуриста. «Как всегда подчеркивал Остин, говорить с определенной иллокутивной силой – это обычно совершать действие определенного рода, совершить определенный акт, осуществить намеренное и осознанное действие» [9, р. 275]. Иллокутивное измерение языка и осуществление иллокутивных актов связаны между собой намерениями действующего субъекта.

В эссе «Мотивы, намерения и интерпретация», опубликованном в первом томе «Видений политики», Скиннер обращается к анализу «значения», стремясь понять, какое внимание необходимо сосредоточить на изучении мотивов и намерений авторов в целях интерпретации того, что написано. Он выделяет три возможных подхода к определению «значения» текста. Значение-1 эквивалентно ответу на вопрос «Что означают слова или что означают определенные конкретные слова или предложения в данном тексте?». Подобные установки стоят в центре литературной крити-

ки, сконцентрированной на изучении «текстового значения», а не предполагаемых намерений тех, кто изначально написал их. И именно о значении-1 говорил Деррида, говоря о невозможности его восстановления. Недоступность таких значений проистекает из того факта, что термины, которые используются для обозначения вещей, не только не позволяют сделать это однозначно, но и отходят от того, что предположительно обозначается, пока не перейдут в состояние «свободной игры» [12, р. 91]. Значение-2 подразумевает ответ на вопрос «Что этот текст значит для меня?». Именно к нему обращаются представители «Новой критики», когда говорят об изучении «структур содержания» и необходимости сконцентрироваться на оценке их воздействия на читателя. На значении-2, по мнению Скиннера, был сосредоточен П. Рикер, допускавший, что тексты вполне могут иметь первозданные смыслы, но подчеркивавший, что с течением времени, а также из-за многозначных и метафорических особенностей языка любой текст приобретет автономное пространство, которое больше не оживляется замыслом его автора. Его основное предложение состояло в том, что интерпретаторы должны концентрироваться на этих меняющихся значениях текстов, а не на том, что первоначальные авторы намеревались приписать тексту [12, р. 92].

Существует также и значение-3, отвечающее на вопрос «Что автор имеет в виду, когда говорит что-либо, или что автор хочет сказать своим текстом?». Подобное значение имеют в виду У. Уимсетт и М. Бердсли, стремясь понять, что мог вкладывать в эту фразу автор или что он имел в виду, когда придавал ей именно такое звучание. Чтобы проиллюстрировать значение-3, Скиннер обращается к известному примеру, приведенному Деррида, об отрывке, обнаруженном среди бумаг Ницше, где было написано: «Я забыл свой зонтик». «Как отмечает Деррида: все знают, что означает фраза “Я забыл свой зонтик”, однако мы все еще остаемся без каких-либо средств для восстановления того, что Ницше, возможно, имел в виду, когда писал это, и вполне возможно, что он вообще ничего не имел в виду» [12, р. 92].

Для Скиннера очевидна необходимость обращения к изучению намерений автора текста, и он начинает свое доказательство от обратного, рассматривая основные аргументы противников подобного. В этой связи возможно выделить две линии аргументации. Первая связывается с утверждением, что, даже если возможно обнаружить биографическую информацию об авторе, интерпретаторы не должны допускать того, чтобы подобная информация каким-либо образом влияла или искажала восприятие произведения. Для Скиннера подобные утверждения представляются достаточно спорными. Хотя вполне возможно, что знание мотивов и намерений писателей не имеет отношения к выяснению значения, из этого не следует, что они не играют никакой роли в определении отношения к произведению. Знание о мотивах и намерениях подразумевает под собой знание отношения автора к тому, что он написал, понимание фактов различ-

ного рода, к примеру, шутил он или был серьезен, какие речевые действия он мог совершать, фиксируя написанное. Вполне возможно, что знание, скажем, о том, что некий писатель в значительной степени руководствовался завистью и обидой, ничего не сообщит о «смысле» произведений, но будет играть роль в интерпретации [12, р. 96].

Выделенная Скиннером вторая линия аргументации противников изучения мотивов и намерений проистекает из двух фактически несовместимых утверждений. Одно из них можно сформулировать следующим образом: причина, по которой критикам не следует обращать внимание на такие факторы, заключается в том, что мотивы и намерения писателей следует искать «внутри» их текстов, а не отдельно от них, и, следовательно, они не нуждаются в отдельном рассмотрении. Критически рассматривая подобную позицию, Скиннер обращается к философии языка, отмечая перлокутивные намерения, содержащиеся в тексте. С одной стороны, исследователь может стремиться узнать, была ли у автора конкретная цель, например, сформировать какое-то определенное восприятие или реакцию. С другой стороны, в центре исследования могут стоять иллокутивные намерения писателя, и основным вопросом в этом случае будет следующий: на какой эффект рассчитывал автор в процессе написания своего текста. Это подводит Скиннера к утверждению об отношениях между намерениями писателя и смыслом текста. «С одной стороны, я признаю, что перлокутивные намерения писателя (то, что он мог иметь в виду, написав определенным образом) не нуждаются в дальнейшем рассмотрении, поскольку вопрос о том, было ли произведение задумано автором для того, чтобы вызвать у читателя грусть и печаль, по-видимому, едва ли может быть разрешено, исходя единственно из самого текста и возможных заложенных в нем намеков на его предполагаемое восприятие. С другой стороны, восстановление иллокутивных намерений писателя (то, что он намеревался достичь, когда писал определенным образом) требует отдельной формы исследования, направленного на достижение основной цели критика – понять смысл произведения» [12, р. 99].

Другое утверждение, по сути, не совместимое с первым, заключается в том, что мотивы и намерения находятся вне произведений писателя, следовательно, не являются частью их структуры, поэтому исследователь не должен обращать на них внимания. В поддержку данного утверждения обычно выдвигаются три аргумента. Во-первых, мотивы и намерения просто невозможно восстановить, поскольку они личные по своему характеру и к ним невозможно получить доступ. Для Скиннера подобные тезисы правдоподобны только при игнорировании того, в какой степени намерения, воплощенные в любом успешном акте коммуникации, должны быть публично понятными. «Предположим, что я понимаю, что человек, размахивающий руками на соседнем поле, не пытается отогнать муху..., а предупреждает меня, что бык вот-вот нападет. Прийти к пониманию того, что он меня предупреждает – значит понять намерения, с которыми он дей-

ству» [12, р. 97]. Следовательно, необходимо понять, что размахивание руками можно расценивать как предупреждение и что именно эта условность используется в данном конкретном случае. Следуя за позицией К. Гирца, согласно которой идеи – это «заклученные значения», которые «не выступают как ненаблюдаемые ментальные вещества», Скиннер отмечает, что намерения распознаются публично и не являются частными объектами, к которым никто не может получить доступ. Во-вторых, даже если все-таки возможно обнаружить мотивы и намерения, такая информация может послужить предпосылкой для возникновения шкалы или стандарта для измерения ценности литературного или философского произведения, и, по словам Уимсетта и Бердсли, знание о намерениях автора «нежелательно как критерий оценки успешности художественного произведения. Подобные убеждения также кажутся Скиннеру ошибочными, и, следуя за Ф. Чоффи, он отмечает, что писателю определенно не стоит уверять критика, что он намерен создать шедевр. В-третьих, хотя и возможно восстановить мотивы и намерения писателя, такой тип информации не представляет никакой ценности для интерпретации текста. Данная позиция кажется Скиннеру отчасти корректной, поэтому он предлагает дифференцировать мотивы и намерения и утверждает, что мотивы автора действительно можно рассматривать как находящиеся «вне» его произведений, поскольку они подразумевают под собой обстоятельства и условия, предшествующие написанию произведения или связанные с ним. Намерения же обозначают либо обращение к плану или замыслу конкретного произведения (намерение создать X), либо рассмотрение конкретного текста подобным способом (как воплощение намерения создания X). Рассматривая подобную позицию, М. Холлис задается вопросом, каким образом Скиннер может избежать объяснения мотивов. Основная идея Скиннера состоит в том, чтобы рассматривать осмысленное действие как текст, который, будучи истолкован с помощью аппарата выражений, иллюкций и перлюкций, предполагая, что он был произнесен рационально, будет являться собственным объяснением. Мотивы не столь важны для объяснения, поскольку рациональность субъекта подразумевает под собой достижение намерений: если субъект разумен, то мотивы, которые заставили бы его действовать иначе, исключаются. Для Холлиса подобное описание является непоследовательным, поскольку, во-первых, если у субъекта действия есть более чем один возможный мотив, из этого не следует, что вопрос о мотиве решен. Во-вторых, из того факта, что два возможных мотива приводят к одному и тому же действию, не следует, что объяснение может продолжаться без осуществления выбора между ними. Знать, что человек действовал так, как он действовал, означает знать, как он действовал бы в других условиях, например, когда эти мотивы побудили бы его идти другим путем [7, р. 140].

Другой вопрос, который интересует Скиннера, это то, каким образом намерения будут соотноситься с содержанием понятия «значения» в

отношении творчества автора. При обращении к значению-1 и значению-2 понимание намерений вряд ли будет иметь отношение к пониманию произведения. Значение-3 дает возможность установить тесную связь между намерениями авторов и смыслами их текстов, поскольку понимание намерений будет не просто соотноситься с пониманием значений написанного, а являться эквивалентным ему. Тем самым достижение «понимания» этих намерений эквивалентно пониманию природы и диапазона иллокутивных актов, которые писатель мог осуществить в письменной форме определенным образом. Выявить эти намерения – значит понять природу и характер иллокутивных актов, которые автор, вероятно, осуществлял, когда писал именно так, а не иначе, что подразумевает характеристику предполагаемых действий автора: намеревался ли он оспорить или отстаивать определенную линию аргументации, критиковать или способствовать сохранению определенной традиции дискурса [12, р. 100–101].

Предвидя возможные критические замечания, Скиннер представляет несколько уточнений. Он не поддерживает радикальную контекстуалистскую позицию, согласно которой «окончательный критерий правильности» интерпретации можно определить только путем изучения исходного контекста, в котором произведение было создано. Его интересует другой момент: всё, что автор делает в своем тексте, должно иметь значение для интерпретации, следовательно, одной из задач, стоящих перед исследователем, должно быть восстановление намерений автора, которыми он руководствовался при создании текста. Однако из этого не следует, что исследователь должен принимать заявления, которые делают авторы относительно собственных намерений, как наиболее авторитетные. «Субъект действия, несомненно, находится в привилегированном положении при характеристике своих намерений и действий, но вполне возможно, что автор может не полностью понимать свои намерения, или может обманывать себя, или может быть некомпетентен в их изложении» [10, р. 1–2]. Кроме того, для Скиннера любые попытки утверждения о том, что необходимо рассматривать истинность или рациональность изучаемых убеждений для того, чтобы объяснить, почему они были приняты, являются некорректными, поскольку вопрос о том, во что рационально верить, зависит в значительной степени от природы убеждений и картины мира. Тем самым «рациональным действующим лицом будет тот, чьи суждения состоят в некотором отношении с самим порядком формирования суждений» [10, р. 1–2]. Подобные утверждения кажутся сомнительными для ряда критиков идей Скиннера. К примеру, Д. Фемиа утверждает, что объяснение с точки зрения намерений авторов, далекое от исторической формы объяснения, является препятствием для изучения чего-либо ценного и несовместимо с традицией историзма [5]. Интересен и ряд критических замечаний в адрес Скиннера, сформулированных Дж. Кином. Во-первых, Скиннер ошибочно отождествляет понимание текста с пониманием намерений автора при его написании, игнорируя тем самым возможности языка текста.

Во-вторых, сама идея непредписывающего и описательного «исследования» (которое Скиннер разделяет с Витгенштейном и Фуко) основана на устаревшем позитивистском подходе, связанном с заблуждениями относительно восстановления смысла, и должна быть заменена идеей (первоначально развитой в библейской герменевтике) диалога согласований и слияния горизонтов между интерпретатором и автором. В-третьих, Кин утверждает, что метод Скиннера не критичен и поэтому направлен на укрепление отношений власти и интересов, чего и следует избегать, поскольку наиболее привлекательным для Кина является наличие множества перспективных повествований о прошлом [8].

Холлис отмечал, что идея рациональности действующего субъекта не всегда может быть применена при формировании исторических объяснений. К примеру, историю британского профсоюзного движения нельзя объяснить подобным образом. Члены организации, особенно лидеры, брали на себя все риски и трудности, в то время как льготы достались работникам в целом, следовательно, лидеры действовали иррационально с точки зрения затрат и выгод. Поэтому закономерным вопросом является интерпретация совместных действий, осуществление которой, если следовать методологии Скиннера, вряд ли возможно, поскольку совместные действия никогда не являются рациональными для тех, кто в них участвует [7, р. 142–146]. И здесь следует более подробно обратиться к вопросу о том, что Скиннер понимает под рациональностью. Для него рациональность не подразумевает ничего частного или точного [13]. Когда он пишет о субъектах действия, обладающих рациональными убеждениями, он имеет в виду, что их суждения должны соответствовать обстоятельствам, в которых они находятся. Рациональное убеждение будет тем, к чему субъект пришел в результате общепризнанного процесса рассуждения и аргументации в соответствии с преобладающими нормами эпистемологической рациональности, которые дают ему веские основания полагать, что данное его суждение истинно [9, р. 239]. Рациональный субъект будет стараться выявлять и исключать все явные нарушения логики, однако говорить о наличии какого-то единого критерия и метода, выявляющего рациональные суждения, не вполне корректно. Кроме того, для Скиннера предлагаемые виды объяснений для тех утверждений, которые считаются рациональными, будут отличаться от видов объяснений утверждений, в рациональности которых интерпретатор сомневается. Но это не подразумевает того, что рациональные суждения сами себя объясняют, как утверждает Холлис. Когда Скиннер настаивает на необходимости задаться вопросом, является данное убеждение рациональным или нет, он основывается скорее на том, что разные случаи могут нести в себе различные сложности. «Если мы не начнем с вопроса о рациональности конкретного суждения, мы не сможем правильно определить, что именно должны объяснить, и, как следствие, вести свое исследование в нужном направлении. Если окажется, что убеждение было рациональным для субъекта, нам нужно будет исследовать

условия его достижения. Если бы такое утверждение было явно абсурдным, мы должны будем изучить самые разные условия, которые могли воспрепятствовать или не дать субъекту руководствоваться принятыми нормами очевидности и здравого смысла или, возможно, побудили его бросить этим нормам вызов» [9, р. 241].

Примером последствий неспособности задать подобный вопрос для Скиннера является объяснение верований в колдовство, предложенное Ле Руа Ладюри в классическом исследовании «Крестьяне Лангедока». Ле Руа Ладюри подчеркивал, что верование в колдовство явно иррационально и являлось продуктом массового бреда, а причины для подобного «никогда не могли быть рациональными». По Скиннеру, цель Ле Руа Ладюри состояла в том, чтобы обнаружить объяснения нарушения нормального мышления, и основной вопрос состоял в том, как объяснить «такой подъем мракобесия, эпидемию патологических убеждений» [9, р. 242]. Частично ответ Ладюри заключался в том, что, с одной стороны, с развитием Реформации крестьянство стало опасаться утратить свою традиционную духовную помощь, а с другой стороны, крестьяне были глубоко подавлены крушением надежд на социальные перемены. После провала надежд на социальные изменения стремление крестьян изменить свою судьбу приняло «мифическое одеяние» и стало выражаться в «химерах и фантазиях шабаша ведьм, в попытке бегства при помощи демонических сил» [цит. по: 9, р. 242]. В данном объяснении Скиннера интересует и беспокоит исключительно тот факт, что, считая определенные суждения нерациональными, Ле Руа Ладюри не оставляет возможности рассмотреть другую версию объяснения, не может допустить, что крестьяне могли верить в существование ведьм в результате приверженности ряду других убеждений, с позиции которых подобные феномены выглядели бы логично. И самым простым предположением для Скиннера является следующее: «Крестьяне придерживались убеждения – широко принятого как рациональное в Европе XVI в. – что Библия представляет собой непосредственно вдохновленное слово Бога. Если бы это действительно было одним из их убеждений и если бы для них было рационально его придерживаться, то верхом иррациональности для них было бы отсутствие веры в существование ведьм. Ведь Библия не только утверждает, что ведьмы существуют, но и что колдовство – это мерзость и что ведьм нельзя оставлять в живых. Поэтому заявить о своем неверии в ведьм было бы равноценно выражению сомнения в истинности слова Бога. А что могло быть более опасно иррационально?» [9, р. 243]. Ле Руа Ладюри заранее исключал возможность того, что те, кто верил в ведьм, следовали за какой-либо подобной логической цепочкой. Это означает, во-первых, что он дает вере в колдовство объяснение, которое может оказаться совершенно не соответствующим действительности, и, во-вторых, он обходит ряд вопросов о духовном мире крестьян, на которые, возможно, необходимо обратить внимание, чтобы правильно понять убеждения и поведение.

Позиция Холлиса относительно того, что возможно доказать реальное существование объективной рациональности и соотносить с ней различные суждения, также кажется Скиннеру сомнительной. Если историк расценивает определенное суждение в определенном обществе как иррациональное, это суждение не должно опираться на мнимо объективный критерий того, что можно или нельзя считать рациональным. Историк может претендовать лишь на то, что установил, какие нормы господствовали в том или ином обществе, и констатировать, что рассматриваемый субъект не соответствовал общепринятым нормам эпистемологической рациональности [1, с. 178]. Чтобы понять, что какой-то автор пытался сделать, высказывая определенную идею или довод, необходимо разобраться, что обозначала конкретная идея в рамках трактовки конкретной темы в конкретный период времени. И именно способность охарактеризовать произведение подобным образом, способность оценить иллюкутивные акты эквивалентна пониманию того, какие значения автор вложил в текст.

Итак, каков же возможный метод восстановления иллюкутивных актов? Во-первых, необходимо сосредоточиться не просто на конкретном тексте, но и на господствующих конвенциях, определяющих трактовку вопросов или тем, которые затрагивал текст. Во-вторых, необходимо обратить внимание на картину мира писателя, сферу его подкрепляемых практическим опытом убеждений, что обусловлено наличием логической взаимосвязи между способностью приписывать определенные намерения субъектам действия и тем, что мы знаем об их убеждениях. Какие бы намерения ни имел автор, они должны быть конвенциональными в том смысле, что они должны быть распознаны как намерения отстаивать конкретную позицию в споре или же способствовать исследованию темы [12, р. 102]. Следовательно, для понимания того, что автор мог делать, используя ту или иную конкретную концепцию или аргументацию, необходимо рассмотреть природу и диапазон вещей, которые можно было бы осуществить, используя конкретную концепцию в определенный период времени. Другими словами, исследователь должен быть готов рассмотреть всё, что можно обозначить социальным воображаемым, представляющим собой полный спектр унаследованных символов и представлений, составляющих субъективность эпохи.

Таким образом, интеллектуальная история Скиннера, основанная на признании перформативности текстов и необходимости интертекстуального подхода к ним, подразумевает помещение текстов в интеллектуальные контексты и рамки дискурса, которые позволят понять, какие цели и намерения преследовали авторы при их создании. Для понимания текста необходимо рассмотреть его как комплекс языковых действий и таким образом восстановить то, что делал автор при его написании, – «позицию» или «силу» текста, помещая его в конвенционально управляемый лингвистический контекст. При этом речь не ведется о попытках проникновения в сознание давно ушедших мыслителей, он использует традиционные методы

исторического исследования для того, чтобы понять концепции, восстановить намерения и увидеть вещи так, как видели их предшественники.

Для Скиннера существует, по сути, два измерения языка. Первое он традиционно связывает со значением, изучением смысла и референций, предположительно приписываемых словам и предложениям. Другое описывает в терминах Остина – как измерение языкового действия, изучение ряда вещей, которые говорящие способны делать посредством использования слов и предложений. В то время как традиционная герменевтика обычно концентрируется на первом из этих измерений, Скиннер сосредотачивается на втором, утверждая, что любое осознанное высказывание подразумевает под собой не только определенный смысл, но и иллюкативную силу, понимание которой эквивалентно пониманию основных намерений, двигавших авторами, производившими высказывание.

Список литературы

1. Скиннер К. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 253–346.
2. Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation [Electronic resource]. URL: https://escholarship.org/content/qt3rx2x6jv/qt3rx2x6jv_noSplash_1ed82de1cdda83d5159b849525a5ade6.pdf (accessed: 26.09.2023).
3. Bourke R. The Cambridge School [Electronic resource]. URL: <https://www.qmul.ac.uk/history/media/ph/news/The-Cambridge-School.pdf> (accessed: 25.09.2022).
4. Edling M., Mörkenstam U. Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist [Electronic resource]. URL: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32837/31123pdf (accessed: 21.10.2023).
5. Femia J.V. An historicist critique of 'revisionist' methods for studying the history of ideas // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 156–175.
6. Havercroft J. Skinner, Wittgenstein and Historical Method [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/43263810> (accessed: 26.09.2023).
7. Hollis M. Say It with Flowers // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University, 1988. P. 135–146.
8. Keane J. More Theses on the Philosophy of History // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 204–217.
9. Skinner Q. A Reply to My Critics // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University, 1988. P. 231–288.
10. Skinner Q. Introduction: Seeing things their way // Visions of Politics. Volume I Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1–7.
11. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas [Electronic resource]. URL: <http://people.exeter.ac.uk/sp344/-skinner%20meaning%20and%20understanding%20in%20hist%20ideas.pdf> (accessed: 24.08.2022).

12. Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation // Visions of Politics. Volume I Regarding Method. P. 90–102.
13. Tully J. Overview // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 3–6.
14. Tully J. The pen is a mighty sword: Quentin Skinner's analysis of politics // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 7–28.

Q. SKINNER'S INTELLECTUAL HISTORY: PROBLEMS OF UNDERSTANDING OF HISTORICAL TEXTS

V.P. Potamskaya

Tver State University, Tver

The article deals with the Q. Skinner's conception, who is one of the most famous representatives of the intellectual history of the Cambridge School. It is noted that for Skinner, any conscious utterance implies not only a certain meaning, but also illocutionary force, the understanding of which is equivalent to the understanding of the main intentions stirred the author of the text. It is pointed out that true historical understanding, according to Skinner, consists of studying author's intentions through the analysis of the linguistic context.

Keywords: *intellectual history, speech act, understanding, illocutionary force, language.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г.Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD (Philosophy), Ass. Prof. of the Dept. of General History, Tver State University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.02.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 20. 03.2024.

УДК 130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.184

ПОСТИЖЕНИЕ СМЕРТИ В КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЭРНЕСТА БЕККЕРА

И.С. Шаповалов

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж

Рассматривается проблематика понимания смерти в культурной антропологии Эрнеста Беккера. Анализируются исторические предпосылки и особенности его творчества. Показано, что вся существующая культура действует как фабрика по отрицанию смерти и биологической тварности человека. Установлено, что в условиях падения веры в Бога и строительства земного Рая человек может спасти себя от ужаса смерти в стремлении к божественности, трансгрессии и созданию индивидуального проекта бессмертия в творчестве.

Ключевые слова: *танатология, отрицание смерти, стремление к героизму, проекты бессмертия, творчество.*

Первая половина XX в. прошла под знаком вечных катастроф и смерти: создание и развитие тоталитарных диктатур, две мировые войны, чума нацизма и Холокост. Эти события создали чудовищную мясорубку, в которой были уничтожены миллионы человеческих жизней. В это время насилие, смерть и убийства были буквально вездесущими, что вызвало разочарование в религиях и политических идеологиях (концепт «смерти Бога» Ницше сделался общей для всех реальностью) и стало началом для формирования общества потребления.

В 1950-е гг. можно наблюдать по всему миру (в послевоенной Европе, США и Советском союзе) стремление людей к созданию общества, в котором главным является материальный комфорт, производство товаров и услуг, которые смогли бы спасти от пребывания в катастрофическом мире и отвлечь от травм токсичных идеологий и новой ядерной угрозы. Выжившее человечество попыталось создать Рай на Земле. Как отмечают многие европейские историки, «экономический рост, продолжавшийся в течение тридцати лет после окончания Второй мировой войны, в той или иной мере обогатил все категории общества. Новая триада – “приличное жилье”, автомобиль (пусть “скромный”), телевизор – вкупе с социальным страхованием и эффективными обезболивающими сделала жизнь на Земле если не райской, то по крайней мере довольно сносной. Сегодня одержимость новой триадой позволяет проектировать мечты на более или менее обозримое будущее. Общество потребления вырвало с корнем эсхатологию, при этом не придав своей жизни смысла» [2, с. 390–391].

Общество потребления – это уникальная социальная система, в которой все внимание уделяется потреблению товаров и услуг как основному способу удовлетворения потребностей человека. В таком социуме главный модус бытия людей сводится к приобретению различных материальных благ, а реклама, маркетинг и массовое производство становятся основными инструментами для стимулирования спроса на товары и услуги. Это общество характеризуется очень высоким уровнем потребления природных ресурсов, индивидуализацией всех потребностей и зависимостью от материальных благ цивилизации. Происходит отказ от биологической реальности, начинает доминировать искусственный мир симулякров. Так пишет об этом французский философ Жан Бодрийяр: «мы живем, таким образом, под покровом знаков и в отказе от действительности. Чудесная безопасность: когда мы смотрим на образы мира, кто отличит это краткое вторжение действительности от глубокого удовольствия не быть в ней? Образ, знак, послание, все то, что мы “потребляем” – это наше особое душевное спокойствие, подкрепленное дистанцией от мира, которое даже сильный намек на действительность скорее убаюкивает, чем нарушает» [3, с. 24–25].

Темной стороной общества всеобщего изобилия стало отрицание смерти и замораживание самой экзистенции человека (растворение в гедонистическом «сейчас»). Люди в этой социальной системе часто пытаются избегать мыслей и разговоров о смерти, т. к. сосредотачиваются на жизни, которая сводится к процессу бесконечного поглощения природного мира. Также в новом обществе потребления смерть трансформируется в коммерческий продукт и становится частью бизнеса. Ритуалы похорон, услуги по уходу за усопшими и организация похоронных церемоний становятся частью экономической индустрии. Это новое всеобщее отрицание экзистенциальной сути смерти и обнаруживает философия Бодрийяра: «о мертвых говорят все меньше и меньше, все более кратко, все чаще вовсе умалчивают – смерть лишается уважения. Умиравший теряет свои права, включая право знать, что он умирает. Смерть непристойна и неудобна; таким же становится и траур – считается хорошим тоном его скрывать, ведь это может оскорбить других людей в их благополучии. Крайним проявлением этой скрытой ликвидации является кремирование, дающее минимальный остаток. Смерть больше не вызывает головокружение, она упразднена. И огромная по масштабам коммерция вокруг смерти – больше не признак благополучия, а именно знак упразднения, потребления смерти» [4, с. 416].

Вытеснение смерти и подавление природной реальности стало важным стимулом для запуска танатологических исследований. С 1950-х гг. многие ученые пытаются понять, что есть смерть и как она воспринимается в различных культурах и в современном постиндустриальном обществе. Возникает целая плеяда исследователей, которые изучают различные аспекты смерти и умирания: Джеффри Горер, Элизабет Кюблер Росс, Филипп Арьес, Жан Бодрийяр. Этой идеи придерживаются и современные танато-

логи, полагая, что «дистанцирование общества от смерти, обусловленное во многом драматическими событиями XX века (прежде всего двумя мировыми войнами), определило большой научный интерес к ней в 50–60-х годах. Можно сказать, что именно в этот период возникает современная танатология как междисциплинарное исследовательское поле, в разработку которого внесли важный вклад философы, теологи, этнологи, психологи, социологи, историки, биологи, медики, социальные работники и др.» [7, с. 1046].

Таким образом, можно утверждать, что со второй половины XX в. в академическом дискурсе можно наблюдать «танатологический Ренессанс» – сильное стремление к постижению восприятия смерти в различных культурах и философских дискурсах на фоне гедонизма общества потребления. Многие мыслители осуществляли поворот к смерти для того, чтобы выявить причины современного вытеснения и забвения смерти и оценить важность размышлений и переживаний о конечности всего существующего для жизни человека и социума в целом.

Фундаментом танатологических открытий второй половины XX в. стали философские идеи американского культурного антрополога Эрнеста Беккера. Его работы стали основой для постижения смерти и экзистенциальной драматургии человеческого бытия и вдохновили многих историков и философов исследовать предельные тайны человеческого бытия: в чем смысл жизни, если она обречена?

Древнегреческий философ Эпикур однажды написал, что «самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет» [5, с. 403]. Но действительно ли смерть не имеет к нам никакого отношения, как считал Эпикур? Или смерть, наоборот, отбрасывает такую длинную и темную тень, что живые люди не могут ее игнорировать. Эрнест Беккер считал, что смерть на самом деле постоянно с нами. Он писал в своей культовой книге, получившей Пулитцеровскую премию, «Отрицание смерти»: «идея смерти, ее страх, преследует человеческий род как ничто другое. Это главная движущая сила жизнедеятельности человека» [1, с. 9].

Главные идеи Эрнеста Беккера складываются из двух частей:

1. Страх смерти и то, как он влияет на ощущение реальности человека.

2. Как страх смерти детерминирует поведение человека и порождает то, что Беккер называет «вечной тягой к героизму».

Как и многие другие философы и социологи, Эрнест Беккер полагал, что уникальная способность к абстрактному концептуальному мышлению (создание и модификация воображаемых миров), которое позволяет думать об объектах и событиях, далеких от текущего момента, отвечает за превращение *Homo sapiens* в самый адаптируемый и продвинутый вид, когда-либо существовавший на Земле. Но Беккер пошел еще дальше и заявил, что такая способность превращает человека в подобие Бога: «он ра-

зумный создатель, стремящийся рассуждать об атомах и бесконечности, который может мысленно поместить себя в любую точку пространства и ошеломленно созерцать свою собственную планету. Эта беспредельная экспансия, эта особая сноровка, эта эфирность, это самосознание придают человеку буквально статус маленького бога в природе, как полагали мыслители эпохи Возрождения» [1, с. 52–53].

Однако эта способность к абстрактному мышлению также несет в себе и страшное проклятие для человека. Как и все живые существа, человек в будущем обречен. Однако люди, насколько нам это известно, единственные существа в мире, которые могут осознавать неотвратимое небытие, которое их ждет. И следовательно, только они понимают, что однажды умрут. Так об этом писал сам Беккер: «что значит быть самоосознанным животным? Эта идея нелепа, если не чудовищна. Это значит осознавать, что ты – пища для червей. Это ужасает: быть рожденным из ничего, иметь имя, осознание самого себя, глубокие внутренние чувства, мучительную внутреннюю тягу к жизни и самовыражению – и со всем этим быть обреченным на смерть. Это похоже на розыгрыш, именно поэтому один из типов культурного человека открыто восстает против идеи Бога. Какое божество создало бы такую сложную и причудливую пищу для червей? Циничные божества, говорили греки, которые упиваются муками человека для собственного развлечения» [1, с. 135–136].

Эрнест Беккер считал, что если бы человек понял всю важность и ужас надвигающейся смерти, то он был бы парализован чувством тревоги. Поэтому он полагал, что для того, чтобы иметь возможность что-то делать, люди вечно отвлекают себя от страха смерти. Они пытаются бежать от фатальности смерти. Пытаются побороть ее, отрицая, что она ждет нас всех впереди. Для того чтобы подавить свой страх смерти, человек и создает культуру. Беккер пишет об этом: «культура противостоит природе и превосходит ее. Культура в своих самых сокровенных намерениях – это героическое отрицание тварности» [1, с. 229].

Культура, с точки зрения Беккера, – это совокупность символических форм, это способность генерировать и моделировать воображаемые миры, которые служат фоном, на котором проявляется врожденная потребность человека в героизме. Через героизм каждый человек получает возможность отрицать смерть и детерминацию со стороны природы. Героизм позволяет превзойти время и быстротечность жизни. Главный модус бытия в культуре, героизм – это сильное стремление человека к обретению космической уникальности и осмысленной жизни. Его основой является нарциссизм, потребность ребенка в признании его исключительности, стремление к тому, чтобы быть выдающимся.

Любое общество, по Беккеру, устроено как особая религия (даже если оно официально провозглашает себя светским), основанная на самопревосхождении и героизме. Искусство, религия и наука позволяют чело-

веку отрицать смерть, биологическую реальность и чувствовать себя бессмертным богом.

Беккер считал, что с упадком популярности организованных религий, большая часть которых утверждает существование потусторонней жизни, люди начинают бороться со своим страхом смерти через культурное бессмертие: пытаясь прожить такую жизнь, которая повлияет на ход событий даже после ее окончания. Логика здесь такая: если твое культурное и социальное наследие живет, тогда смерть – это не конец, т. к. твое влияние продолжается даже после гибели физической оболочки и похорон. Чего человек действительно боится, так это не столько полностью исчезнуть, сколько перестать быть для всех значимым.

Тот факт, что каждому человеку требуется создать осмысленное наследие в качестве лекарства от страха смерти, представляет огромную проблему. По мнению Беккера, проблема заключается в том, что люди – это особые существа, чья жизнь в общем смысле ни на что не влияет. Она не важнее, чем жизнь червя или грызуна. Беккер заявляет, что эта проблема ставит человека в очень жуткую ситуацию. Люди – это тварные создания, которые только и хотят отрицать свою тварность и верить в то, что в общем замысле они намного важнее других животных и что они способны достичь божественной значимости на Земле. Как пишет по этому поводу сам Беккер, «тварность ужасает. Признайте однажды, что вы – всего лишь испражняющееся создание, и первобытный океан животного беспокойства грозит захлестнуть вас целиком. Но это больше, чем животное беспокойство, это также человеческое беспокойство, беспокойство, которое возникает в результате человеческого парадокса: человек – это животное, которое осознаёт свои животные ограничения. Что значит быть самоосознанным животным? Эта идея нелепа, если не чудовищна. Это значит осознавать, что ты – пища для червей» [1, с. 135]. Так как Беккер считал, что тварность ужасна, он уверял, что люди формируют свое восприятие реальности так, чтобы думать о том, что они важны для вселенной и не являются бессмысленными тварями.

Как утверждает Беккер, человек с точки зрения природной детерминации – это питающееся и размножающееся животное, которое пытается скрыть свою тварность и как-то оправдать свое пребывание на Земле, используя концепты Бога, любви или науки. Людям не нравится видеть реальность такой, какая она есть, так как на самом деле она очень скучна и ужасна. Особенно это заметно в XXI в., в эпоху гуманистической революции, когда человечество объявило смерти войну и превратило телесность в управляемый конструкт. Историк Юваль Ной Харари так пишет об этом: «декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН после Второй мировой войны, категорически утверждает, что право на жизнь есть самая главная из ценностей человечества. Поскольку смерть явно нарушает это право, значит, она – преступление против человечества, и мы должны объявить ей тотальную войну» [9, с. 30]. Таким образом, человек

мечтает положить смерти конец и полностью подчинить своей власти всю окружающую действительность (это можно назвать комплексом Бога, стремлением разрушить свои ограничения и стать великим Творцом).

Онтология Эрнеста Беккера исходит из того, что у вселенной есть три основных свойства, которые делают всех людей чрезвычайно восприимчивыми к своей тварности и, следовательно, незначительными.

Во-первых, вселенная – это очень ужасное место, которое с абсолютным безразличием насыщает бесконечные страдания и трагедии на все человечество. Артур Шопенгауэр заметил это свойство бытия и заявил, что если всегда быть честными относительно природы окружающей реальности, то людям придется жить с пониманием того, что трагедия может настигнуть их в любой момент. Сам Беккер пишет: «как любое живое существо, человек чувствует, на какую планету попал – кошмарный, демонический, безумный мир, в природе которого есть миллиарды развязных индивидуальных организменных желаний разного рода – и это все не считая землетрясений, метеоритов и ураганов, у которых есть свои адские желания. Любая вещь, имея целью значительно расшириться, всегда пожирает остальных» [1, с. 90]. Беккер замечает: «Сильвия Плат где-то назвала Бога “Королем Паники”. И Паника – король гротеска. Что мы должны ожидать от мироздания, в котором обычная деятельность состоит в том, чтобы организмы рвали друг друга на части любым возможным способом – кусая, разрывая плоть клыками, размалывая кости, с жадностью толкая мякоть дальше по пищеводу, соединяя ее сущность со своей собственной, а потом испражняя остатки со зловонием и газами. Каждый рьяно стремится поглотить других, являющихся для него съедобными. Мироздание – это очень кошмарное зрелище, происходящее на планете, которое на протяжении сотен миллионов лет была пропитана кровью всех его созданий» [1, с. 391].

Во-вторых, вселенная – это поистине великолепное и удивительное место. Беккер думал, что люди часто пытаются минимизировать и подавить понимание чудесности всего существующего, так как это напоминает им о их случайности и незначительности. Чтобы выжить, человеку приходится пойти на сенсорную ампутацию – ограничить свое восприятие и перестать видеть во всем бытии чудо. Как пишет об этом сам Беккер, «мир как он есть, созданный из пустоты, вещи как они есть и какими они не являются – все это для нас слишком, чтобы мы могли это выдержать. Или лучше сказать так: мы бы не смогли столько выдержать, не упав в обморок, трясясь как сухой лист на ветру и, словно в трансе, не реагируя на движение, цвета и запахи окружающего мира. Мы заблокировали чуду доступ к своему сознанию, изменили его, и больше не воспринимаем мир таким, каким он воспринимается через естественный опыт» [1, с. 85].

В-третьих, вселенная загадочна и непостижима. Все люди, по мнению Беккера, не способны постичь истину окружающего мира за те мгновения бытия, которые им отведены. Каждый человек погибает в забвении

относительно всех главных тайн мироздания: в чем смысл всего существующего на Земле и в чем предназначение жизни во вселенной? Ответы на эти вопросы так и не найдены.

Согласно Беккеру, люди искажают ужасность, удивительность и великую загадочность вселенной для того, чтобы обмануть самих себя и заставить себя поверить в то, что их жизни имеют высший смысл и ценность. Вместо того чтобы в полной мере пережить жуткие свойства вселенной, которые принижают людей и их жалкие проблемы, люди концентрируют свое внимание на очень и очень узкой части мира: материальные блага, социальный статус, любовь или потомство. Они живут так, как будто эти вещи имеют вселенское значение или хотя бы важны в контексте развития человеческой истории. Человек полностью погружается в свой особый мир и притворяется, что все смыслы и чудеса всей вселенной сводятся к нему. Искусственно раздувая значимость своего духовного проекта, человек может отгородиться от своей онтологической уязвимости и незначительности, сбежать от своего страха смерти и верить в то, что его жизнь имеет высший смысл, а все его действия очень важны и отразятся на будущем всего человечества. Создавая свой мыльный пузырь под названием «культура» и «семья», человек надеется обрести великий статус божественности и спасти себя от небытия. Однако при этом забывается, что «смерть показывает нам то, что кроется в живущих. Отгораживаясь от процессов, происходящих с человеком после момента смерти, мы отказываем себе в более глубоком понимании того, какие мы есть на самом деле» [6, с. 310].

Страх смерти рождает то, что Беккер называет стремлением к героизму. Он называет попытку отрицания своей тварности и желание придать своей жизни абсолютную значимость влечением к героизму. Для Беккера героизм – это в первую очередь реакция на ужас перед небытием и смертью.

Итак, Беккер полагает, что героизм – это отрицание смерти, человеческой конечности и биологических ограничений. Но зачем это нужно человеку? Как отмечает Беккер, человек – это экзистенциальное противоречие, раскол. В нем есть дух, который стремится к вечности, трансцендентному и обладает особым самосознанием, и есть тело, которое привязано к природе и обречено на гибель. Человек – это единственное существо в мире, которое осознает и переживает смерть: это его дар и проклятие. Очень ярко пишет об этом сам Беккер: «человек – всего лишь червь и пища для червей. Это парадокс: он вне природы и всё же безнадежно в ней; он двойственный, в вышине среди звезд и всё же заключенный в качающем кровью, ловящем воздух теле, которое когда-то принадлежало рыбе и до сих пор имеет доказывающие это признаки жабр. Его тело – это материальная плотская оболочка, чуждая ему во многих отношениях – самым странным и отвратительным из этого является то, что оно болит, кровоточит, разлагается и умирает. Человек буквально расколот надвое: он осознает свою собственную выдающуюся уникальность в том, что он величаво возвышается над природой, и всё же

он возвращается в землю на глубину нескольких футов, чтобы затем слепо и тупо сгнить, и исчезнуть навсегда. Это ужасающая дилемма, в которой и с которой приходится жить. Низшие животные, конечно, избавлены от этого болезненного противоречия, поскольку им не хватает символической идентичности и сопутствующего ей самосознания. Они живут в мире без времени, как бы пульсируя в состоянии немого бытия. Знание смерти рефлексивно и концептуально, и животные избавлены от него. Они живут так же бездумно, как и исчезают: несколько минут страха, несколько секунд мучений, и всё кончено. Но проживать целую жизнь с осознанием собственной смертности, преследующей даже во снах и даже в самые солнечные дни – это совсем другое» [1, с. 53].

Человек расщепляет реальность на две формы бытия: символическую и материальную, биологическую действительность. Символический мир создается для сокрытия материальной телесности. Великие здания, история, культура и памятники, а также всё, что делает человек, – это способ обрести свою великую космическую значимость, сохранить себя для вечности и убежать от смерти.

Некоторые люди удовлетворяют свое стремление к героизму в достижении славы, богатства или совершая великие подвиги. Однако Беккер понимает, что такой путь не для большинства людей. Массы идут к героизму в упрощенном виде: они наделяют значимостью и смыслом всю свою повседневную жизнь. Они могут переживать героизм благодаря работе, любви, семье или же преданности политической партии. Суть везде одна: человек должен убедить себя в том, что его действия имеют смысл и выльются во что-то очень значимое, что будет существовать и после его смерти. Это стремление к вечности мы можем найти у каждого человека на Земле. Мы постоянно пытаемся забыть тот факт, что «для каждого из нас наступит день, когда с будущим будет покончено» [8, с. 103].

Культура через стремление к героизму порождает проекты бессмертия: религиозные и философские системы, которые отрицают телесную тварность человека и открывают ему доступ к вечности. Это позволяет человеку побороть страх смерти, жить дальше и чувствовать себя в безопасности.

Однако у каждой культуры есть свой собственный проект бессмертия и установления идеального мира на Земле. Все конфликты между различными цивилизациями можно рассматривать как битвы за установление единой для всех идеи вечной жизни и Рая. То есть человечество вступает в бесконечные войны не из-а врожденной агрессии или ради ресурсов, а из-за стремления к героизму, желанию установить лучший для всех мир. Именно стремлением к созданию Рая на Земле приверженцы великих идеологий (мировая либеральная демократия, коммунизм или вечный рейх) оправдывали свои убийства, насилие и геноцид и порождали абсолютное зло в этом мире.

Из-за ужасов войн XX в., которые были порождены великими идеологиями, Беккер предупреждает, что коллективные проекты бессмертия (например, наука или религия) сегодня обречены. Без защиты культуры и религии человек начинает понимать, что его значимость никак не превышает ценность всех других живых существ на планете, а следовательно, с точки зрения Беккера, она нулевая. Но люди не могут жить с осознанием того, что попытка стать героем обречена, а всё их бытие – это гонка за иллюзиями.

Что же поможет современному человеку побеждать его страх смерти, если наша вера в великие религии и идеологии сегодня подорвана? Сам Эрнест Беккер считал, что человек должен наконец-то признать свою тварность и конечность всего существующего. Человек должен наполнить себя отсутствием, пустотой и стремиться к божественности (которая заключается в акте творчества и вечного самопревосхождения) для того, чтобы воспринимать природу как чудо и жить полноценной жизнью, радуясь каждому мгновению. Как указывает нам Беккер, «человек должен иметь мужество быть собой, для того чтобы стоять на ногах и противостоять вечным противоречиям нашего реального мира. Смелая цель для такого мужества – впитать в себя максимальное количество небытия. Таким образом, его повседневная жизнь становится действительно долгом космических масштабов, а его мужество противостоять тревоге бессмысленности становится настоящим космическим героизмом» [1, с. 386]. Итак, по мысли самого Беккера, человек в современном мире может спастись от страха смерти при условии падения старых метанарративов, в стремлении к божественности через создание индивидуального проекта бессмертия в творчестве и трансгрессии.

Почему от страха смерти человека может спасти творчество, и что такое творчество?

Творчество – это уникальный модус существования, в котором человек с помощью силы своего воображения, абстрактного мышления и интуитивного озарения может создавать нечто новое, что позволяет познавать и изменять мир и самого себя. Творчество – это деятельность, ведущая к созданию новых миров и к разрушению старых систем. Это личный режим бытия, в котором человек выходит за рамки биологической детерминации (отход от природной цепочки: питание – размножение – выживание) и открывает самого себя как полностью самодостаточное существо, независимое и абсолютно свободное. Творчество как продуктивная, а не репродуктивная деятельность, выступает компенсацией за биологическое, пустое и потребительское – животное существование. Через акт творчества человек может не только что-то забирать у мира, истощая и убивая его, но и отдавать ему взамен нечто новое, служа бесконечным источником обновления и вечного возвращения жизни. Таким образом, мы рассматриваем творчество как компенсацию биологического, животного, телесного и смертного режима бытия.

В качестве катализатора творчества могут выступать различные мощные чувства и эмоции, например, страх, ужас и гнев. Человека может толкнуть к творческой деятельности одиночество, желание заполнить свою внутреннюю пустоту или стремление создать новый мир из-за переизбытка собственных жизненных сил.

Мы полагаем, что одним из самых ярких и мощных катализаторов или стимуляторов творческой деятельности выступает переживание, осознание и проживание реальности смерти. Понимание факта фатальной конечности всего существующего толкает человека к особой творческой деятельности, к желанию победить смерть в акте сотворения чего-то нового. Майкл Шермер об этом пишет: «мы творим и изобретаем, строим и конструируем, пишем и поем, выходим на театральные подмостки и спортивные арены для того, чтобы заглушить ужас осознания собственной смертности. Цивилизация есть продукт не амбиций, а страха» [10, с. 24].

Творчество позволяет протерапевтировать наш страх смерти, создавая своеобразную форму бессмертия через творение новых философских трактатов, научных исследований, шедевров архитектуры, живописи и художественных произведений. Переживание ужаса смерти открывает перед каждым человеком вселенную смерти как процесс всеобщей аннигиляции всего существующего. Это открытие смерти личностью может вызвать в человеке бесконечное стремление творить, создавать нечто новое. В данном случае творчество будет восприниматься субъектом как выход за пределы биологической заданности, стремление обрести вечную жизнь в своем произведении и победить страх смерти.

Список литературы

1. Беккер Э. Отрицание смерти. М.: АСТ, 2023. 416 с.
2. Боди-Жандро С., Лево Р., Орфали К. История частной жизни. / под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М.: Новое литературное обозрение, 2023 г. Т. 5. От I Мировой войны до конца XX века. 688 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: АСТ, 2022. 320 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Рипол классик, 2021. 512 с.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1998. 572 с.
6. Кэмбел Х. О дивный тленный мир. Когда смерть – дело жизни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 352 с.
7. Малышева С.Ю. Проблематика смерти в социально-гуманитарных исследованиях второй половины XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, № 4. С. 1043–1053.
8. Филатов В. Этика Небытия. Жизнь без смысла: самая печальная философия. М.: Издательские решения, 2019. 196 с.
9. Харари Ю. Homo Deus: Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2019. 496 с.

10. Шермер М. Небеса на Земле. Научный взгляд на загробную жизнь, бессмертие и утопии. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 396 с.

COMPREHENSION OF DEATH IN ERNEST BECKER'S CULTURAL ANTHROPOLOGY

I.S. Shapovalov

Voronezh State University, Voronezh

The article explores the understanding of death in the cultural anthropology of Ernest Becker. It analyzes historical background and features of his work, revealing that existing culture functions as a factory of denial for death and the biological animality of humans. The study establishes that, amidst declining faith in God and the pursuit of an earthly paradise, individuals can overcome the terror of death by striving for divinity, transgression, and the creation of a personal immortality project through creativity.

Keywords: *thanatology, denial of death, pursuit of heroism, immortality projects, creativity.*

Об авторе:

ШАПОВАЛОВ Игорь Сергеевич – аспирант кафедры истории философии и культуры, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж. E-mail: igor14032@yandex.ru

Author information:

SHAPOVALOV Igor Sergeevich – PhD student of the History of Philosophy and Culture Department, Voronezh State University, Voronezh. E-mail: igor14032@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 28.02.2024.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ТвГУ. СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ»

**Все рукописи печатаются бесплатно.
Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат».**

В редакционный совет журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия» необходимо представить:

- файлы:
 - рукопись статьи;
 - сведения об авторе(ах);
 - скан заполненного лицензионного договора.
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - рукопись статьи;
 - сведения об авторе(ах);
 - заполненный лицензионный договор о предоставлении права использования произведения.

В связи с переходом журнала на электронную форму подачи, рецензирования и обработки статей рукописи подаются в электронном виде в формате MS Word через систему Open Journal System (OJS) на сайте <https://journal.tversu.ru/index.php/philosophy/login>.

Сведения об авторе(ах) должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью, при наличии) автора.
2. Полное и сокращенное официальное наименование основного места работы (или учёбы) с указанием структурного подразделения.
3. Должность (образовательный статус – напр. «аспирант»).
4. Ученую степень, ученое звание (при наличии).
5. Адрес личной электронной почты и телефон (для связи и переписки).
6. SPIN-код – персональный идентификационный код автора в SCIENCE INDEX (РИНЦ).
7. Профиль автора в ORCID.

Автор может факультативно указать о себе иные дополнительные сведения. Следует указать, с каким автором (если их несколько) следует вести переписку. Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи

Статья должна быть тщательно отредактирована, отвечать требованиям научной публикации:

1. представляемая статья должна быть оригинальной и актуальной, иметь элементы научной новизны;
2. материалы должны соответствовать профилю журнала;
3. название рукописи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать её содержанию;
4. во введении к статье должны быть отражены актуальность темы, современное состояние исследований в рассматриваемой области, приведены необходимые ссылки на литературу;
5. выбранные методы должны быть адекватны поставленным задачам;

6. результаты исследования (выводы) должны быть обоснованы и корректны, их изложение должно быть ясным и четким;
7. за ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор(ры) статьи. Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.
8. Оформление рукописи должно соответствовать следующим правилам:
 - текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97 (название файла со статьёй даётся по фамилии первого автора (например, Petrov_text.docx, Petrov_text.rtf);
 - язык публикаций – русский. Перевод аннотации и ключевых слов должен быть сделан с учетом используемых в англоязычной литературе специальных терминов и правил транслитерации на английский язык. Возможен прием статей на английском языке с дублированием аннотации и ключевых слов на русском языке.
 - формат бумаги А4;
 - параметры страницы: поля – верхнее 3 см, левое и нижнее 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
 - к публикации принимаются статьи объёмом до 0,5 п. л., аналитические обзоры до 1 п. л., статьи аспирантов объёмом до 0,5 п. л.; рецензии; сообщения (краткая информация о научной проблеме, научной жизни, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах, некрологи) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии (до 0,5 п. л.).

Общий порядок расположения частей статьи

1. УДК (выравнивание по левому краю, 10 пунктов).
2. **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ** (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов). Информация о грантовой поддержке (при ее наличии) даётся на название статьи и выносится подстрочной ссылкой в конце первой страницы текста статьи (выравнивание по ширине, 10 пунктов).
3. **Инициалы, фамилия автора(-ов)** (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
4. Название основного места работы (учёбы), город (выравнивание по центру, 11 пунктов).
5. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов,) – 100–250 слов.
6. *Ключевые слова на русском языке* (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую) 5–7 слов и/или словосочетаний.
7. Текст статьи (выравнивание по ширине, 12 пунктов). Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиография выверены. Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти – Заменить». Подчеркивание в тексте не применяется (смешивается с гиперссылками). Вместо подчеркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.
8. Благодарности (при их наличии) (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов).
9. Список литературы (выравнивание по левому краю, 11 пунктов). биб-

лиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Номер ссылки в тексте заключается в квадратные скобки, в списке литературы – нумеруется арабскими цифрами без скобок. Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать, желательно, чтобы их количество не превышало 25% общего числа ссылок.

10. **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ** (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов).
11. **Инициалы, фамилия автора(-ов)** на английском языке (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
12. **Название учреждения(-ий)** на английском языке (выравнивание по центру, 11 пунктов).
13. **Аннотация** на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).
14. **Ключевые слова (Keywords)** на английском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).
15. **Сведения об авторах на русском языке** (ФАМИЛИЯ Имя Отчество – ученая степень, ученое звание, должность с указанием подразделения, место работы с указанием организационно-правовой формы учреждения, адреса (юридического) и почтовый индекс, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).
16. **Сведения об авторах на английском языке** (ФАМИЛИЯ Имя Отчество – ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы, адреса и почтового индекса, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).

Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в реестр Министерства юстиции РФ.

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ из указанного реестра необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать факт включения в реестр.

Журнал «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия» в соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Минобрнауки РФ включён в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:
5.7. Философия.

Контактные данные редакционной коллегии

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 204

Тел.: (4822) 63-01-51, (4822) 34-78-89 (глав. ред.)

Официальный сайт журнала – <https://journal.tversu.ru/index.php/philosophy/index>

E-mail: vestnik-tver@mail.ru, gubman@mail.ru

Главный редактор – Губман Борис Львович;

ответственный секретарь – Рассадин Сергей Валентинович.

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: Философия № 1 (67), 2024

Подписной индекс: **85715** (интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать: 28.05.2024. Выход в свет: 03.06.2024.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,33.

Тираж 500 экз. Заказ № 130.

Издатель/учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».

Адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корп. Б.

Тел. (4822) 35-60-63.

Цена свободная